

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 4. История

Санкт-Петербург
2010

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3 (Том 4) 2010
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремин, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2010

Содержание

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Д. А. Бочинин

Д. П. Григорович – пионер отечественного гидроавиастроения 7

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

М. В. Кирчанов

Националисты и историческое воображение
в Социалистической Республике Македонии
(1950 – начало 1980-х гг.)..... 15

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

В. О. Левашко

К вопросу о моральной готовности личного состава ВВС
Краснознаменного Балтийского флота перед началом
советско-финляндской войны..... 25

Г. А. Касьянов

Империалистический характер Второй мировой войны
и ее политическая обусловленность 39

А. В. Спиридонов

Количество и состав студенческих партизанских отрядов
Ленинграда в начале Великой Отечественной войны 48

Н. Д. Козлов

Общественное сознание и настроение народа
в начале Великой Отечественной войны 57

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

С. В. Яров

Одинокие люди в блокадном пространстве 69

ЭТНОГРАФИЯ

А. В. Имихелов

Этнодемографические процессы в Бурятии.
Исторический очерк..... 80

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

В. М. Вихров

Председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев
и организация обороны Петрограда (1918–1919 гг.)..... 92

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

В. С. Белых

Русское масонство в период царствования Александра I..... 101

С. В. Зайцева

Узаконение внебрачных детей в Российской империи
в конце XIX – начале XX в. 110

Е. В. Цветкова

Формирование патриотического сознания
советской молодёжи в 1930-е гг. 117

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. И. Чепель

Граница как иллюзия. Шведские власти
в борьбе за население после Столбовского мира 125

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Т. М. Шестопалова

К вопросу о процессе формирования местных органов власти
в губерниях Среднего Поволжья в марте-октябре 1917 г. 137

Сведения об авторах..... 144

CONTENTS

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNICS

D. A. Bochinin

D. P. Grigorovich – the pioneer of native hydroaircraft engineering 7

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

M. W. Kyrchanoff

Nationalists and historical imagination in SR of Macedonia
(1950 – 1980s)..... 15

MILITARY HISTORY

V. O. Levashko

To a question of moral readiness of staff of the Air Force of the
Krasnoznamyonny Baltic Fleet before the Soviet-Finnish war 25

G. A. Kasyanov

Imperialistic character of the Second World War
and its political conditionality 39

A. V. Spiridonov

Quantity and structure of student's guerrilla groups of Leningrad
in the beginning of the Great Patriotic War 48

N. D. Kozlov

Public consciousness and moods of the people
in the beginning of the Great Patriotic War 57

EVERYDAY LIFE HISTORY

S. V. Yarov

Lonely people in blockade space 69

ETHNOGRAPHY

A. V. Imikhelov

Ethnodemographic processes in Buryatiya. A historical sketch 80

THE PERSON IN THE HISTORY

V. M. Vikhrov

The Chairperson of Petrosovet G.E. Zinoviev
and the Organization of Petrograd's Defence (1918–1919) 92

RUSSIAN HISTORY PAGES

V. S. Belyh

Russian Freemasonry during the reign of Alexander I..... 101

S. V. Zaytseva
Legalization of illegitimate children in the Russian empire
in the end of 19th – the beginning of 20th centuries 110

E. V. Tsvetkova
Formation of patriotic consciousness of the Soviet youth in 1930s 117

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

A. I. Chepel
Border as illusion. The Swedish authorities in struggle
for the population after the Stolbovsky treaty of peace 125

HISTORICAL REGION STUDY

T. M. Shestopalova
To a question on process of formation of local authorities
in provinces of the Average Volga region in March-October, 1917 137

About authors 144

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 629.735.35(470+571)(091)«1913/26»

*Д. А. Бочинин**

Д. П. Григорович – пионер отечественного гидроавиастроения

В статье рассказывается об основателе отечественного гидроавиастроения – инженере Дмитрие Павловиче Григоровиче. Осенью 1913 г. он построил на авиазаводе С.С. Щетинина в Санкт-Петербурге свою первую летающую лодку М-1 («Морской первый»), в последующие годы сконструировал и организовал серийный выпуск таких известных гидросамолетов, как М-5, М-9 и М-24.

За свою тридцатилетнюю деятельность Д.П. Григорович принял участие в создании более 60 типов самолетов, внес значительный вклад в развитие отечественной авиации.

The article tells about the founder of the domestic hidroavia-structure - an engineer Dmitry Pavlovich Grigorovich. In autumn 1913 he was built for the aircraft factory, SS Shchetinina in St. Petersburg, its first flying boat M-1 ("Marine One"), in the years to produce a tree-organized and serial production of such famous seaplanes like the M-5, M-9 and M-24.

For the thirty-year activity D.P. Grigorovich took participation in creating more 60 types of aircraft, brought significant contribution in development of domestic aircraft.

Ключевые слова: авиация, гидросамолет, конструктор, Д.П. Григорович, аэродинамическая труба, завод «Красный летчик», бомбардировщик, оружие, торпеда, эксперимент.

Key words: aircraft, seaplane, designer, D. P. Grigorovich, wind tunnel, factory «Red pilot», bomber, weapon, torpedo, experime.

Гидросамолет – это самолет, приспособленный для взлетов с воды и посадок на воду. Россия – страна с большим количеством внешних и внутренних водоемов – морей, рек и озер. Поэтому российские конструкторы с начала XX в. стремились наладить собственное производство гидросамолетов.

Идея использовать для взлетов и посадок самолетов не дорогостоящие аэродромы, а практически любые подходящие водные поверхности возникла, очевидно, вскоре после появления самих ле-

* **Бочинин Дмитрий Анатольевич**, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского.

тательных аппаратов. Первый взлет самолета с воды был осуществлен во Франции летчиком А. Фарбом в 1910 г. В этом же году командование Черноморского флота России запросило у Морского генерального штаба средства «на постановку опытов взлета аэропланов с воды». Деньги были отпущены, самолет конструкции Я.М. Гаккеля был построен и экспонировался в 1911 г. на 1-й Международной воздухоплавательной выставке в Петербурге, где даже получил серебряную медаль «за оригинальную конструкцию морского аэроплана». Однако ничего о летных качествах этого самолета на поплавах современным историкам авиации неизвестно. Возможно, что первый отечественный гидросамолет не летал вообще [1, с. 25].

Как бы там ни было, действительно конструктивные шаги по созданию отечественной летающей лодки были предприняты в 1913 г. на петербургском авиазаводе С.С. Щетинина. К техническому директору этого предприятия Д.П. Григоровичу с просьбой отремонтировать разбитую летающую лодку «Доннэ-Левен» обратился летчик Балтийского флота капитан Д.Н. Александров. Очевидно, знакомство с конструкцией именно этого самолета послужило своеобразным толчком к возникновению у инженера Григоровича идеи создания универсального летательного аппарата, способного в полной мере использовать обширные водные просторы России.

Дмитрий Павлович Григорович, один из старейших отечественных авиаконструкторов, родился в 1883 г. В 1909 г. окончил Киевский политехнический институт. Работая на заводе Первого Российского товарищества воздухоплавания «С.С. Щетинин и К», осенью 1913 г. инженер Григорович построил первую летающую лодку собственной конструкции.

По своей компоновочной схеме М-1 («Морской первый») во многом копировал французскую лодку «Доннэ-Левек», но имел и некоторые существенные конструктивные отличия. Первый российский гидросамолет¹ [3, с. 192] представлял собой двухместный учебно-тренировочный биплан с мотором «Гном» мощностью 80 л.с. Летал М-1 в общем удовлетворительно, но практически сразу стала очевидной необходимость ряда доработок [1, с. 65].

У построенного вскоре М-2 была изменена форма днища лодки, увеличена площадь рулей высоты, установлен более мощный двигатель «Клерже». Однако полеты М-2 летом и осенью 1914 г., равно

¹ Гидросамолет – это самолет, способный производить взлет с водной поверхности и посадку на нее. Различают гидросамолеты: летающую лодку (водонепроницаемый плавучий фюзеляж имеет форму лодки), поплавковый (сигарообразные поплавки заменяют шасси обычного самолета) и самолет-амфибию (летающая лодка с убирающимися колесными шасси).

как и последующей модели М-3, показали, что их летные и мореходные данные существенно не улучшились. Более удачной получилась летающая лодка М-4, где конструктор применил ряд технических новшеств. Весной 1915 г. четыре таких самолета были приобретены военно-морским ведомством для ведения воздушной разведки на море.

Действительно широкую и заслуженную известность Д. П. Григоровичу принес гидросамолет М-5. Летающая лодка М-5, спроектированная с учетом всех выявленных при испытаниях предыдущих машин серии «М» недостатков, обладала весьма высокими для своего времени летными и мореходными качествами. Принятая в 1915 г. на вооружение военно-морских сил России М-5 вплоть до 1923 г. строилась серийно на заводе «Красный летчик» в Санкт-Петербурге – Петрограде [6. Л. 8]. Всего было построено около 300 таких самолетов.

В М-5 Д.П. Григоровичу удалось добиться оптимального сочетания летных и мореходных качеств машины. Гидросамолет мог взлетать и садиться при высоте волны 0,5 м. Тщательно выверенное на предыдущих моделях днище лодки не «прилипало» к воде и легко отделялось от нее при взлете. Скорость 128 км/ч была для своего времени весьма высокой. Общий вес самолета был всего 660 кг, причем полезная нагрузка составляла 300 кг. М-5 мог находиться в воздухе пять часов, достигая высоты 4 450 м.

Гидросамолет М-5 активно эксплуатировался более семи лет. Многие морские летчики прошли профессиональное обучение на этой машине. О ее высоких эксплуатационных качествах говорит и тот факт, что военное ведомство Соединенных Штатов Америки закупило в России в годы Первой мировой войны несколько гидросамолетов конструкции Григоровича. Используя их в качестве образцов, американские специалисты организовали серийное производство аналогов наших самолетов.

Конечно, исследователю истории отечественной авиации характеристики первых самолетов Д.П. Григоровича могут показаться в сравнении с тактико-техническими данными, например, современного истребителя Т-50, мягко говоря, невысокими. Действительно, летные показатели истребителя пятого поколения Т-50 поражают воображение: скорость 2,6 тыс. км/ч, дальность полета с дозаправками 5,5 тыс. км. Новый самолет фирмы «Сухой», начавший в январе 2010 г. летные испытания, весит 35 т. Изготовленная почти целиком из титана и композитов эта машина оснащена мощным бортовым вычислительным центром, имеет управляемый вектор тяги, благодаря которому обладает сверхманевренностью [8].

Однако для России 1915 г. создание гидросамолета М-5, а не много позже летающих лодок М-9 и М-24 по своему значению было, пожалуй, не менее важным достижением отечественного авиастроения, чем создание истребителя Т-50 в 2010 г.

Что же представляли из себя эти замечательные самолеты с конструктивной точки зрения, какими материалами располагал Д.П. Григорович, создавая в начале прошлого века свои уникальные машины?

Корпуса лодок изготавливались из ясеня, обшивка была фанерная. Их сборка проводилась на латунных шурупах. Швы и стыки обивались медной фольгой и пропаивались оловом. Снаружи корпуса покрывались лаком, внутри – олифой. Двигатель устанавливался на центральных стойках коробки крыльев. По современным понятиям фанерный фюзеляж, перкалевые крылья, открытая всем ветрам кабина пилота выглядят, конечно же, архаикой. Но в глазах мирового авиационного сообщества такая технология была высшим достижением науки и техники своего времени.

По крупице синтезируя все лучшее, что проявлялось в ряде опытных моделей, Д.П. Григорович удачно воплотил накопленный эмпирический материал в своей новой летающей лодке М-9. В декабре 1916 г. этот морской разведчик прошел апробацию в боевых условиях. Базируясь на авиатранспортных кораблях «Орлица», «Александр I», «Николай I» гидросамолеты М-9 с помощью лебедки спускались на воду, выполняли полетные задания, а затем убирались в бортовые ангары [2]. Двухместная лодка М-9 с отличной мореходностью позволяла применять ее в открытом море для воздушной разведки, патрулирования, связи, бомбометания по кораблям и береговым объектам.

О высоких летно-тактических качествах этого гидросамолета свидетельствует тот факт, что 17 сентября 1916 г. лейтенант Я. Нагурский, имея на борту летчика-наблюдателя, выполнил на М-9 «петлю Нестерова», что было зафиксировано в качестве мирового рекорда. Мало того, эти машины были способны взлетать со снега и садиться на него. Зимой 1920 г. звено из трех М-9 продемонстрировало эту способность на снежном покрове Центрального аэродрома в Москве.

Впервые в мировом гидроавиастроении на М-9 была предусмотрена возможность установки мощного оружия – полуавтоматической пушки калибра 37 мм конструкции М. Шишмарева. На зарубежных аналогах такое вооружение появилось лишь спустя много лет. По ходатайству Морского генерального штаба за заслуги в авиастроении Д.П. Григорович был награжден орденом Святого Владимира 4 степени [1, с. 92].

Очевидно, что М-9 можно считать самым удачным гидросамолетом Д.П. Григоровича, наивысшей точкой взлета его конструкторского потенциала не только за предыдущие, но и за все последующие годы его деятельности в области авиации. Правда, достаточно удачной получилась еще одна летающая лодка – М-24 бис с форсированным двигателем «Рено» мощностью 220 л.с. Однако после постройки на ленинградском заводе «Красный летчик» небольшой серии таких самолетов машины с индексом «М» более не выпускались.

Выдающейся заслугой Д. П. Григоровича является создание первого в мире морского торпедоносца ГАНС (гидроаэроплана специального назначения). Это был достаточно крупный для своего времени самолет с экипажем четыре человека, двумя двигателями «Рено» мощностью 220 л.с., установленными, в отличие от привычной для Григоровича лодочной схемы, на поплавках. Главной же особенностью этого уникального самолета была его способность нести мощную торпеду и прицельно сбрасывать ее в направлении вражеского корабля. Дальнейшее движение торпеды в воде осуществлялось с помощью механизмов, разработанных инженерами завода «Новый Лесснер» в Петрограде. К этой, как покажет время, весьма плодотворной идее российские конструкторы пришли и воплотили ее в действующем торпедном комплексе намного раньше зарубежных инженеров.

Самолет ГАНС был заказан в 10 экземплярах, из которых был закончен только один. Первый полет был осуществлен 24 августа 1917 г., испытывал машину летчик А.Е. Грузинов. ГАНС продемонстрировал хорошую мореходность и управляемость на воде даже при сильном волнении. Однако летные испытания потребовали изменения весовой центровки. Для этого пришлось сместить вперед двигатели, изменять стреловидность крыльев, производить и другие существенные доработки.

Ремонт и доводка гидросамолета затянулись до лета 1920 г. После нескольких полетов осенью самолет, совершив из-за остановки одного из двигателей вынужденную посадку, сломался и более не летал. Д.П. Григорович очень тяжело переживал потерю этого перспективного самолета [1, с. 125].

Растущие требования к скоростным, высотным, тактическим и другим характеристикам самолетов потребовали в середине 20-х гг. прошлого века перехода к применению в авиастроении легких металлических сплавов, точных инженерных расчетов, экспериментального моделирования, внедрения мировых технологических достижений.

Безусловно признавая исключительные заслуги Д.П. Григоровича в развитии отечественного гидроавиастроения в предреволюционный период и в первые годы советской власти, следует все же отметить, что в дальнейшем его конструкторский потенциал перестал соответствовать требованиям времени и той роли, которую стала играть авиация в жизни мирового сообщества накануне новой мировой войны.

Однако руководство Главного управления военной промышленности еще длительное время продолжало лояльно относиться к просчетам и устаревшим взглядам конструктора, которые с неизбежностью влекли за собой отставание отечественного производства от мировых достижений в авиастроении.

Неудачей в 1925 г. закончились испытания морского разведчика МРЛ-1. На взлете лодка гнала перед собой большую волну, трудно набирала высоту. Еще более серьезные конструктивные просчеты проявились в полетах других самолетов Д.П. Григоровича – опытного морского разведчика МР-2 и разведчика открытого моря РОМ-1. Например, в одном из полетов РОМ-1 сорвавшимся двигателем едва не убило представителей Научно-технического комитета ВВС С.В. Ильюшина и Р.Л. Бартини. Самолет немедленно был снят с испытаний.

Работавший с 1925 г. в Отделе морского опытного самолетостроения (ОМОС) под руководством Д.П. Григоровича известный впоследствии авиаконструктор В. Б. Шавров нелестно отзывался о своем начальнике, его проектах и методах работы: «Самолеты, в конструировании которых приходилось принимать участие, были неудачными, общая обстановка была тяжелой, работа сопровождалась постоянными конфликтами...» [5, с. 3].

В 1925 г. по заказу общества «Укрвоздухпуть» на заводе «Красный летчик» были построены семь пассажирских самолетов СУВП. Машина представляла собой подкосный высокоплан с открытой кабиной летчика и трехместной пассажирской кабиной. Двигатель «Бристоль-Люцифер» в 100 л.с., как оказалось, был для такого пассажирского самолета недостаточно сильным. Крыло и оперение СУВП были деревянными, обтяжка везде выполнялась из полотна. Фюзеляж сваривался из стальных труб. Это был первый опыт Д.П. Григоровича в создании нового типа летательных аппаратов.

Однако подход к конструированию был прежним, т. е. опытный образец строился без продувки рабочих моделей в аэродинамической трубе, без квалифицированных статических испытаний. Прочность крыла опытного самолета проверялась весом шести человек, вставших на него. Удивительно, но все изготовленные машины в

ноябре 1925 г. были поставлены на воздушные линии Украины и начали перевозку пассажиров. В октябре 1925 г. летчик А.Д. Мельницкий совершил на таком самолете испытательный перелет по маршруту Ленинград – Новгород – Тверь – Москва. Из-за повышенной вибрации двигателя СУВП более не строился [7. Л. 19].

Гибелью летчика-испытателя Ф.С. Растегаева закончились летные испытания гидросамолета Д.П. Григоровича МР-2 в 1926 г. над Гребным портом в Ленинграде. В ходе выяснения причин катастрофы была изготовлена модель, которую «продули» в Центральном аэрогидродинамическом институте. Причиной катастрофы, как выяснилось, явилась неправильная центровка машины.

Стало очевидным, что некогда маститый «законодатель мод» гидроавиации отстал от уровня развития новой техники. Время интуитивного подхода к проектированию самолетов безвозвратно прошло. В этой связи заметим, что современник Д.П. Григоровича московский конструктор А.Н. Туполев уже на стадии постройки своих первых (причем цельнометаллических) самолетов понял, что из области вдохновения или озарения конструирование летательных аппаратов в 20-х гг. прошлого столетия перешло в сферу точных наук и инженерного расчета. Руководствуясь постулатом отца русской авиации Н.Е. Жуковского о примате в авиастроении симбиоза науки с практикой, А.Н. Туполев широко использовал экспериментальную аэродинамическую проработку моделей и отдельных элементов конструкций самолетов, всесторонне проводил испытания применяемых стройматериалов [4, с. 39]. Закономерным результатом такого подхода к конструированию самолетов явилось создание первого в мировой практике цельнометаллического тяжелого двухмоторного бомбардировщика АНТ-4 (ТБ-1). Свой первый полет ТБ-1 совершил 26 ноября 1925 г. и стоял на вооружении вплоть до 1936 г. В том числе было построено и 66 машин в поплавковом варианте для авиации ВМФ. На многочисленных модификациях ТБ-1 были выполнены выдающиеся перелеты, установлены мировые рекорды, в 1934 г. спасены многие челюскинцы [1, с. 170].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в 20–30 гг. минувшего столетия ленинградские конструкторы во главе с Д.П. Григоровичем утратили свои первоначально передовые позиции в таком своеобразном и очень важном для народного хозяйства и обороны направлении авиастроения, как проектирование и производство гидросамолетов.

В последующие годы Д.П. Григорович работал в составе различных конструкторских организаций и принимал участие в создании перспективных истребителей И-5, И-7, пушечного истребителя

ИП-1, разведчика-бомбардировщика ДГ-58Р. Из перечисленных самолетов особого внимания заслуживают тактико-технические проектные характеристики пушечного истребителя. Если бы такой самолет был создан, ему и его модификациям не было бы равных в воздушных боях во Второй мировой войне. К сожалению, скоростной цельнометаллический моноплан, вооруженный мощной авиапушкой конструкции Курчевского, в ходе испытаний в НИИ ВВС показал неудовлетворительные штопорные характеристики. Помимо этого выяснилось, что после 300–500 выстрелов самолету требуется заводской ремонт. Начавшееся уже серийное производство ИП-1 было в 1936 г. прекращено.

За свою тридцатилетнюю деятельность Дмитрий Павлович Григорович принял участие в создании более 60 типов самолетов, из которых 38 строились серийно. Являясь пионером гидроавиации, конструктор Д.П. Григорович внес значительный, весомый вклад в развитие отечественной авиации.

Список литературы

1. Баргатинов В.А. Крылья России: полная иллюстрир. энцикл. – М.: Эксмо, 2008.
2. Военный энциклопедический словарь. – М.: Военное изд-во, 1986.
3. Герасимов В.Л. Авианесущие корабли русского военного флота // Военно-истор. журн. – 2004. – № 2.
4. Кербер Л.Л. Туполев. – СПб.: Политехника, 1999.
5. Маслов М. Амфибия Ш-2 и другие самолеты Вадима Шаврова. – М.: Цейхгауз, 2008.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 1629. Оп. 1. Д. 38.
7. ЦГА СПб. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 203.
8. Юзбашев В. Первый полет пятого поколения // Независимое военное обозрение. – 2010. – 5 февр.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(497.17) «1950/1980»

*М. В. Кирчанов**

Националисты и историческое воображение в Социалистической Республике Македонии (1950 – начало 1980-х гг.)

В статье исследуется участие македонских националистов в написании истории Македонии. Автор показывает роль, которую македонские националисты сыграли в формировании официального дискурса исторического знания. Особое внимание уделено проблемам интеграции националистической версии истории в авторитарную модель политической культуры. Показан мобилизационный потенциал исторического знания в контексте институционализации македонской политической нации.

The article is devoted to problems of participation of Macedonian nationalists in writing of Macedonian history. The author shows the role played by Macedonian nationalists in official discourse of historical knowledge formation. Special attention is paid to the problems of the nationalist version of history integration in the authoritarian model of political culture. The author analyze mobilization potential of historical knowledge in the context of the institutionalization of the Macedonian political nation.

Ключевые слова: Македония, национализм, национальная идентичность, историческая память, историки и национализм, националистическое / историческое воображение.

Key words: Macedonia, nationalism, national identity, historical memory, historians and nationalism, nationalist / historical imagination.

Создание после завершения Второй мировой войны в составе Югославии македонской автономии в виде Социалистической республики (СР) Македонии стало началом нового этапа в истории македонского национального движения и развития македонской идентичности. Появление в составе Югославии македонской автономии было значительным успехом македонского национализма, создававшего относительно гомогенное македонское государство. Македонские авторы начали культивировать новый образ Македонии, конструируя и создавая национальные традиции, связанные с

* **Кирчанов Максим Валерьевич**, кандидат исторических наук, преподаватель факультета международных отношений, Воронежский государственный университет.

развитием новой македонской идентичности, основанной на фундаменте в виде национальной истории. Ситуация осложнялась тем, что перед македонскими националистами встала задача написания македонской истории фактически «с нуля». В настоящей статье автор остановится на проблемах функционирования исторического воображения как фактора развития македонского национализма в 1950 – начале 1980-х гг.

История и национализм, таким образом, являются тесно связанными между собой. История национализма, как полагает британский исследователь Энтони Смит, это в такой же степени история тех, кто о нем повествует [44, с. 236]. Интеллектуалы в СР Македонии играли выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Македонские интеллектуалы внесли весомый вклад в развитие национализма. История делает существование нации законным и легитимным [7, с. 467]. Это осознавалось македонскими интеллектуалами. Поэтому именно они, большинство из которых придерживалось левых взглядов [4; 6; 8], заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в Социалистической Республике Македонии. Македонские интеллектуалы, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили институционализацию македонской нации. В СР Македонии историческое знание подверглось институционализации, что диктовалось желанием властей создать эффективный механизм контроля и управления историческими исследованиями.

В этом контексте политическое воображение в рамках националистического дискурса в СР Македонии тесно смыкалось с исторической рефлексией македонских интеллектуалов, которая была подчинена задаче последовательной институционализации македонской идентичности. Для македонских интеллектуалов история являлась представлением о прошлом, «тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент» [3, с. 195]. Следует принимать во внимание и то, что история подвержена мифологизации и идеологизации ввиду того, что является систематизированным «представлением о прошлом, связанным с утверждением идентичности в настоящем» [2, с. 43].

Особую роль в создании национальной истории Македонии сыграли македонские националисты. Процесс написания македонской истории в значительной степени был персонифицирован и идеологизирован. Первыми македонскими историками стали не просто националисты, но и писатели, что существенно отразилось на общих закономерностях в развитии

македонской историографии. Вокруг македонских писателей сложилась некая атмосфера уважения и почитания. Комментируя эту ситуацию, А. Спасов писал, что македонскую культуру после Второй мировой войны «характеризует необычайно сильное стремление наверстать упущенное время, ускорить развитие всего того, что не могло нормально и естественно развиваться из-за тяжелых исторических условий» [45, с. 162–163].

История была более важна для македонских интеллектуалов в создании национальной идентичности, чем язык, литература и местные места памяти. Сама политическая традиция в ее исторической части была своеобразным «участком памяти» [36, с. 22]. История была постоянным источником культивирования македонской национальной идентичности. О роли истории писали и многочисленные македонские интеллектуалы, которые считали, что именно история – источник формирования современной македонской нации и ее национальной идентичности. В 1961 г. македонские поэты Р. Павловски и Б. Джузел писали, что «у нас нет традиций, но у нас есть прошлое» [1, с. 59]. Именно в этом прошлом местные интеллектуалы были склонны искать доказательства своих национальных концепций.

Особенностью написания национальной истории в Македонии была ее политическая направленность. Именно поэтому в македонской историографии утвердился нарратив о том, что история Македонии представляет собой историю протеста, революционной борьбы македонских националистов против турок, болгар, сербов и греков. Для македонских националистов, которые формировали канон исторического знания, македонские деятели прошлого были особо важны, так как служили примером борьбы за создание национального македонского государства. В ряде случаев они рассматривались как непосредственная персонификация исторического процесса в Македонии. Симпозиумы и конференции, посвященные тем или иным историческим фигурам, например Джорче Петрову и Пере Тошеву или Яне Сандански [15; 24; 43], стали распространенной практикой в интеллектуальной жизни Македонии.

С великими македонскими деятелями прошлого был связан ряд национальных издательских проектов. Македонские интеллектуалы издавали капитальные труды, посвященные жизни и деятельности наиболее национально значимых фигур македонской истории. В этом случае Мисирков и Делчев были фигурами, конечно, значимыми, но очень неоднозначными. Македонские интеллектуалы создали несколько канонических жизнеописаний и биографий Гоце

Делчева [10]. Что касается Мисиркова, в национальном пантеоне он превратился в одного из идеологов создания независимой Македонии. Если Делчев – отец революции, то Мисирков – фигура в большей степени политическая и даже интеллектуальная. Интерес и проявление внимания к этим фигурам в среде македонских интеллектуалов имел циклический характер. Волна публикаций о Мисиркове захлестнула македонскую прессу в 1960-е гг. В 1956 г. вышло одно из первых юбилейных исследований о Мисиркове. В 1966 и 1976 гг. (сорокалетие и пятидесятилетие смерти Мисиркова) прошли приуроченные к юбилею научные конференции. В 1966 г. появились два жизнеописания Мисиркова, написанные Б. Корубиным и Б. Ристовски [12, с. 25, 27, 28, 29, 30], в официальном агиографическом духе, где он был наделен разнообразными добродетелями.

Лучшим кандидатом на национальную канонизацию оказался Димитрия Чуповски. Он отвечал всем требованиям национальной мифологии: крестьянское происхождение, участник македонского национального движения, занятия активной публицистической и переводческой деятельностью, борьба за создание македонской государственности. Публикации о нем в македонской прессе появились в 1950-е гг. В 1970-е гг. его образ прочитывался уже с однозначно национальных позиций [9; 13, с. 505–522]. Он преподносился как теоретик национального движения, сторонник создания независимого македонского государства. Чуповски был вдвойне важен, так как значительную часть жизни провел в России и СССР. Он использовался как символ македонско-русского (и шире македонско-советского) сотрудничества. Издание двухтомного исследования с приложением первоисточников, подготовленное исследователем его творчества известным македонским интеллектуалом Блаже Ристовски – вершина канонизации Чуповски [41].

Для поддержания македонской национальной идентичности местные интеллектуалы начали массовое издание литературы о разных периодах македонской национальной истории. Без источниковой базы, скрытой в архивах, доступной только для исследователей, создание национальной истории было бы невозможно. Македонские интеллектуалы стремились к изданию источников на протяжении всего существования СР Македонии. Особое внимание ими уделялось изданиям, посвященным истории национального движения. Эти публикации были особенно важны, так как большинство текстов было национально македонски маркировано. Так были изданы мемуары Димитара Влахова [14].

Работы Крсте Мисиркова были изданы на македонском, русском и английском языках [5; 37; 38]. Публикация произведений Гоце Делчева была одним из самых монументальных проектов – вышло шесть томов [16]. Кроме работ деятелей национального движения, были издания по политической и культурной истории, по истории Македонии нового времени, о движении за создание независимой Македонии, по истории македонского языка, о создании СР Македонии, о деятельности Антифашистского собрания в Македонии, о развитии Македонии в составе Югославии в 1940-е гг. [21; 31; 35]. Эти публикации были призваны доказать не только легитимность Македонии, но и неизбежность создания независимого македонского государства.

Самым важным проектом культивирования и поддержания македонской национальной идентичности стало издание на македонском (1981) и русском (1984) языках двухтомного сборника документов по истории борьбы македонского народа за независимость и создания македонского национального государства, редактором которого стал македонский интеллектуал Христо Андонов-Полянски. Эта публикация стала самым фундаментальным национальным проектом, охватывая события от появления славянских поселений на Балканах до создания СР Македонии [18]. Составители сборника (Университет «Кирилл и Мефодий» и Институт национальной истории) были явно национально настроены, объединив в одном издании уставы и программные документы македонских национальных организаций с документами, отображавшими положение македонцев в Болгарии и Греции, что стало своего рода претензией на объединение всех македонских земель в рамках единой Македонии. Вместе с тем издание вызвало нареkanie как в Болгарии, так и в Греции. С одной стороны, местным интеллектуалам не понравилось исключение Македонии из болгарского и греческого исторического процессов, а с другой – издание документов, которые ставили под сомнение права Греции (публикация текстов, где говорилось, что цари древней Македонии были славянами) и Болгарии (критика великоболгарского национализма) на Македонию [19].

Наряду с публикацией источников македонские интеллектуалы прилагали большие усилия для написания общей истории Македонии. Создание большой истории Македонии стало одним из наиболее значимых национальных проектов. Обобщающие труды по истории, стремящиеся доказать, что македонцы – отдельная нация с самобытной культурой и языком, были призваны стимулировать национальную идентичность, показывая при этом,

что создание СР Македония было исторически неизбежным явлением, доказывая и утверждая континуитет исторических процессов. В написании истории Македонии принимали участие крупнейшие македонские интеллектуалы. В 1951 г. в рамках полемики с греческими интеллектуалами вышла книга, посвященная Эгейской Македонии в национальной истории македонцев [20]. В 1960 г. на македонском языке вышла двухтомная «История македонского народа», в 1966 – исследование по истории македонской государственности, в 1970 – национально ориентированная монография «Из прошлого македонского народа». В конце 1960-х гг. вышли работы Х. Андонова-Полянски, И. Катарджијева, П. Стоянова [11; 22; 23; 26; 40; 46]. В 1978 г. был реализован один из наиболее интересных проектов культивирования македонской национальной идентичности на исторической основе: книга «Македония как природное и экономическое целое» [32] стала запоздалой реакцией на болгарское исследование 1945 г., призванное доказать, что Македония исторически должна быть частью Болгарии [34]. Для популяризации именно македонского прочтения истории ряд работ издавался на русском языке [33].

В среде македонских интеллектуалов господствовал метанарратив о том, что македонская история национальна, уникальна, неповторима, а главное – непрерывна. Поэтому македонские авторы нередко писали о «македонском континуитете» (македонски континуитет). В их сознании македонская история «в наименьшей степени история царей, королей, вельмож, династической борьбы, завоевательных войн». В противовес этому македонская история рассматривалась ими как история освободительных восстаний и национального движения. Македонские интеллектуалы считали, что история Македонии – уникальная составная часть исторического процесса в общеевропейской перспективе. Македонцы преподносили македонской исторической наукой как единственная европейская нация, которая дольше других народов боролась за свободу [47; 48; 49]. Вторая составляющая нарратива об особом характере македонской национальной истории состоит в признании тезиса о ее революционном характере. Этот нарратив был одновременно и реверансом в сторону Белграда с КПЮ с ее революционными идеями, и в сторону СССР, отношение которого к революции известно. Этим самым македонские авторы стремились обеспечить двойную легитимность своей национальной идентичности в глазах как центра, так и Москвы. Поэтому о восстаниях, революционной

борьбе писали много, стремясь показать эти события не только как социальные, но и как именно македонские и национальные. В данном случае македонские интеллектуалы лишней раз получали возможность сделать неприятное своим болгарским коллегам. Доказывая революционность македонцев, они как бы подрывали культивируемый болгарской историографией нарратив о значительной роли в истории Балкан именно болгарского революционного движения. С другой стороны, они неизбежно вызывали раздражение болгарских интеллектуалов, доказывая, что Илинденское восстание – событие македонской истории, в то время как болгарские авторы думали иначе, маркируя его как исторически и национально болгарское [39]. Еще большее раздражение в болгарской академической среде вызывало изучение македонскими интеллектуалами восстаний македонского народа в XI в. [25], в то время как болгарские исследователи были склонны видеть Македонию того времени как составную часть Болгарии, отрицая существование македонцев как таковых.

Социалистическая Республика Македония, будучи частью югославской федерации, развивалась в рамках политического режима, который может быть определен как авторитарный. Авторитаризм югославского образца в значительной степени ограничивал политическое участие граждан, предпочитая в меньшей степени вмешиваться в интеллектуальную сферу. В этой ситуации дискурс политический пережил своеобразный дрейф из собственно политической сферы в сферу функционирования интеллектуального сообщества. Гуманитарные исследования в СР Македонии были не только формой политического участия, но и сферой доминирования националистического политического дискурса. Именно поэтому историческое знание или представления об истории, а также лингвистическое воображение являются сферами доминирования и проявления национализма. История используется для институционализации идентичностей, для обоснования претензий на территории. Сфера применения истории в рамках националистического дискурса отличается значительным разнообразием. История в зависимости от ситуации может стать средством мобилизации масс в националистическом движении.

Подводя итоги настоящей статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Македония и македонцы стали удачными национальными проектами. В их рамках были заняты многочисленные македонские интеллектуалы. Это не означает, что македонцы – искусственное и неестественное этническое образование, каким они нередко воспринимались в сербском,

болгарском и греческом обществах. Это говорит о том, что сербы, болгары и греки раньше сложились как воображаемые сообщества и добились создания своих национальных государств. Македония может быть принята как воображаемое сообщество лишь в том контексте, что это явление относительно современное, где национальная идентичность возникала и развивалась на глазах соседей, которые в прошлом сами претендовали на то, чтобы направлять этнические процессы в Македонии в болгарском, сербском или греческом направлениях. Помимо примордиализма македонская идентичность, в понимании македонских националистов, была связана с социализмом, что совершенно естественно, если принять во внимание, что сама СР Македония была институционализована в рамках авторитарного государства, выбравшего в качестве идеологической модели одну из редакций левой доктрины. Поэтому воспроизводство национальной идентичности было и воспроизводством политической лояльности – как македонской этнической, так и югославской политической. Политическая македонская идентичность была связана с революционаристской доктриной. В этом контексте само создание СР Македонии позиционировалось как институционализация македонского политического протеста и националистического движения. Македонский национализм в такой ситуации развивался как гражданский с политическим бэк-граундом. Этнический компонент македонского националистического движения в СФРЮ сознательно подавлялся правящими элитами как Белграда, так и Скопье, которые достигли негласного компромисса. Создание СР Македонии позиционировалось как наивысшее достижение македонской истории. Македония контролировалась политически, культурно и интеллектуально местными элитами. Белград старался не вмешиваться во внутренние дела республики в обмен на удержание националистического дискурса в рамках политических и культурных границ. Но это не спасло македонский националистический дискурс от радикализации, что имело место еще на этапе существования СР Македонии, но в наибольшей степени после распада СФРЮ и появления на политической карте независимой Македонии.

Список литературы

1. Đurčinov M. Nova makedonska književnost 1945–1980. – Beograd, 1988.
2. Friedman J. History, Political Identity and Myth // LESSAE. – 2001. – No 1. – P. 43.
3. Friedman J. Myth, History, and Political Identity // CA. – 1992. – V. VII. – P. 195.

4. Garrison Walters E. The Other Europe: Eastern Europe to 1945. – Syracuse, 1988.
5. Misirikov K. On Macedonian Matters. – Skopje, 1974.
6. Okey R. Eastern Europe 1740-1985: Feudalism to Communism. – Minneapolis, 1986.
7. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1.
8. White St. Communism and its Collapse. – London, 2001.
9. Абаџиев Ѓ. Македонски патриот и публицист Димитрија П. Чуповски // *НМ*. 16. 11. 1958.
10. Андонов-Полјански X. Гоце Делчев и неговото време. – Скопје, 1978.
11. Андонов-Полјански X. Историја на македонскиот народ. – Скопје, 1969.
12. Андоновски X. Крсте Мисирков. // *КЖ*. – 1961. – 6 октомври. – С. 25–26.
13. Беличанец Т. Политичките идеи на Димитрија Павле Чуповски за слободата и државноста на македонскиот народ // *ГПФС*. – 1973. – Т. 17. – С. 505–522.
14. Влахов Д. Мемоари. – Скопје, 1970.
15. Ѓорче Петров и Пере Тошев (Симпозиум, Прилеп, 1971). – Скопје, 1974.
16. Гоце Делчев: в 6 т. / ред. X. Андонов-Полјански. – Скопје, 1972.
17. Гоце Делчев. 1872–1972. – Скопје, 1973.
18. Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. – Скопје, 1981. – Т. 1–2.
19. Документи о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. – Скопье, 1984. – Т. 1–2.
20. Егејска Македонија во нашата национална историја. – Скопје, 1951.
21. Зборник на документи за создање на македонската државност (1893–1944) / ред. А. Христов. – Скопје, 1970.
22. Из прошлости македонского народа. – Скопје, 1970.
23. Историја на македонскиот народ. – Скопје, 1960. – Т. 1–2.
24. Јане Сандански и македонското националноосвободителното движење (Симпозиум, Струмица), 1975. – Скопје, 1976.
25. Јовановиќ М. Востанијата на македонскиот народ во XI век. – Скопје, 1963.
26. Катарџиев И. Историја на македонскиот народ. – Скопје, 1969.
27. Корубин Б. Јазикот на Крсте Мисирков. – Скопје, 1956.
28. Корубин Б. Крсте Мисирков. – Скопје, 1966.
29. Крсте Мисирков и национално-културниот развој на македонскиот народ от Ослобувањето. Реферати на симпозиумот во Скопје, 22 и 23 април 1975. – Скопје, 1976.
30. Крсте Мисирков. Научен собир посветен на 40-годишнината од смртта, Скопје 24 – 25 јуни 1966. – Скопје, 1966.
31. Македонија во XVI и XVII век. Документи от Царигородските архиви (1557 - 1664) / ред. Д. Шопова. – Скопје, 1955.
32. Македонија како природна и економска целина. – Скопје, 1978.
33. Македонија и македонци в прошлом. – Скопье, 1970.
34. Македонија като природно и стопанско цяло. – София: Македонски научен ин-т, 1945.

35. Македонски текстови 10–20 век / сост. Б. Конески, О. Јашар-Настева. – Скопје, 1956.
36. Маловичко С.И. Историографија как «участок памяти» (lieux de mémoire): евроцентрические конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах // Ставропольский альманах Рос. об-ва интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5. – С. 22.
37. Мисирков К. За македонските работи. – Скопје, 1946, 1953.
38. Мисирков К. О македонских делах. – Скопје, 1974.
39. Пандевски М. Илинденското востание во Македонија 1903. – Скопје, 1978.
40. Развитие на државноста на македонскиот народ. – Скопје, 1966.
41. Ристовски Б. Димитрија Чуповски (1878–1940). – Скопје, 1978.
42. Ристовски Б. Крсте Мисирков. – Скопје, 1966.
43. Ристовски Б. Наце Димов. – Скопје, 1973.
44. Смит Э.Д. Национализм и интелектуалци // Нации и национализм. – М., 2002.
45. Спасов А. Послератна македонска поезија // Македонска книжевност. – Београд, 1961. – С. 162–163.
46. Стојанов П. Историја на македонскиот народ. – Скопје, 1969.
47. Чашуле К. Запис за двата Илиндена // Комунист. – 1975. – 4 авг.
48. Чашуле К. Историја и политика // Комунист. 2 авг. 1968.
49. Чашуле К. Македонската црква // НМ. – 1967. – 30 јули. – С. 2.

УДК 94.084.6

*В. О. Левашко**

К вопросу о моральной готовности личного состава ВВС Краснознаменного Балтийского флота перед началом советско-финляндской войны

В статье даётся оценка моральной готовности лётчиков военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота перед началом советско-финляндской, «зимней» войны 1939–1940 гг.

The article assesses the moral readiness of pilots of military-air forces of the Krasnoznamyonny Baltic Fleet before the Soviet-Finnish "Winter" War of 1939–1940.

Ключевые слова: ВВС КБФ, морально-политическое состояние, политические органы, политработники, эскадрилья, социалистическое соревнование, политическое донесение.

Key words: Air Forces of the Krasnoznamyonny Baltic Fleet, a moral and political condition, political bodies, political workers, a squadron, socialist competition, the political report.

Краснознаменный Балтийский флот и его авиационная составляющая должен был стать одним из инструментов, с помощью которого «малой кровью, могучим ударом» СССР предполагал решить свои внешнеполитические задачи на северо-западе страны.

Военно-воздушные силы КБФ к началу советско-финляндской войны состояли из трех авиабригад: 61-й истребительной, 8-й бомбардировочной и 10-й смешанной. Также в составе авиации флота находились отдельные части: 15-й авиационный полк, 41-я отдельная авиаэскадрилья и 71-й отдельный авиаотряд. В 61-ю бригаду входили 5-й и 13-й истребительные авиаполки, 11, 12, 13-я отдельные истребительные авиаэскадрильи и группы истребителей И-153. Всего в 61-й авиабригаде имелось 149 истребителей И-16, 47 И-15 и 20 – И-153. В 8-ю авиабригаду входил 1-й минно-торпедный (МТАП) и 57-й скоростной бомбардировочный (СБАП) авиаполки. Всего 8-я бригада имела на вооружении 43 средних дальних бомбарди-

* **Левашко Вадим Олегович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

ровщика ДБ-3 и 57 скоростных бомбардировщиков СБ. 15-й отдельный авиаполк состоял из 1-й и 2-й эскадрилий, 18-й и 58-й разведывательных эскадрилий, 12, 43 и 44-й отдельных авиационных отрядов. В полку имелось 85 морских разведчиков – легких бомбардировщиков СБ. Помимо этого в 71-м отдельном авиаотряде имелось 10 армейских разведчиков Р-5. Всего ВВС КБФ имели 411 боевых самолетов: 216 истребителей, 100 бомбардировщиков и 95 разведчиков [3. Л. 63–64].

В предвоенный 1939 г. количественный и качественный состав ВВС флота был значительно укреплен. Так, по данным штаба ВВС КБФ с 1 мая 1939 г. удалось модернизировать 1 МТАП, увеличив количество вполне современных самолетов ДБ-3 с 36 до 43 за счет формирования 4-й авиаэскадрильи. В 15 отдельном авиаполку удалось перевооружить две эскадрильи с безнадежно устаревших ТБ-1 опять таки на ДБ-3, правда, планы превратить полк полностью в МТАП путем замены разведчиков МБР-2 на средние дальние бомбардировщики осуществить не удалось. К началу войны полностью было завершено развертывание 57 СБАП, хотя на 1 мая вместо 57 бомбардировщиков было только 25. Структура разведывательных сил авиации флота была оптимизирована: ликвидирована 9-я разведывательная авиационная бригада (РАБ) и реформированы отдельные авиаэскадрильи [6. Л. 14]. Численность личного состава авиации флота по завершению реформирования составила 7690 чел.

Нельзя не отметить, что проведенная модернизация значительно повысила уровень морального духа летчиков и техников авиации КБФ. Участник событий, старший лейтенант Карелов, так описывал свои ощущения от нового самолета: «Нет лучших ощущений в жизни летчика. Каждый из нас возился со своим новым самолетом, старался понять, изучить, чтобы в трудную минуту он не подвел. Как веселы были наши люди! Мой техник, единственный хозяин самолета на земле, даже комбинезон сменил, когда получил этого блестящего, здорового красавца. Да и правда, он был красавец среди своих старших братьев; те выглядели как-то хмуро, устало» [4. Л. 1].

Авиация КБФ располагала весьма разветвленной системой баз и аэродромов. Гидроавиация (МБР-2) базировалась на морских и озёрных гидроаэродромах в Ораниенбауме, Керстово, Пейпии, Хабалово, Гора-Валдай, Ленинграде, Вено и Новой Ладогге. Эти гидроаэродромы включали ангары, заправочные станции, административные и служебные здания, подготовленную для взлётов и посадок гидроавиации акваторию [5. Л. 1–15]. Самолёты сухопутных типов базировались на аэродромах в Низино, Котлах,

Беззаботном, Бычьем поле, Куммолово, Липово, Купле, Лавенсаари, Колпицах, Копорье. После заключения договоров с правительствами прибалтийских государств 10 авиабригада была перебазирована в Кихелькону, Либаву и Палдиски [7. Л. 43–44].

Важнейшим фактором боеготовности авиации флота являлось морально-политическое состояние. Политические органы флота традиционно оценивали его как здоровое. Политработники неуклонно отмечали, что командиры и краснофлотцы авиации флота готовы выполнить любой приказ военного и политического руководства страны.

В течение 1939 г. в преддверии советско-финляндской войны основные усилия политработников ВВС флота были нацелены на реализацию нескольких задач. Прежде всего, это была подготовка к XVIII съезду ВКП(б). Политические органы отмечали, что подготовка к мероприятию вызывает громадный подъем настроений личного состава. Основным элементом в подготовке к съезду стало социалистическое соревнование за лучшие показатели в боевой и политической подготовке. В начале февраля 1939 г. в частях и соединениях ВВС КБФ прошли митинги, посвященные принятию социалистических обязательств, подготовке к съезду и 21-й годовщине РККА и РККФ. 13 апреля 1939 г. ВВС КБФ заключили соцсоревнование с ВВС ЧФ на лучшие показатели в штурманской и бомбардировочной подготовке. Основными объектами соревнования были признаны:

- оборудование штурманских и бомбардировочных классов;
- наилучшая отработка компасной и визуальной навигации;
- отсутствие случаев потерь ориентировки и происшествий по причине недостаточной навигационной подготовки;
- наилучшая подготовка астроориентировки и радионавигации;
- наилучшая отработка бомбометания по земным целям и кораблям соответственно с 7-9 и 6 километров;
- овладение тактической навигацией с решением тактических задач в воздухе;
- отработка точной разведки [5. Л. 48–49].

Развитие социалистического соревнования должно было принести успех. Командование ВВС КБФ не скрывало, что вызов связан не только со съездом, но и чрезвычайным происшествием 2 февраля 1939 г. Тогда государственная граница была нарушена летающей лодкой МБР-2 под управлением экипажа в составе младшего лейтенанта Князева, летчика-наблюдателя лейтенанта Крылова и контролера полета лейтенанта Грунина. Самолет нарушил границу в районе о-вов Бьерке и Сойвисто. Причиной ошибки стал дефект

компаса, что само по себе не смертельно, но экипаж в полете не вел счисления, растерялся в нештатной ситуации и определил свое местоположение только по о. Бьерке, т. е. уже в воздушном пространстве Финляндии. Злосчастная 43-я авиаэскадрилья, к которой принадлежал экипаж, прямо упоминалась в приказе.

Обращают на себя внимание задачи соцсоревнования. Они максимально конкретные, в целом отвечающие обстановке. По конкретности поставленных задач это соревнование резко отличается от тех, которые в мирное время принимались в других соединениях флота, столь четкие и конкретные обязательства, например, на кораблях, мы увидим только в ходе боевых действий 1939–1940 гг. Заключение соревнования – заслуга командования и политических органов ВВС флота. Оно способствовало не только решению проблем в боевой подготовке, но и повышению морально-политического уровня личного состава ВВС Балтийского флота.

Показателем высокого уровня работы по поддержанию морально-политического состояния считался рост партийных и комсомольских рядов. Политические органы ВВС флота неуклонно докладывали об этой работе, но картина была несколько иной, чем в целом по флоту. В политдонесениях фигурируют конкретные фамилии людей. Так, например, в отчете за февраль месяц по 1-ому политотделу батальонный комиссар Александров отмечает, что заявления на вступлении в партию в преддверии съезда подали 5 чел. [7. Л. 11]. В дальнейшем, до начала войны, количество заявлений, поданных в ряды ВКП (б), по месячным отчетам остается примерно на этом уровне.

Как показатель высокого политико-морального состояния личного состава рассматривали политорганы реакцию балтийских летчиков на начало освободительного похода советских частей на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. По сводкам и политдонесениям командиры и краснофлотцы восприняли поход и начавшиеся в этой связи боевые действия с огромным интересом и исключительным вниманием. В это время политические органы авиации КБФ провели целый ряд мероприятий. Были организованы беседы у карт, продвижение Красной армии отмечалось в боевых листках, были проведены беседы о Западной Украине и Западной Белоруссии как с личным и командным составом, так и с женами начсостава.

Политработники отмечали заметное повышение дисциплины, организованность личного состава, особо выделялся факт резкого повышения ответственности летчиков и техников при проведении боевых вылетов (в частности, самолеты 9 АБ совершили четыре

вылета на поиск польской ПЛ «Оржель»). Приводился целый ряд высказываний, подтверждающих высокую моральную готовность летчиков: «Дома не сидится, может, дадут задание на вылет», – говорили в 71-м авиаотряде летчики и техники, отпущенные на отдых; летчик-наблюдатель 44 АЭ Валуев, повредивший ногу после неудачного приземления с парашютом, просил включить его в полеты, заявляя, что ему не сидится на земле; многие краснофлотцы и командиры просили откомандировать их в части, ведущие боевые действия; даже повседневные работы выполнялись с особым подъемом, возросло число желающих вступить в ВКП(б) и ВЛКСМ, при этом многие прямо заявляли о желании воевать коммунистами и комсомольцами. Но польская ПЛ «Оржель» обнаружена не была, 14 октября она прибыла в Англию, и это вызвало заметное разочарование личного состава [5. Л. 187]. Вообще успех или неуспех выполнения боевой задачи всегда оказывал на личный состав КБФ большое влияние. Это говорит, прежде всего, о заинтересованном, небезразличном отношении моряков и морских лётчиков к своей службе.

На этом фоне негативные высказывания и действия представляются единичными случаями. Было зафиксировано несколько случаев паники, в частности, летчик 12 АЭ Овечкин пытался снять жену с работы и отправить подальше в тыл, несколько раз фиксировалась ревность к военным успехам Германии, причиной этого, вероятно, была трезвая оценка ситуации с собственной боеготовностью [7. Л. 85, 163–164].

Весьма значительным событием для КБФ в целом и ВВС флота в частности стало перебазирование части сил на прибалтийские базы. Этот процесс потребовал от политического состава дополнительных усилий. Как проходила эта работа, дает представление отчет политического отдела 9-й авиабригады. В этом документе отмечается, что личный состав частей, которым была поставлена задача по перебазированию, с огромным подъемом и воодушевлением встретил эти сообщения. Настроение личного состава оценивается политотделом как исключительно высокое, что, по мнению политработников, является показателем высокого морально-политического состояния соединения в целом. Для закрепления успеха политическим составом были проведены следующие мероприятия: собрания отдельно коммунистов, комсомольцев, беспартийных и жен командного и начальствующего состава. Для успешного проведения совещаний к частям были прикомандированы работники политотдела соединения. Агитационно-пропагандистская работа была направлена на разъяснение смысла советско-

эстонского договора о взаимопомощи и речи Наркоминдела В.М. Молотова от 17 сентября 1939 г. При этом проводилась прямая связь между перебазируванием на территорию прибалтийских государств и «оказанием помощи единокровным братьям Западной Украины и Западной Белоруссии». Также политическим составом проводились беседы о экономическом, политическом положении Эстонии, и о состоянии ее вооруженных сил. Политработниками совместно с Особым отделом и командованием была проведена работа по отсеиванию неблагонадежных и недостойных командиров и краснофлотцев. Подтверждая успех проведенных мероприятий, политотдел 9-й авиабригады указывал на неподдельный интерес к вопросам перебазирувания, прежде всего у тех командиров и краснофлотцев, кто не отличался устойчивой дисциплиной. В 12, 43 и 44-й АЭ недисциплинированные краснофлотцы упрашивали послать их на выполнение государственного задания [7. Л. 90].

Характеризуя негативные высказывания и действия в связи с перебазируванием, политотдел высказывал претензии как к командованию, предоставившему для подготовки списков личного состава всего 32 часа, так и к отдельным политработникам и командирам. Суровой критике подвергался, в частности, командир 44 АЭ майор Мухин, уже после доклада командованию изменивший список командированных и включивший в него начальника связи части Давыдова, сестра которого проживала в Таллинне, а шурином был белогвардейским офицером. Более того, майор Мухин не доложил командованию об этих изменениях, что, по мнению политработников, было серьезным нарушением [7. Л. 91].

Негативные высказывания можно свести к трем группам. Больше всего выражали недовольство те, кому отказали в доверии. Дело в том, что из состава каждой эскадрильи перебазировались только два авиаотряда, один оставался на прежней базе. Многие посчитали приказ остаться как личную обиду и недоверие. В политдонесениях по 9-й АБ фиксируется шесть подобных высказываний. Об их характере свидетельствуют следующие примеры.

Домнин, командир авиаотряда 43-й АЭ, выразил недовольство тем, что его не берут, заявив, что арест двух его братьев, причины которого он не знает, не мешает ему выполнить задание Родины.

Начальник связи Бобровицкий был возмущен тем, что его не внесли в список, и говорил, что за арестованного отца он не отвечает, что этот арест не мешал ему как начальнику связи работать с секретными документами, что он готов покончить жизнь самоубийством, так как оскорблен таким недоверием.

Вторая группа негативных высказываний связана как раз с нежеланием ехать. Таких высказываний в 9-й АБ было зафиксировано три, в частности, жена лейтенанта Каренюка заявила, что не отпустит мужа.

В третью группу можно включить высказывания тех, кто откровенно тяготился службой и поэтому все воспринимал негативно. В политдонесении зафиксировано шесть таких случаев, в основном в 44-й АЭ. Так, краснофлотец Голубев заявил: «Лучше в тюрьме сидеть, чем служить, дома бы много зарабатывал»; краснофлотец Прокопенко, член ВЛКСМ, считал, что чем ехать, лучше уволиться и жить дома, выпить будет можно, а лейтенант Коростылев, начальник радиостанции 43-й АЭ, в беседе высказал желание поухаживать за эстонками, правда тут же оговорился, что сморозил глупость [7. Л. 91]. По каждому случаю негативных высказываний политсоставом вплоть до комиссара ВВС КБФ проводились беседы с недовольными, но особого результата они не имели, и те, кто не был включен в первые варианты списков, в основном не поехали.

Как и в целом по флоту, самой серьезной проблемой для командного и политического состава оставался уровень дисциплины в частях. Приказы штаба ВВС КБФ и политотдела, политдонесения из частей и соединений фиксируют немало случаев прямого нарушения дисциплины. Особую тревогу вызывало у командования непрекращающееся пьянство и случаи прямых отказов исполнять приказания. Политдонесения подтверждают это опасение. Так, по итоговым сводками первого политотдела ВВС КБФ за февраль 1939 г. зафиксировано 163 нарушения, из них 18 пьянок, 17 самовольных отлучек, три случая неисполнения приказов, один – сон на посту. За март всего 158 проступков, пьянство и дебош – 14, самовольных отлучек – 8, неисполнения приказаний – 7, сон на посту и один уход с поста. За май всего 104 проступков, пьянство и дебош – 8, самовольных отлучек – 15, неисполнения приказаний – 1 и уход с поста – 1. Командование обратило особое внимание на количество кандидатов в члены ВКП(б), членов ВКП(б) и членов ВЛКСМ совершивших дисциплинарные проступки – соответственно в феврале 5, 11, 56, в марте 9, 13, 70, в мае 1, 3, 47 [7. Л. 13, 26, 45].

Особую остроту на флоте в целом проблема пьянства и недисциплинированности получила после появления 15 января 1939 г. директивы народного комиссара ВМФ и Политуправления РККФ № 3/СС, прямо направленной на искоренение пьянства и недисциплинированности в рядах РККФ [7. Л. 11]. Так, этому, в частности, был посвящен приказ командующего ВВС № 0010 от 25 января 1939 г., написанный, несомненно, не только во исполнение директи-

вы, но и под влиянием только что проведенного «веселого» праздника. В приказе приводятся следующие цифры: с 1 сентября 1938 по 1 января 1939 г. совершено 1076 дисциплинарных нарушений, по которым были вынесены взыскания, из них 246 совершено командным и начальствующим составом, который, как указывалось в приказе: «призван бороться за восстановление железной дисциплины». Из этого числа неисполнений приказа было зафиксировано 28, нарушений летных инструкций и ухода за матчастью – 53, пьянок, дебошей и хулиганства – 190, самовольных отлучек – 102, грубостей и оскорбления начальства – 92 случая. Всего было вынесено 1016 персональных решений по проступкам, при этом 531 чел., или 53 % проштрафившихся, были кандидатами в члены и членами ВКП(б). Командование ВВС указывало также на участие политсостава в дебошах, примером которого стала «прогремевшая» на весь флот пьяная драка 31 декабря с участием командного и политического состава 1 МТАП. Участниками дебоша были среди прочих ответственный секретарь политрук Мазур, начальник штаба эскадрильи старший лейтенант Хохлов, начальник связи полка старший лейтенант Бабушкин и др. В приказе приводились и другие подобные случаи, в том числе пьянки с участием проституток, драки с применением оружия, нападения на гражданских лиц, кража и пропажа оружия и т. д. Командование ВВС справедливо связывало напрямую низкую дисциплину в частях с низкой боевой готовностью и высокой аварийностью. В качестве примера приводился 1 МТАП где было зафиксировано 150 проступков и в это же время шесть аварий и полетов, и авиабаза Беззаботное – 96 проступков [5. Л. 17–18].

Несмотря на то, что в донесениях политсостав уверял вышестоящие инстанции в готовности частей и подразделений выполнить любой приказ, низкая дисциплина приводила к досадным казусам. Так, военком 1 МТАП батальонный комиссар Эренпрайс вынужден был ходатайствовать 13 ноября 1939 г. о замене части экипажей самолетов 3-й АЭ получивших приказ на особое задание. Военком ходатайствовал об отстранении четырех человек, в том числе одного по политическим соображениям и одного из-за низкой дисциплины.

Нарушения дисциплины совершались как кадровым, так и призывным составом. В частности, в в/ч 31111 военком Бессонов, младшие командиры срочной службы Макаров, Беляев и Горохов на квартире Горохова организовали пьянку, подобные же проступки, сопровождавшиеся стрельбой из табельного оружия, произошли в в/ч 7025, 7062, 4047 [7. Л. 9–10]. Персонально командование и политсостав принимали меры к нарушителям, но общие предложения

по искоренению пьянства и низкой дисциплины в частях ВВС КБФ едва ли можно признать эффективными. В частности, в упомянутом нами приказе предписывалось: «Командованию частей лично изучить и разъяснить всему л\с существо приказа. Борьбу с пьянством и борьбу за установление железной дисциплины считать одной из главных задач в работе комсостава и партийно-комсомольских организаций. Решительно и беспощадно наказывать всех лиц, замеченных в пьянстве. На неисправимых пьяниц представлять материал для отдачи под суд военного трибунала» [5. Л. 18].

Комментируя последнее распоряжение, хотелось бы отметить, что три организатора «новогоднего дебоша» в 1-й МТАП были отданы под суд, остальные наказаны властью командира МТАП. Вообще дела о дисциплинарных нарушениях достаточно часто доходили до военного трибунала, хотя чаще всего это были нарушения, совершенные не командным и политическим составом, а краснофлотцами. Особенно известным в этой связи стало дело краснофлотца А.Ф. Степанова, осужденного судом военного трибунала сроком на четыре года за систематические нарушения воинской дисциплины, оскорбления командиров и прямое заявление о нежелании служить в РККФ [5. Л. 7-8]. Необходимо отметить, что действия, предпринимаемые командованием ВВС и политорганами, не в полной мере соответствовали директиве народного комиссара ВМФ и Политуправления РККФ № 3/СС, которая как раз предписывала: «... не отказываясь от дисциплинарных взысканий, как одной из форм воспитания личного состава следует положить конец их безрассудному применению... Улучшить повседневную партийно-политическую, воспитательную работу по борьбе за укрепление дисциплины, высокое морально-политическое состояние личного состава. Вопросы дисциплины и морально-политического состояния систематически обсуждать на партийных и комсомольских собраниях, на собраниях начальствующего состава и на собраниях личного состава частей и подразделений. Улучшить культурное обслуживание бойцов и командиров, особенно в дни отдыха и праздников» [7. Л. 9–10].

Но в ВВС КБФ проблема стояла настолько остро, что приходилось действовать, прежде всего, проверенными дисциплинарными методами. Однако решительного перелома не происходило. Случаи нарушения дисциплины как рядовым, так и командным составом продолжали фиксироваться и в дальнейшем. Командование отдельных частей было вынуждено решать проблему своими средствами, в частности, «сплавлять» наиболее недисциплинированных краснофлотцев и командиров в другие части или просто скрывать факты нарушения дисциплины [5. Л. 14]. Очень интересная методи-

ка борьбы с пьянством была использована в/ч 14099 военкомом Мазур, который, как мы знаем, сам был далеко не безгрешен. Однако его эксперимент нельзя не признать успешным. На разбор проступков, связанных с нарушениями дисциплины, приглашались родители провинившихся. Так, на разбор дела краснофлотца Столярова о его самовольной отлучке была приглашена его мать, а на разборе дела о коллективной пьянке младших командиров присутствовал отец мл. командира Собакина. В итоге тот заявил: «Все, пить больше не буду» [7. Л. 64]. Подобный нетрадиционный подход приносил больший эффект, чем самые строгие дисциплинарные меры.

Еще одним направлением деятельности политических органов ВВС КБФ стала борьба за снижение аварийности. На это неоднократно направляли усилия политсостава как политическое управление РККФ ВМФ, так и Пубалт и Военный совет флота. По каждому случаю аварий и катастроф предписывалось политработникам проводить партийные собрания и собрания личного состава с тщательным анализом обстоятельств катастрофы и аварии. При этом политсостав постоянно указывал на связь низкой дисциплинированности командиров и краснофлотцев с высокой аварийностью. Политработники были прямо предупреждены директивой ПУбалта № 00523, что наличие аварий и катастроф впредь будет расцениваться как результат крайне низкого уровня политической работы [7. Л. 18, 21, 27, 28, 40].

Тревогу у командования вызывал качественный уровень работы политического состава авиации КБФ. Проверяющие всех уровней неоднократно отмечали, что политработники не помогают командирам и агитаторам подразделений подготовиться к проведению политзанятий, что на политические неправильные ответы, проводившие занятия отвечают «правильно», сами не ориентируются в картах, не имеют конспектов занятий и т. д. Наличие подобных замечаний заставляет нас внимательно посмотреть на уровень профессиональной подготовки самих политических работников как на проблему, от которой напрямую зависела морально-политическая готовность личного состава. Картина получается далеко не оптимистичной. Так, по 9-й АБ из 46 политработников законченного высшего гражданского образования не имел ни один, высшее военное и военно-политическое – один (военком бригады полковой комиссар А.С. Павлов); окончили 1–3 курса высших учебных заведений и рабфак – семь политработников; среднее общее образование имели кроме них еще шесть, среднее военное и специальное семь политработников. Фабрично-заводские училища и техникумы окончили четыре политработника. Низшую ступень общеобразовательной школы (от 2 до 6 классов) имели 15 политработников. Уровень по-

литического образования ограничивался спецкурсами для 15 политработников, 22 политработника всех уровней вообще не имели никакого специального политического образования [7. Л. 93–95]. Можно предположить такую же ситуацию и по другим соединениям авиации флота. Это и определяло, прежде всего, недостаточный уровень политической работы. Не имея образовательной базы, политические работники ВВС КБФ должны были выступать в роли «пожарников», ликвидируя те или другие проблемы, но организовать планомерную и продуманную работу они не могли. Это подтверждают политические донесения. В частности, указывалось, что комиссар части 4050 Соколов бывает в кубриках только для того, чтобы кого-нибудь «продраить». Краснофлотцы этой в/ч открыто говорили, что не верят в способность комиссара говорить по-человечески. Политрук сводной роты 4004 Гузенко на вопрос, что ему мешает заниматься плановой политической работой, заявил: «Политработой заниматься не мог, так как я занимаюсь налаживанием дисциплины в роте» [7. Л. 44]. Нередко недостатки работы политработников приводили и к более серьезным последствиям. Так, в директиве ПУбалта № 00524 от 21 мая 1939 г. приводились примеры трех случаев самоубийств 2 краснофлотцев и одного командира ВВС КБФ, которые произошли во многом из-за некомпетентности и формального исполнения своих обязанностей политическим составом.

Политорганы продолжали фиксировать негативные высказывания личного состава. В целом по 1939 г. эти высказывания можно разделить на несколько групп. Прежде всего, необходимо выделить заявления, связанные с трудным положением дома. С ними выступали в основном краснофлотцы, призванные из деревни:

- В/ч 4047 к/ц Поваляев, вернувшись из отпуска, вел разговоры: «Прямо скажу, колхозники живут плохо, нет мануфактуры, все обносились. Кто плохо жил, тот и сейчас живет плохо»;
- К/ц Бухтияров ВЛКСМ: «Семья сидит без хлеба»;
- к/ц Рыбаков: «Мать пишет, что хлеба нет, дров нет, колхоз в помощи отказывает»;
- к/цы Седелкин и Иванов утверждают, что их семьи в колхозах живут плохо, хлеба нет, колхозы не помогают;
- к/ц Соклов получил письмо, что семью выселяют с хутора.

Характерно, что военкомы частей при этом часто заявляли, что виновником сложившегося положения краснофлотцы считают руководство колхозов, а не политическое руководство страны. Политические органы флота неоднократно обращались с письмами к руководству колхозов, откуда поступали жалобы, но, естественно, результаты были далеко не всегда.

Следующая группа, это высказывания отражающие недовольство службой:

- курсант Востриков утверждал: «В армии много бездушных чиновников, здесь правды не добьешься!»;
- к/ц Лужин из 18 А.Б. жаловался: «Нас здесь запрягают вести непосильную работу»;
- к/ц Асташко, член ВЛКСМ, в присутствии молодых краснофлотцев говорил: «Служба в РККФ равняется тюрьме»;
- в в/ч 4047 очень много краснофлотцев высказывали недовольство в связи с караульной службой.

Военные комиссары частей старались по каждому такому высказыванию провести беседу с говорившим. Почти в каждом случае имелась какая-то конкретная причина недовольства. Например, в случае с краснофлотцем Востриковым было неправомерно затянута рассмотрение его заявления о направлении на учебу. В общем, остроту проблем удавалось снять, тем более что это было не более чем обычное «скучение службой». Иногда оно принимало характер призывов к снижению дисциплины: к/ц Авдеев в/ч 7004 говорил сослуживцам: «Для меня командиры не авторитет. Я в гражданских условиях пил водку и здесь буду пить, никто мне не запретит».

Ну и, наконец, самая немногочисленная группа высказываний, по мнению политорганов, носящих политический характер: краснофлотец Шишкин 1 МТАП распространял политические анекдоты, а кр/ц Моисеев из 18. А.Б. шуточно ответил младшему командиру: «Служим фашистскому народу!», при этом тут же оговорился, что так, наверное, говорят в Германии. Как видим, последняя группа носит откровенно несерьезный характер, да и количество подобных заявлений в целом по ВВС КБФ на порядок меньше, чем в первых группах [7. Л. 5–93].

Как и в других соединениях флота, в ВВС КБФ остро стояли материальные проблемы. Политорганы докладывали, в частности, что краснофлотцам первого года службы не выданы зимние шапки, что многие краснофлотцы не довольны выдаваемой обувью [7. Л. 43]. Приказы командующего ВВС КБФ содержали отметки о грязи в помещениях личного состава, обращалось внимание и на отдельные случаи вшивости краснофлотцев. В частности, эти факты были отмечены в 4-й АЭ 1 МТАП (командир капитан Баканов и военком ст. политрук Соколов) [5. Л. 43].

Однако, и это отмечают все исследователи, недостаток опыта и отмеченные нами проблемы ни в коей мере не снижали моральный уровень личного состава авиации флота. Весь летный состав горел

желанием проучить врага, и часто уже в ходе боевых действий, как мы увидим в дальнейшем, командирам и политработникам придется сдерживать молодых летчиков, рвавшихся помериться силами с врагом. Командир 1-й авиаэскадрилии 13-го авиаполка капитан Т.Ф. Каменский в этой связи вспоминал: «Я получил на формирование новой части необлетанную молодежь. Люди пришли из военных школ, серебряные крылышки на рукавах черных морских пальто удостоверяли, что они летчики, на вопрос "хотите обедать?" или "не пора ли вам в кубрик спать?" они вместо "да" отвечали не без шика "точно", словом, выглядели вполне бывалыми летчиками. Разумеется, каждый из них считал себя способным на любое, самое дерзкое межпланетное путешествие, но практика ограничивалась скромными школьными полетами; отрядной, боевой слетанности не было» [4. Л. 1].

Таким образом, на основании вышесказанного мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, морально-политическое состояние личного состава ВВС КБФ перед боевыми действиями представляется нам многоуровневым. С одной стороны, оно являлось достаточно устойчивым, особенно когда речь шла о боевых действиях, маневрах и походах. Командованием ВВС флота и политическими органами в этом направлении была проделана большая работа. В целом политическую работу с личным составом ВВС флота следует признать успешной. Основные задачи политработниками были выполнены, что особенно важно в преддверии военного столкновения с Финляндией и в условиях разгоравшейся в Европе Второй мировой войны.

Укрепление материальной базы Балтийского флота и его воздушной составляющей благотворно сказалось на моральном состоянии личного состава, в том числе и летчиков.

Однако в повседневной жизни авиации флота наметились серьезные проблемы. В значительной степени они были вызваны той негативной информацией, которая поступала на флот с «гражданки». Проявлением этих проблем стали пьянство, недисциплинированность. Уже в мирное время они значительно снижали боеготовность авиации флота, приводили в высокой аварийности, различным чрезвычайным ситуациям. Необходимо было повысить уровень профессиональной готовности многих командиров и особенно политработников. С началом боевых действий можно было ожидать усугубления ситуации, и как следствие снижения боеготовности ВВС КБФ в целом, что в условиях боевых действий было недопустимым.

Список литературы

1. Григорьев Н., Чуковский Н. Крылатая Балтика. – М., 1940
2. Подводные лодки. Свыше 300 подводных лодок всех стран мира / пер. с англ. А. Николаева. – М., 2003.
3. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р. 61. Оп. 4. Д. 16.
4. РГА ВМФ. Ф. р. 62. Оп 5. Д. 3.
5. РГА ВМФ. Ф. р. 62. Оп. 2 с. Д. 49.
6. РГА ВМФ. Ф. р. 62. Оп. 2 с. Д. 55.
7. РГА ВМФ. Ф. р. 62. Оп. 5. Д. 2.
8. Советско-финляндская война 1939–1940: в 2-х т. Т. 1 / сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. – СПб., 2003.
9. Тиркельтауб С. В. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 гг. – СПб., 2006.

Империалистический характер Второй мировой войны и ее политическая обусловленность

На основе исторических фактов и экономической статистики статья вскрывает политико-экономический механизм империалистических войн, в особенности концентрируясь на примерах Второй мировой войны и предшествующих ей событий. В контексте экономико-политических процессов довоенного периода, включая первый глобальный кризис капитализма 1929–1933, доказывается тезис, согласно которому империалистические войны – это неизбежное следствие и одновременно предельно бесчеловечный способ преодоления наиболее глубоких кризисов капиталистического производства.

Based on historic facts and economic statistics this work shows the political and economic mechanism of imperialistic wars focusing on the example of World War II and the precedent events. In the context of the economic and political processes of the pre-war period, including the first global crisis of capitalism of 1929-1933, a thesis is proved that imperialistic wars are an inevitable consequence and at the same time an extremely inhumane way of overcoming the most severe crises of capitalist production.

Ключевые слова: империализм, Вторая мировая война, капитализм, кризис, производство вооружений.

Key words: Imperialism, World War II, capitalism, crisis, manufacture of arms.

Возвращаясь мысленно к эпохальному факту Великой Победы, 65-летие которой мы праздновали в этом году, считаю уместным и правильным показать экономическую детерминацию империалистических войн на примере именно Второй мировой войны. Мой выбор обусловлен не только праздничной датой, но, в первую очередь, исторической спецификой этой крупнейшей и наиболее разрушительной из всех войн в истории человечества. Характеризуя типовую принадлежность Первой и Второй мировых войн, не следует забывать, что столь длительные сложные масштабные исторические явления не могут исчерпывающе определяться какой-либо одной дефиницией. Грубо и узко было бы называть эти войны исключительно империалистическими, хотя империалистическая составляющая, безусловно, выразилась в них наиболее отчётливо. Эта же

* **Касьянов Григорий Александрович**, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

составляющая обуславливала формирование всех социально-экономических и политических предпосылок, ставших запалом для новой, второй по счёту, мировой бойни. Следует также заметить, что обе Мировые войны включали в себя три составляющие: империалистическую, национально-освободительную и классовую. Однако в рамках данной статьи нет возможности рассматривать специфику и соотношение всех этих составляющих даже на примере одной только Второй мировой. Поэтому ограничимся обоснованием империалистической природы этой войны и анализом политико-экономических факторов, к ней подтолкнувших.

Определим, для начала, что такое империалистическая война. В основе империалистических войн лежит политическое противоборство влиятельных буржуазных группировок, борющихся за ресурсы и рынки сбыта. Это войны между крупными центрами концентрации капитала, которые развязываются хозяевами этого капитала, как только оказываются исчерпанными все иные средства его непрерывного приращения. Несмотря на неисчерпаемое изобилие научных публикаций, вскрывающих экономико-политическую обусловленность мировых войн, тем не менее не только в обыденном сознании, но и в публичном социально-политическом дискурсе продолжают воспроизводиться идеалистические предрассудки о национальной, идеологической, религиозной или даже морально-нравственной их подоплёке. Именно поэтому столь полезным и поучительным оказывается возвращение к материалистическому пониманию истории, а именно: к политико-экономическому анализу Второй мировой войны и предшествующего ей межвоенного периода, к единственному методу, позволяющему вскрыть и конкретизировать всю систему обусловивших её факторов.

Не случайно Адольф Гитлер в одной из своих речей в феврале 1939 г. (за несколько месяцев до вторжения в Польшу) говорил: «Германия должна экспортировать или погибнуть!». Реплика вождя NSDAP предельно ясно даёт понять, что именно объективные экономические проблемы, имманентно присущие капиталистическому способу производства, в сочетании с агрессивной идеологией национал-социалистической партии Германии сделали Вторую мировую войну неизбежной. Данный тезис повторяется зачастую как самоочевидный, однако подлинно научный статус он обретает лишь в сопровождении соответствующей аргументации и фактов, которые мы здесь приведем.

Для понимания механизмов, приведших мир к очередной глобальной войне, необходимо вернуться на 10 лет в прошлое и обратить внимание на мощнейший кризис капитализма, пришедшийся на

1929–1933 гг. Из кризиса, начавшегося в 1929 г., мировая экономика вышла лишь в 1934–1935 гг. Стабилизация эта имела, однако, одну особенность, беспрецедентную в истории капитализма: она не сопровождалась соответствующим ростом интенсивности мировой торговли. В 1932–1936 гг. индекс экономической активности стран мира (включая СССР) возрос с 69 до 111 (1929=100). Индекс же международного экспорта, наоборот, упал в стоимостном выражении с 39 до 37,8 %. Преодоление кризиса стало результатом производства некоммерческой продукции – вооружений. Его предпосылкой было интенсивное перевооружение ряда держав: Германии, Японии, России и, в определённой степени, Англии. В 1937 г. Федерация Британской промышленности объявила, что расходы на производство вооружений оказали на развитие хозяйственной деятельности в 4–6 раз более мощное стимулирующее воздействие, чем размещение британского капитала за рубежом [4, с. 65].

В Германии затраты на вооружение в период с 1933 по 1938 г. достигли 90 миллиардов марок. Эта цифра, обнародованная Гитлером в 1940 г., превзошла все предварительные оценки. Индекс выпуска производственных товаров вырос между 1932 и 1934 г. в четыре раза, индекс продукции автомобильной индустрии увеличился благодаря обслуживанию моторизованной армии в шесть раз. Количество безработных сократилось с 5 331 000 в 1933 г. до 172 000 в 1938 г. [4, с. 70]. Спрос на сырьё, необходимое для производства вооружений, был исключительным: так, в Швеции, производившей металл, за который боролись между собой европейские державы, индекс прибылей поднялся в 1932–1936 гг. с 28 до 91,4.

В 1937 г. 65 % мировых расходов на вооружения приходилось на Европу. Индекс её промышленного производства на 11 пунктов превзошёл уровень 1929 г. Напротив, в Америке, где военная промышленность оставалась слабо развитой, аналогичный индекс был всё ещё ниже (на 7 пунктов), чем в 1929 г.

В 1937–1938 гг., когда капиталистический мир оказался перед угрозой нового кризиса, систему вновь «спас» рост производства вооружений в тех странах, которые ещё не были достаточно вооружены. США в это время пережили падение производства на 37 % ниже уровня 1929 г. Другие страны с преимущественно «мирной» экономикой (Канада, Бельгия, Нидерланды, Дания, Болгария, Эстония, Финляндия, Румыния) также испытали жестокое воздействие американского кризиса.

«Покупки, имеющие отношение к сфере вооружений, – откровенно говорилось в докладе Лиги Наций в 1938 г., – стали совершаться гораздо чаще именно в середине 1937 и 1938 гг., т. е. в тот

период, когда спад в Соединённых Штатах и динамика товарного спроса грозили привести к мировой депрессии, аналогичной той, что началась в 1929 году» [5, с. 30].

Причины экономического подъёма после кризиса 1929–1933 гг. совершенно ясны. Они лежат в развитии «экономики вооружений», т. е. в производстве средств разрушения. Но такая продукция находит спрос только во время войны. Война – единственный способ окупить вложения в военную сферу. И война действительно разразилась. Она открыла перед странами, производившими средства разрушения, новые возможности. Так, в Канаде в годы войны производство выросло на 50 %, это примерно на столько же, на сколько в предыдущие двадцать пять лет увеличился выпуск промышленной продукции в Соединённых Штатах [6, с. 488].

Несмотря на величайшие в истории человечества разрушения, производство в мировом масштабе к концу войны не сократилось, а увеличилось, его предвоенный уровень был превзойдён. Темпы экономического роста США были самыми высокими за всю историю страны. Но чтобы добиться этого, Соединённым Штатам пришлось приспособить для обслуживания военных нужд уже не маленький сектор своей экономики, как раньше (в 1929 г. военная продукция составляла не более 1 % ВВП), а весьма значительную часть производственных мощностей. «В производство вооружений была вовлечена очень значительная часть американской хозяйственной системы; в момент максимального увеличения военного производства его объёмы почти сравнялись с общим количеством продукции, выпускавшейся в США накануне войны».

Из сказанного уже видно, что империалистические войны разражаются потому, что оказываются единственным средством, помогающим капитализму разрешить, по крайней мере на время, парализующие его противоречия. Каким же образом, и за счёт какого экономического механизма осуществляется эта «помощь»?

Не вдаваясь в подробное обсуждение расхождений между теориями Розы Люксембург и Гроссмана-Маттика в том, что касается определения глубинных противоречий капиталистической системы, можно высказать ряд замечаний, вытекающих из опыта данного периода.

В целом тенденцию к падению нормы прибыли нельзя рассматривать обособленно от тенденции к сокращению рынков сбыта: угроза снижения нормы прибыли заставляет капитализм добиваться постоянного накопления капитала и, следовательно, стремиться к овладению новыми рынками. Увеличение объёмов производства, возможное лишь при условии выхода на новые рынки, представляет

собой главный фактор, противодействующий падению нормы прибыли. В то же время постоянное увеличение технических составляющих капитала (т. е. рост его органического строения) действует в противоположном направлении, заставляя норму прибыли снижаться. Причина, делающая такое повышение производительности неизбежным, лежит в жесточайшей борьбе между капиталами за контроль над имеющимися рынками (победа одного капитала над другим в завоевании рынка зависит от способности продавать больше товаров по более низким ценам, т. е. от степени использования технологий в производстве).

Развитие экономики вооружений смягчающе действует на обе вышеназванные сферы капиталистических противоречий. Она противодействует сужению рынков, открывая новые, хотя и временные возможности сбыта производимой продукции. Порождаемый ею рынок имеет очень большое значение, ибо (в отличие от рынков, создающихся в результате организации общественных работ типа строительства автомагистралей при А. Гитлере или благоустройства городов в рамках «Нового курса» Ф. Рузвельта) поглощает продукцию весьма обширного сектора экономики – ведь для военных нужд можно использовать почти всё, что производится. Кроме того, потребность во все более мощных и изощрённых вооружениях стимулирует, в первую очередь, развитие самых передовых отраслей промышленности с наивысшей концентрацией капитала. Наконец, преимущество военного производства состоит в том, что оно не перегружает рынки, на которые нацелено производство «гражданское»¹.

Производство вооружений оказывает также тройное воздействие на тенденцию к понижению нормы прибыли. Во-первых, расширяются рынки сбыта. Во-вторых, возрастает норма эксплуатации, так как инфляция (или – в военное время – соединение инфляции с карточной системой) снижает реальную зарплату, а продолжительность рабочего дня увеличивается. Во время войны сверхурочный труд становится обязательным, и под лозунгом «исполнения гражданского долга» создаются даже трудовые лагеря. Всё это в период после 1933 г. имело место как в Соединённых Штатах, так и в Австрии, Польше, Австралии, Канаде, Дании, Финляндии, Швейцарии, Чехословакии и особенно в Германии [4, с. 61]. И, в-третьих, произ-

¹ Так, в 1962 г. 75 % военных расходов США приходилось на самолёты, ракеты, электронное и телекоммуникационное оборудование. Корабли, артиллерия, машины и относящееся к ним оборудование – то, что когда-то составляло основу вооружённых сил – поглощали оставшиеся 25 %.

водство вооружений значительно ускоряет процесс концентрации капитала, увеличивая, следовательно, его прибыли¹.

Однако история этого периода показывает, что даже капитал с наивысшей в мире степенью концентрации, эксплуатирующий рабочих с самой низкой заработной платой, не способен наращивать производство, если отсутствуют возможности сбыта производимых им товаров. Во время Великой депрессии 1929–1934 гг. оплата труда упала до чрезвычайно низкого уровня, а концентрация капитала получила мощный импульс. Производство же и норма прибыли оставались на прежнем уровне или сокращались. Следовательно, производство вооружений облегчило положение капиталистической экономики именно вследствие создания «нового» рынка сбыта. Этим рынком и стала Вторая мировая война.

В своих заявлениях руководители государств, столкнувшихся с депрессией, не ошибались в определении её причин – например, Ф. Рузвельт незадолго перед вступлением США в войну говорил: «Мы не потребляем всех продуктов питания, которые можем произвести. Мы не находим применения всей нефти, которую можем добыть; мы не используем всех товаров, которые можем изготовить»². Виднейший лидер капиталистического мира совершенно отчётливо видел, что проблема лежит не в сфере производства (создания прибавочной стоимости): «мы можем произвести... мы можем добыть... мы можем изготовить...». Она лежит в области сбыта, рынка: «Мы не потребляем... мы не находим применения... мы не используем...».

Таковы особенности функционирования капиталистической системы в период 20-х – 30-х гг. XX в.: система продлевает своё существование за счёт того, что всё в большей степени опирается на производство вооружений. Международные противоречия, которые существуют всегда, начинают всё активней раздуваться национальной буржуазией и используются в качестве предлога для наращивания военного потенциала, что значительно расширяет рынок сбыта вооружений, сопутствующей им продукции и тем самым стимулирует рост капиталистической экономики. После Первой мировой войны буржуазные государства научились использовать это лекарство более умело, производство вооружений позволило им увеличить интенсивность и эффективность вмешательства в экономическую жизнь. Но сущность «лечения» осталась прежней, так как не изме-

¹ В 1945 г. концентрация капитала дошла до такой степени, что, по оценке Фрица Штернберга, 250 крупнейших предприятий производили столько же продукции, сколько 75000 предприятий в довоенный период.

² Выступление 28 мая 1941 г.

нилась природа самой болезни: необратимое сокращение возможностей экспансии капиталистической системы, непрекращающаяся угроза падения нормы прибыли, обострение соперничества между различными фракциями мирового капитала, неумолимое обострение классовых антагонизмов, неполное использование капитала и, наконец, нестабильность в сфере обмена. Сколь угодно-нибудь существенным образом притормозить действие всех этих неизменно преследующих капитализм пороков, не выходя за рамки буржуазного общества, можно лишь с помощью тотальной войны, в ходе которой уничтожается большая часть производительных сил, в том числе и непосредственных производителей – рабочих и служащих, одетых в солдатскую форму. Это позволяет преодолеть очередной кризис перепроизводства, поскольку в гибнущих на поле боя воинах умирают в одном лице как производители, чья рабочая сила не может быть востребована в условиях охваченного кризисом капитализма, так и неплатёжеспособные потребители, продолжающие нуждаться в еде и одежде. Кроме того, послевоенное восстановление из руин создает огромный рынок, обеспечивая условия для длительного экономического роста. Именно поэтому война периодически оказывается жизненно необходима капитализму, и чем дольше длится эта война, чем более она кровопролитна и разрушительна, тем полезнее, благотворнее она оказывается для системы глобального капитала.

Этот мрачный вывод был полностью подтвержден Второй империалистической войной и её последствиями. Именно Вторая мировая война, как мы показали, покончила с затяжной экономической депрессией 1929–1940 гг., а послевоенный экономический бум 1945–1967 гг. в прямом смысле слова рос из перегноя десятков миллионов павших.

Таковы в общих чертах основные политико-экономические механизмы, подтолкнувшие фашистскую Германию и другие мощные капиталистические державы к развязыванию Второй мировой войны. Как можно видеть, эти механизмы выходят далеко за пределы национал-социалистической партии, за границы Германии и даже за пределы европейского континента. Система империализма, находящая решение своим противоречиям в мировых войнах точно в соответствии с масштабами этих войн, является мировой системой и действует как единое целое.

В заключение зададимся вопросом, не является ли империализм делом прошлого, а опасность новой мировой империалистической войны навсегда миновавшей? Нет. Современная история также даёт нам ряд примеров менее масштабных империалистических

войн: например, вооружённые вторжения США в Афганистан, Ирак и Югославию, унёсшие сотни тысяч человеческих жизней. Эти вторжения также имеют экономическую, империалистическую подоплёку, какими бы благородными словами о правах человека и защите демократии не пытались бы оправдать свои зверства сами агрессоры. Красноречивым признанием этого факта могут служить слова Томаса Фридмана в газете «New York Times»: «Скрытая рука рынка никогда не действует без скрытого кулака – «Макдоналдс» никогда не сможет процветать без Mac-Donald-Douglas, создателя самолёта F-15. И скрытый кулак, поддерживающий мировую безопасность технологий Силиконовой долины, называется армией, военно-воздушными силами, военно-морским флотом и корпусом морской пехоты США» [1].

Неверно было бы сводить всю сумму факторов, обуславливающую агрессивную политику современного американского империализма, к банальной жажде дешёвых источников нефти. Если бы это было так, то первой жертвой США стали бы не Ирак и Афганистан, а Венесуэла, чьи нефтяные запасы значительно больше, а расходы на её транспортировку из этой страны ниже более чем в два раза. Важна не столько нефть, сколько рынки сбыта для транснациональных корпораций, базирующихся в США. Именно их руководство, по словам таких видных американских учёных, как Ноам Хомский и Джон Беллами Фостер, выступает наиболее активным лоббистом всех военных авантур «мирового жандарма» [2; 3]. «Короткая победоносная война» против небольшого европейского или азиатского государства открывает возможность продавать там свои товары, вытеснив продукцию национальной промышленности, материально-техническая база которой физически уничтожается в ходе так называемых «миротворческих операций».

Примером такого рода стратегии может служить Сербия. Приведём краткую предысторию американского вторжения в эту страну, что позволит ярче понять империалистическую природу югославского конфликта в целом. В 1989 г. по требованию МВФ югославское руководство приняло закон о приватизации. Но когда эксперты МВФ вникли в этот закон, они пришли в ярость: закон предусматривал создание в Югославии так называемого «народного капитализма», в соответствии с которым иностранный капитал мог рассчитывать только на 10 % акций любого приватизированного предприятия, основным владельцем акций становились трудовые коллективы и, кроме того, приватизация проводилась на сугубо добровольной основе (принудительно можно было приватизировать только предприятия-банкроты). Поэтому МВФ отказался от дальнейшей «работы с

Югославией», и был взят курс на развал федерации. Это привело к гражданской войне, в которой погибло 600 тыс. чел., и к распаду единой Югославии. При этом 80 % югославских капиталов, естественно, бежало из воюющей страны в западные банки (из них 70 % – в банки США). В Сербии, однако, у власти оставалась социалистическая партия, которая и заставила Милошевича принять именно такой закон о приватизации, который ущемлял интересы иностранного капитала и открывал курс на построение того самого «народного капитализма». Поэтому понадобилась ещё одна война – якобы из-за Косова, – в результате которой промышленность Сербии была уничтожена американскими бомбардировками, а правительство Милошевича пало. Новое правительство отменило прежний закон о приватизации, открыв, таким образом, Сербию для западного, в том числе американского, капитала.

Приведённые примеры показывают, что империализм не есть идеологическая химера коммунистической пропаганды, а самая что ни на есть злободневная реальность новейшей истории. Такой же злободневной и постоянно угрожающей народам реальностью выступает и новая мировая империалистическая война.

Список литературы

1. Мартенс Л. Революция и контрреволюция в XXI веке. – URL: <http://cccp.narod.ru/work/book/martens.html>.
2. Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. – М.: Столица-Принт, 2007.
3. Фостер Дж. Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека». – М.: Поколение, 2007.
4. Claude H. De la Crise Economique A la Guerre Mondiale. Editions Sociales, 1947.
5. League of Nations. Aprecu General Du Commerce – Monrial, 1938.
6. Sternberg F. Capitalism and socialism on trail. – N.Y., 1968.

Количество и состав студенческих партизанских отрядов Ленинграда в начале Великой Отечественной войны

В статье анализируется количественный и социальный состав студенческих партизанских отрядов, сформированных из преподавателей и студентов Ленинградских вузов; описываются героические подвиги партизан, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашего Отечества.

The article analyzes the quantitative and the social composition of student guerrilla groups formed from the teachers and students of universities of Leningrad; describes the heroic exploits of the partisans who gave their lives for freedom and independence of our Motherland.

Ключевые слова: партизанское движение, Ленинград, Великая Отечественная война, нацистская Германия, оккупированные территории, студенческие отряды.

Key words: partisan detachments, Leningrad region, the Great Patriotic War, Motherland, the horrors of war, Nazi German, countless victims, the occupied territories.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всего советского народа, в том числе и для студенчества, у которого практически еще не было прошлого, а было только перспективное будущее.

Наиболее массовое и эффективное партизанское движение против оккупантов во время Второй мировой войны развернулось на территории Советского Союза сразу же после вероломного нападения захватчика в 1941 г. В то время как войска Красной армии возвращали оккупированные территории, простые рабочие, студенты, преподаватели, учителя и дети Белоруссии, Украины и России начали сопротивление оккупантам.

В первые дни войны студенты Ленинграда приняли активное участие в митингах и демонстрациях, подготовке воззваний к жителям города, которые публиковались на страницах «Смены», «Ленинградской правды», «Лесгафтовца» [6], «Ленинградского университета» [5]. Затем началась организационная работа по созданию различных боевых подразделений. Больше всего партизанских отрядов сформировал институт физической культуры им. Лесгафта. Так, уже 29 июня из его преподавателей и студентов было сформировано 12 отрядов каждый численностью 20–30 чел. (все-

* **Спиридонов Алексей Владимирович**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

го 257 чел.) [7, с. 49]. Личный состав партизанского отряда № 1 под командованием Миронова включал 25 человек [9. Д. 1007. Л. 34]: 15 студентов, пять преподавателей, два мастера спорта по лыжам, один врач, один радист, один подрывник. Таким образом, основную часть отряда составляли студенты. В отряде был только один человек, состоящий в партии, это подрывник, приписанный к отряду сверху, кроме того – два кандидата в члены партии. Огромную значимость имеет тот факт, что руководство отряда было беспартийным. Только комиссар отряда, а по совместительству врач, был кандидатом в члены партии. Объяснить причину, почему руководство отряда было беспартийным с учетом того, что партия считается организатором партизанского движения, очень трудно. Однако этот факт говорит о том, что партийное положение не играло особой роли при назначении командиров, а важен был опыт и научное звание руководителя. Тем более что беспартийных в отряде было 12 чел., т. е. практически половина отряда, кроме того в отряде было восемь комсомольцев, два кандидата и один член партии. Безусловно, партийный контроль над отрядом сохранялся, так как в его состав входил комиссар, который, как известно, играл очень важную роль в жизни отряда.

Анализируя дела следующих отрядов, пришлось столкнуться с проблемой. Оказалось, что в учетных делах всех остальных партизанских отрядов, сформированных из преподавателей и студентов института имени Лесгафта, абсолютно отсутствовали какие-либо сведения о деятельности отрядов, их составе. Там было только сообщение о том, что отряд передан в разведотдел РККА. В документах также содержались краткие сведения о количестве партизанского отряда и времени его действия в тылу врага.

Приведем сведения о количестве партизанских отрядов, сформированных в Ленинградском институте физической культуры:

- партизанский отряд № 2 под командованием Власенко – 21 чел. [9. Д. 783. Л. 1];
- партизанский отряд № 12 под командованием Артамонова – 30 чел. [9. Д. 722. Л. 1];
- партизанский отряд № 11 под командованием Виноградова – 16 чел. [9. Д. 780. Л. 1];
- партизанский отряд № 4 под командованием Немчинова – 25 чел. [9. Д. 1030. Л. 1];
- партизанский отряд № 10 под командованием Селезнева – 18 чел. [9. Д. 1127. Л. 1];
- партизанский отряд № 3 под командованием Циммерберга – 20 чел. [9];
- партизанский отряд № 9 под командованием – 19 чел. [9. Д. 1237. Л. 1].

Узнать численность некоторых других отрядов не удалось в связи с тем, что их дела до сих пор являются засекреченными. Таким образом, картина, связанная с деятельностью партизанских отрядов Ленинградского института физической культуры им. Лесгафта, остается неполной и не до конца изученной.

Далее охарактеризуем состав и численность студенческого партизанского отряда ЛГУ, который был сформирован позже партизанских отрядов ГОЛИФКа. В литературе, посвященной истории ЛГУ, нет единого мнения о количестве универсантов, участвовавших в партизанском движении.

В сборнике, посвященном деятельности университета во время Великой Отечественной войны, упоминаются 50 студентов [8, с. 112], которые стали участниками университетского партизанского отряда. Однако в другом очерке этого же сборника, посвященном истории комсомольской организации университета, указываются 23 студента [1, с. 79]. И самое удивительное, что это единственные работы, где вообще упоминается количественный состав студентов, участвовавших в партизанском отряде ЛГУ.

В архиве музея СПбГУ был найден список, который был опубликован в работе Н.Н. Амосова, Р.Л. Золотницкой и Л.Л. Эльяшовой:

№	ФИО	Факультет
1	Дорофеев	философский
2	Максимов С	филологический
3	Смолкин М.Д.	«»»»
4	Блюменталь	преподаватель
5	Николаев	Географ
6	Бинкин Е	Филолог
7	Гин М	Филолог
8	Львов М	Филолог
9	Белоногов	Филолог
10	Новиков	Биофак
11	Романов н	Биофак
12	Осокин иван	Биофак
13	Егоров	Биофак
14	Данилов	
15	Наан Густав Иоганович	Физик
16	Миролюбов	Истфак
17	Вилионский Алекс	Экономист
18	Белых конст	Экономист
19	Седов	Экономист
20	Янковский	Химик
21	Иванов	Матмех
22	Вольпе л а	Матмех
23	Гращенко	

Этот список имеет подзаголовок: «партизаны ЛГУ» [2. Д. 6. Л. 10], составлен от руки на обычном тетрадном листе с пометками, сделанными карандашом. Но точно выяснить происхождение данного списка автору не удалось, так как на нем, кроме вышеуказанной информации, нет больше никаких сведений, по которым можно было бы выяснить источник происхождения этих данных. Таким образом, возникают сомнения в достоверности приведенных сведений.

Помимо этого списка, в этом деле хранится машинописная таблица с заглавием: «список студентов Ленинградского университета, зачисленных в особый отряд», за подписью секретаря ВЛКСМ ЛГУ Храпунова [2. Д. 6. Л. 11]:

№	ФИО	Должность	Курс	Факультет	Партийное положение
1	Ворменов В. Н.	Студент	3	Мат-мех	ВЛКСМ
2	Вольпе Л. А.	Студент	3	Мат-мех	б/п
3	Муссемус М. М.	Студент	1	Мат-мех	ВЛКСМ
4	Покидов В. С.	Студент	3	Мат-мех	б/п
5	Кустов Н. А.	Студент	4	Мат-мех	ВЛКСМ
6	Истомин А. Н.	Студент	4	Мат-мех	б/п
7	Мищенко Н. П.	Студент	4	Мат-мех	ВЛКСМ
8	Иванов А. А.	Студент	4	Мат-мех	ВЛКСМ
9	Дерягин И. А.	Студент	3	Истфак	ВЛКСМ
10	Симонян А. Д.	Студент	3	Мат-мех	ВЛКСМ
11	Башилов Г. А.	Студент	3	Мат-мех	ВЛКСМ
12	Иохт Л. Н.	Студент	4	Мат-мех	ВЛКСМ
13	Маянц С. А.	Студент	3	Истфак	ВЛКСМ
14	Филатов В. И.	Студент	4	Мат-мех	ВЛКСМ
15	Осокин И. М.	Студент	5	Биофак	ВЛКСМ
16	Богданов	Студент	3	Мат-мех	ВЛКСМ
17	Миролюбов А. С.	Студент	4	Истфак	б/п

Данный список ни разу не был использован в публикациях, посвященных истории партизанского отряда ЛГУ, но он обладает всеми признаками достоверности: составлен на печатной машинке, имеет печать в конце документа. Сравнивая имена, входящие в списки, можно увидеть, что только Миролюбов, Осокин, Вольпе и Иванов встречаются в обоих документах. Что же касается остальных 14 студентов из второго списка, то трудно сказать, куда они пропали. Также следует отметить, что данный список в основном состоит из представителей математико-механического факультета. Можно предположить, что в этот список вошли все студенты-

добровольцы, большинство из которых отправилось в народное ополчение.

После изучения других дел архива удалось найти списки, которые были составлены в 1941 г., видимо, в период формирования университетского партизанского отряда. Этот документ набран машинописным текстом, в нем есть пометки, сделанные от руки, и есть фамилии, вписанные вручную чернилами, к сожалению, не все фамилии удалось расшифровать. Это дело № 55 в архиве имеет подзаголовок: «Различные списки студентов добровольцев» [2. Д. 55. Л. 2–7].

№	ФИО	г\р	Парт	Должность
1	Львов Моисей Денисович	1920	ВЛКСМ	Студент 4 курса филфака
2	Вилионский Александр Иосифович	1921	ВЛКСМ	Студент 4 курс экономического факультета
3	Дорофеев Виктор Иванович	1907	ВКП(б)	Студент 2 курса филфака
4	Максимов Сергей Ильич	1917	ВЛКСМ	Студент 5 курса филфака
5	Смолкин Михаил Дмитриевич	1917	ВКП(б)	Аспирант
6	Броников Георгий Петрович	1915	б\п	Аспирант
7	Мавренков Николай Иванович	1919	ВЛКСМ	Студент 5 курса филфака
8	Матедьенко Николай Герасимович	1912	ВЛКСМ	Студент 5 курса филфака
9	Гин Моисей Хаймович	1919	ВЛКСМ	Студент 5 курса филфака
10	Романов Николай Александрович	1921	ВЛКСМ	Студент 4 курса биологического факультета
11	----			
12	Чурбанов Виталий Федорович	1920	ВЛКСМ	Студент 4 курса физического факультета
13	Бинкин Евгений Борисович	1919	ВЛКСМ	Студент 4 курса филфака
14	Виноградов Борис Захарович	1921	ВЛКСМ	Студент 2 курса филфака
15	Блюменталь Илья Христофорович	1906	Кандидат в члены ВКП(б)	Доцент, преподаватель геолого-почвенного фа- культета

№	ФИО	г/р	Парт	Должность
16	Веркеев Гарри Михайлович	1923	ВЛКСМ	Студент 1 курса экономического факультета
17	Белых Константин Иванович	1921	ВЛКСМ	Студент 4 курса экономического факультета
18	Лонин Рафаия Сломонович	1907	Кандидат в члены ВКП(б)	Аспирант историческо- го факультета (вычеркнут)
19	Сидоренко Семен Анисимович	1905	ВКП(б)	Аспирант историческо- го факультета
20	Николаев Николай Яковлевич	1903	б/п	Сотрудник ГЭНИИ
21	----			
22	----			
23	Исаков Павел Максимович	1896	ВКП	Доцент
24	Янковский	1922	ВЛКСМ	Студент 2 курса
25	Новиков Борис Михайлович	1921	б/п	Студент 3 курса

Эти списки составлены по всем правилам военного времени, в них указан домашний адрес каждого добровольца, а также партийная принадлежность, факультет, дата рождения и семейное положение. Судя по тому, что в этом списке наибольшее количество совпадений с первым списком, и по другим его внешним признакам можно отнести его возникновение к периоду создания университетского партизанского отряда. На это указывают некоторые вычеркнутые фамилии и вписанные позже чернилами. К сожалению, эти фамилии расшифровать не удалось. В ходе сравнения этого списка со списком, составленным на тетрадном листе, было найдено больше совпадений. Так, совпали 13 фамилий, что подтверждает подлинность части данных, приведенных в первом списке.

В отчете командования Штаба партизанского движения [2. Д. 33. Л. 10-11], копия которого сохранилась в архиве музея СПбГУ, есть сведения о том, что из студентов и сотрудников университета были созданы 10-й партизанский отряд и половина отряда, куда вошли представители Академии художеств [2. Д. 33. Л. 10]. Из этого же документа узнаем следующее. После первой операции 70-я Василеостровская бригада была расформирована и создан партизанский отряд из 36 чел. под командованием В.И. Дорофеева. Судя по документам, в этот отряд вошли только студенты и сотрудники университета [9. Д. 832. Л. 42]. В отчете командованию также упоминается,

что в период переформирования отряда в него влились универсанты, до этого проходившие службу в народном ополчении. Их фамилии следующие: «вновь прибывшие из ополчения Моисеенко и Иванов» [2. Д. 33. Л. 11].

В ходе работы в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга был найден список студентов, состоящих в 70-м партизанском отряде Василеостровского района под командованием В.И. Дорофеева [2. Д. 832. Л. 42–54]. Это список во многом проясняет ситуацию. Часть фамилий, приведенных в предыдущих списках, здесь отсутствует, поэтому считаю целесообразным дополнить список. Фамилии большей части студентов и сотрудников университета, указанные в предыдущих списках, совпадают, но появляется масса новых фамилий, что говорит о большем количестве студентов ЛГУ, участвовавших в партизанском движении в годы великой Отечественной войны.

Проанализировав все списки, можно составить сводный список всех студентов-партизан ЛГУ:

1. Балахонов Виктор Евгеньевич, 1923, б/п, ЛГУ, ассистент.
2. Блюменталь Илья Христофорович, 1906, кандидат ЛГУ, доцент, откомандирован в госпиталь г. Тихвин [Л. 40].
3. Богданов Юрий Станиславович, 1920, ВЛКСМ, ЛГУ, ассистент.
4. Борменков Василий Николаевич, 1921, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
5. Викирский Венедикт Антонович, 1919, б/п, ЛГУ, студент.
6. Вишняков В. Е., 1915, б/п, ЛГУ, студент.
7. Вольпе Лев Абрамович, 1921, б/п, ЛГУ, студент.
8. Гращенко Макар Григорьевич, 1902, ВКПб, ЛГУ, референт.
9. Данилов Николай Николаевич, 1920, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
10. Дерягин Иван Андреевич, 1920, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
11. Дорофеев Виктор Сергеевич, 1907, ВКПб, ЛГУ, студент.
12. Егоров Олег Васильевич, 1921, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
13. Иохт Лев Натанович, 1919, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
14. Корчагин Александр Афанасьевич, 1921, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
15. Кустов Николай Александрович, 1919, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
16. Львов Моисей Денисович, 1920, канд. ЛГУ, студент.
17. Мавренков Николай Иванович, 1919, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
18. Максимов Сергей Ильич, 1917, ВКПб, ЛГУ, студент.
19. Маянц Семен Аркадьевич, 1920, ВЛКСМ, ЛГУ, ассистент, откомандирован в госпиталь г. Тихвин [Л. 40].
20. Миролюбов Аркадий Сергеевич, 1915, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
21. Муселиус Максим Максимович, 1922, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.

22. Николаев Николай Яковлевич, 1903, б/п, ЛГУ, студент.
23. Новиков Борис Михайлович, 1921, б/п, ЛГУ, студент.
24. Покидов Всеволод Сергеевич, 1921, б/п, ЛГУ, студент.
25. Романов Николай Александрович, 1921, ВЛКСМ, ЛГУ, студент, откомандирован в госпиталь г. Тихвин [Л. 40].
26. Сидоренко Семен Анисимович, 1905, ВКПб, ЛГУ, студент.
27. Симонян Ашот Давыдович, 1919, ВЛКСМ, ЛГУ, студент, был в РККА [Л. 40].
28. Синяков Константин Васильевич, 1915, ВЛКСМ, студент.
29. Соболев Георгий Иванович, 1921, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
30. Филатов Валентин Иванович, 1920, б/п, ЛГУ, студент.
31. Янковский Владимир Рафаилович, 1922, ВЛКСМ, ЛГУ, студент откомандирован в госпиталь г. Тихвин [Л. 40].
32. Наан Густав Иоганович, откомандирован в госпиталь г. Тихвин [Л. 40].
33. Смолкин Михаил Давыдович, 1917, ВКП(б), ЛГУ, аспирант.
34. Бинкин Евгений Борисович, 1919, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
35. Гин Моисей Хаймович, 1919, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
36. Белых Константин Иванович, 1921, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.
37. Вилионский Александр Иосифович, 1921, ВЛКСМ, ЛГУ, студент.

Благодаря преподавателям кафедры новейшей истории России, работавшим над созданием «Книги памяти Ленинградского-Санкт-Петербургского университета», удалось выяснить дальнейшую судьбу некоторых универсантов. Таким образом, пали смертью храбрых следующие универсанты-партизаны: Вольпе Лев Абрамович, Дорофеев Виктор Иванович, Львов Моисей Денисович, Максимов Сергей Ильич, Новиков Николай Владимирович, Осокин Иван Михайлович, Романов Николай Александрович [3, с. 57–58, 87–88, 174–175, 179–180, 190, 216, 252], Йохт Лев Натанович [4, с. 36].

Подводя итоги проделанной работы, следует отметить, что установить точный состав и численность 2–11-го отрядов Ленинградского института физической культуры им. Лесгафта не удалось в связи с тем, что их дела переведены в военный архив города Подольска. Таким образом, картина, связанная с деятельностью этих партизанских отрядов, остается неполной и не до конца изученной. Говоря о численности университетского партизанского отряда, следует отметить, что удалось выполнить поставленную задачу, т. е. полностью установить универсантов-партизан, бойцов университетского партизанского отряда. Таким образом, можно сделать вывод, что всего в партизанском батальоне № 70 находилось 37 универсантов, из которых 21 студент-комсомолец, шесть студентов и со-

трудников кандидатов и членов ВКП(б), семь беспартийных студентов. Следовательно, основу партизанского отряда составили студенты-комсомольцы, что во многом повлияло на высокую боеспособность партизанского отряда ЛГУ. В связи с тем, что до сих пор не было известно всех имен студентов, участвовавших в партизанском отряде ЛГУ, впервые публикуется полный список всех героев-партизан.

Список литературы

1. Амосов Н. Н., Золотницкая Р. Л., Эльяшова Л. Л. «Никто не может, не имеет права остаться в стороне» (из истории комсомольской организации университета. 1941–1942 гг.) // Лен. ун-т в Великой Отечественной: очерки. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. – С. 72–100.
2. Архив музея Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд Великой Отечественной войны.
3. Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета 1941–1945. Вып. 1 / ред. колл.: Л.А. Вербицкая, В.Ф. Барабанов, Г.Л. Соболев, В.Н. Троян, И.Я. Фроянов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
4. Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета 1941–1945. Вып. 2 / ред. колл.: Л.А. Вербицкая, В.А. Кутузов, Н.Д. Колесников, В.Н. Троян, И.Я. Фроянов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
5. Ленинградский университет. Орган партийной и комсомольской организации ЛГУ им. А. А. Жданова. – 1941. – 26 июня.
6. Лесгафтовец. Орган партбюро и дирекции Государственного ордена Ленина института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. – 1941. – 28 июня.
7. Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. – Л.: Лениздат, 1973.
8. Терещук А.В. «Я долю свою по-солдатски приемлю...» (военно-организационная и боевая работа университета в 1941-1942 гг.) // Лен. ун-т в Великой Отечественной. Очерки. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. – С. 100–138.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Фонд № 0-116 – Ленинградский штаб партизанского движения (Л.Ш.П.Д.). Оп. 1.
10. ЦГА ИПД СПб. Фонд № 984 – Первичная партийная организация Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Оп. 1.

Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны

Статья раскрывает особенности массового сознания народа в первые месяцы войны. Показаны чувства и настроения связанные с нападением фашистской Германии, отношение к руководству страны и врагу. Охарактеризован процесс переоценки ценностей, приведены примеры стойкости морального духа населения, факторы, оказавшие влияние на массовое сознание и настроение народа.

The article describes the peculiarities of the mass consciousness of the people in the first months of the war. Feelings and moods connected with an attack by Nazi Germany, the relation to the country leaders and the enemy are shown. The author characterizes the process of revaluation of values, certificates of firmness of moral spirit of the population, the factors which have influenced on mass consciousness and mood of the people.

Ключевые слова: патриотизм, уверенность в победе, страх и смятение, вероломство, предательство, мужество, стойкость, самопожертвование, слухи, настроения, разочарование, недовольство, личная ответственность, истоки стойкости.

Key words: Patriotism, confidence of victory, fear and confusion, treachery, betrayal, courage, firmness, self-sacrifice, hearings, moods, disappointment, resentment, personal responsibility, the sources of firmness

Интерес, знания и представления о Великой Отечественной войне, оценки ее событий и результатов занимают важное место в духовной жизни современного российского общества.

Это важнейшее событие в истории Отечества XX в., несмотря на социально-экономические потрясения, идеологическую и политическую сумятицу конца столетия, по-прежнему остается фактически одним из немногих, которое сознание россиян воспринимает позитивно.

Вопреки значительной переоценке прошлого, колебаниям в политике власти и смене общественного строя, разнообразным попыткам пересмотреть историю Великой победы в конце XX начале XXI в. 80 % опрошенных соотечественников проявляли интерес к

* **Козлов Николай Дмитриевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

истории всенародного подвига и 87 % из них гордились этим событием [28/ № 5, с. 11; № 11, с. 29].

В последнее время наблюдается повышенный интерес к изучению мотивации поведения людей в экстремальных военных условиях, их духовного состояния, мнений и настроений. Отечественная историография пополнилась целым рядом серьезных историко-психологических исследований массового сознания и его составляющих, степени воздействия на него власти и его роли в достижении победы [23; 1; 27; 11].

Исследователи отмечают влияние характера начала войны, ее масштабов, изменившихся условий на сознание и поведение населения. В.Т. Анисков, Н.И. Кондакова, А.С. Якушевский и другие считают, что начало войны, смертельная угроза, нависшая над страной, способствовали сплочению народа [1; 14; 34]. В.Н. Данилов, В.Ф. Зима, С.В. Точенов, В.Б. Телпуховский, наоборот, отмечают негативный характер общественных реакций, связанных с недоверием к власти, обидами или молчаливым неприятием советской системы и другими причинами [6; 11; 30].

Вместе с тем отдельные политизированные авторы пытаются объяснить поражения советских войск в 1941 г. якобы нежеланием большинства народа защищать страну. Это нежелание воевать, негативное отношение к власти «объясняют» памятью о Гражданской войне и коллективизации, репрессиях режима в 1920–30-е гг., отсутствием морально-политического единства общества, которое, по их мнению, появилось лишь в 1943 г. и было вызвано только ошибками оккупантов и гибелью наших военнопленных [17, с. 9].

Вступление германских войск на советскую территорию, пишет А. Артемьев, сопровождалось «широким пассивным сопротивлением народа своему собственному правительству, нескрываемыми симпатиями к противнику, от которого бежали коммунистические власти, полной небоеспособностью огромной вооруженной и оснащенной Красной армии». Он утверждает, что «народ не хотел защищать ненавистный коммунистический режим, а во "враге врага" видел друга» [2, с. 103].

Их единомышленники считают, что народ воевал и работал в тылу лишь под воздействием страха перед репрессивными органами. «В войну наш солдат оказался между двумя огнями: врагом внешним и большевистской репрессивной машиной, свирепствовавшей не только в тылу, но и прямо на фронте и в прифронтовых районах, кровожадно выскивавшей все новые и новые жертвы» [7, с. 139].

Между тем непредвзятый анализ документов показывает, что смертельная опасность, нависшая над страной и народом, объективно объединяла людей, обостряла их патриотические чувства.

С самого начала войны получило большой размах добровольчество. Миллионы людей, руководствуясь патриотическими устремлениями, изъявляли желание немедленно встать на защиту Отечества. Уже к концу июля 1941 г. на добровольных началах в прифронтной полосе для борьбы с диверсантами и десантными группами противника было организовано 1755 истребительных батальонов общей численностью свыше 328 тыс. чел. Свыше 300 тыс. человек входили в группы содействия истребительным батальонам. В июле–сентябре 1941 г. было сформировано 10 дивизий народного ополчения в Ленинграде, 16 – в Москве и Московской области, а всего по стране – 60 дивизий и 200 отдельных полков. Вступить в добровольное ополчение изъявили желание свыше 4 млн чел. [4, с. 478–479]. В Сибири, на Урале, Кубани создавались добровольческие соединения, укомплектованные из местных жителей. Вооружение, снаряжение и обмундирование для личного состава этих соединений изготовлялись на личные средства граждан.

Всего, по неполным данным, за годы войны поступило свыше 20 млн заявлений с просьбой о добровольном зачислении в ряды сражающейся армии [26, с. 16]. Через советские вооруженные силы за это время прошло 34478,7 тыс. чел. [20, с. 245]. Следовательно, более половины защитников Отечества были добровольцами, подавляющее большинство которых пришли в первые, самые тяжелые месяцы войны. Доля же военнослужащих, побывавших в штрафных ротах и батальонах, созданных позднее, достигла лишь 0,42 % численности действующей армии [18, с. 438–439].

Однако восприятие происходящего, отношение к нему и руководству страны, настроения и суждения, мотивы поведения и поступки людей не могли быть одномерными. Трагическое начало войны, резкое ухудшение условий труда и быта, опасность, гибель и разрушения, другие негативные изменения не могли пройти бесследно и для сознания народа. Его содержание и состояние определялось не только реалиями военного времени, но и глубиной осознания и пониманием гражданами смысла происходивших событий, уровнем их образования и общей культуры, способностью самостоятельно анализировать и оценивать действительность. Оказывали влияние характер воспитания, степень информированности, гражданская позиция человека, его жизненный опыт и профессия, конкретные обстоятельства и другие особенности и факторы.

В 1999–2000 гг. выпускница факультета истории и социальных наук ЛГУ им. А.С. Пушкина И.В. Коржуева провела собеседования и анкетирование 80 ветеранов – непосредственных участников и современников событий 1941 г. Протоколы анкет хранятся на кафедре истории. Полученные результаты исследования внутренних побуждений людей показывают, что для 46,3 % опрошенных нападение Германии на СССР оказалось внезапным, а 53,7 % назвали разные свидетельства возможного нападения, анализ которых даёт возможность предположить их заимствования из печати и других источников более позднего времени. Аргументы о том, что «советские разведчики сообщали о готовящемся нападении», «Сталина регулярно извещали советские разведчики», «известны многочисленные донесения разведки» и т. п., летом 1941 г. не могли быть известны. 20 % опрошенных заявляли, что, узнав о нападении фашистской Германии, они испытали чувства страха и смятения, 35 % – возмущение вероломством, а 45 % – уверенность в скорой победе [3].

Другие очевидцы и участники событий также отмечают уверенность в разгроме врага, победе над ним. Связист В.Г. Потёмкин, защищавший Севастополь, подчёркивал: «многие, в том числе и я, продолжали верить, что победа будет за нами ...паники никакой не было... даже когда немец к городу подходил» [36. /1040/85/lang.ru].

Связистка С.С. Поворова в интервью заявила, что утверждения о том, «что мы не знали, что будет война – это неправда. Даже мы, молодые, в 14–15 лет знали, что будет война» и морально и физически себя готовили [35. /category/2/6/85/lang.ru].

Её современница Л.М. Смородина подчеркнула: «Удивительно, как мы сплотились тогда... были очень сознательные и подготовленные» [35. 1007/89/1/2/lang.ru], а фронтовик П.К. Жилин категорично утверждает: «Да, я был убежден, что мы победим» [35. 1007/89/1/2/lang.ru]. Подобного мнения придерживается подавляющее большинство ветеранов, интервью и рассказы которых размещены на сайте «Я помню».

Е. Долматовский, характеризуя настроения отступающих воинов, свидетельствовал, что оно сопровождалось открытым выражением досады: «Пока живы, зачем отходить? Можем стоять насмерть...» [9, с. 44].

Анализируя настроения воинов, писатель К. Симонов, бывший в то время фронтовым корреспондентом, утверждал, что редко встречался с неоправданным, шапкозакидательским оптимизмом, «со вслух высказанными надеждами, что всё, раз – два и переменится к лучшему». Если же встречались такие люди, то их презирали за глупость, за неискренность и душевную слабость, мешавшую смот-

реть правде в глаза. Вместе с тем, подчёркивал он, «ощущение, что мы отступаем, никогда не было господствующим, больше того, оно не было даже значительно распространённым» [25, с. 80].

«Студенческая масса в то время была охвачена огромной волной советского патриотизма, – вспоминал Э.А. Валиев, мобилизованный в 1941 г. в действующую армию со студенческой скамьи Ленинградского электротехнического института имени В.И. Ульянова-Ленина. – Мы, молодёжь, несмотря на неудачи первого месяца войны, всегда верили в нашу победу» [14, с. 85].

Сплочение и единение народа в условиях войны, его высокий моральный дух вынуждены были признать союзники и противник. «Моральное состояние населения исключительно хорошее, – писал в Вашингтон советник президента США Г. Гопкинс из Москвы, которую посетил в июле 1941 г., – здесь существует безусловная решимость победить» [16, с. 177].

«Мы поражены мощью русского сопротивления и искусством, с которым оно ведётся, – писала жена У. Черчилля в 1941 г. – Мы искренне восхищаемся доблестью, стойкостью и патриотическим самопожертвованием русского народа» [33, с. 219–220].

Министр пропаганды фашистской Германии И. Геббельс, предсказывавший накануне войны, что большевизм рухнет как картонный домик, уже 2 июля отмечает в своём дневнике «усиленное и очень отчаянное сопротивление противника», «очень тяжёлые бои», серьёзность положения, требующего всех усилий. Здесь же он приходит к выводу, что «о «прогулке» не может быть и речи. Красный режим мобилизовал народ» [19, с. 283]. С удивлением и раздражением вынуждены были пересматривать пропагандистские представления специальные службы и военнослужащие врага.

«До сегодняшнего дня упорство в бою объяснялось страхом перед пистолетом комиссара и политрука – писали в служебной записке германские аналитики. – Иногда полное безразличие к жизни истолковывалось исходя из животных черт, присущих людям на Востоке. Однако снова и снова возникают подозрения, что голого насилия недостаточно, чтобы вызвать доходящие до пренебрежения жизнью действия в бою. Большевизм... вселил в большую часть населения непреклонную решимость» [13, с. 89].

Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) 28 июня 1941 г. в аналитической справке «О ходе мобилизации и политических настроениях населения» отмечал, что настроение у людей «бодрое, уверенное, случаи отклонения от мобилизации единичны» [12, с. 210].

В сообщениях с мест, поступавших в центральные партийные и государственные органы и содержавших анализ настроений и поведения различных категорий населения, как правило, также имелся вывод о том, что «политико-моральное состояние хорошее» [21. Оп. 88. Д. 39. Л. 2, 7].

В 1999–2000 гг. 65 % опрошенных в Ленинградской области заявили, что были уверены в том, что руководство страны примет все необходимые меры для отражения захватчиков [3].

В то же время потери первых недель войны, быстрое продвижение противника вглубь советской территории, гибель и разрушения, резкое ухудшение условий труда и быта, другие неблагоприятные факторы не могли не повлиять на сознание и настроение населения. 35 % опрошенных были удивлены и расстроены теми обстоятельствами, 32,5 % заявили, что ожидали восстания рабочих и крестьян в тылу вражеских войск, и столько же изъявляли готовность с ещё большей отдачей работать для достижения победы [3].

Однако вместе с патриотическим подъёмом и единением народа имели место корыстные мотивы и панические настроения, предательство и неприкрытый антисоветизм, проявления трусости и паникёрства, которые в военное время приравнялись к измене. Наряду с официальными сообщениями Совинформбюро и печатными изданиями 28,7 % опрошенных участников войны важным источником информации называли рассказы знакомых и соседей и слухи [3].

Наиболее распространёнными были слухи о бегстве Сталина и правительства, об измене видных военачальников и местного руководства, о разногласиях в руководстве страны. Отдельные лица призывали не оказывать сопротивления захватчикам и не бояться их прихода, так как они не воюют с мирным населением, а Гитлер якобы предъявил Сталину требование о мире при условии роспуска колхозов и ликвидации большевистской партии. В ряде областей распространялись немецкие листовки с призывом «Войну кончай, бойцы домой, комиссаров долой!», «Долой колхозы, долой коммунистов!» В них говорилось о том, что целью Германии является не борьба с мирным населением, а борьба с евреями и коммунистами. Некоторые лица призывали расправляться с ними.

Как свидетельствуют документы, негативные настроения и высказывания содержали недовольство «рабством» и голодом колхозников, принудительными работами за опоздание на завод», обвинения коммунистов во всех бедах. Встречались откровенная злоба и враждебность к правительству, партии в целом и лично к

Сталину, угрозы в их адрес [10, с. 57, 490–511; 8, с. 76–80]. Секретарь Башкирского ОК ВКП(б) Игнатъев С.Д. публично признал, что среди части интеллигенции с связи с началом войны имелись факты антисоветских разговоров, проявления национализма и морального разложения, а окружающие проявили волокиту, бюрократизм, брали взятки [21. Оп. 22. Д. 2319. Л. 179]. Наличие таких же и подобных им негативных явлений отмечали Алтайский краевой, Архангельский, Куйбышевский, Саратовский областной и другие комитеты партии [21. Оп. 43. Л. 13-18; Д. 49. Л. 3, 12, 14. Д. 103. Л. 8; Д. 1048. Л. 59; Д. 1595. Л. 41]. Член Военного совета Ленинградского фронта, секретарь Ленинградских ОК и ГК РКП(б) А.А. Жданов отмечал, что среди местных руководителей «выявились упадники, упавшие духом с первых дней войны, неуверенные в своих силах, колеблющиеся и сомневающиеся во всем и всегда». Одновременно «выявилась группа, которая непрочь отступить перед трудностями, уйти от ответственности, появились, – подчеркивал А.А. Жданов, – и такие руководители, которые могли работать только в комфортабельных, мирных условиях». Он же вынужден был признать, что «у нас была пятая колонна, меньше чем могла быть, но она была», а среди жителей города имели место проявления апатии и пессимизма, «психологический шок» [22. Оп. 1. Д. 936. Л. 11].

Разочарование и недовольство проявились, как правило, в узком кругу или в форме соответственно сформулированных вопросов, которые задавались на лекциях и собраниях. Преобладали критические высказывания и размышления, вызванные тревогой и заботой за судьбу Родины и народа, которые в тех условиях расценивались как антисоветские и контрреволюционные. Содержались в них и критические замечания в адрес партии и правительства, а иногда и Сталина [10, с. 501-508; 8, с. 79-80; 21. Оп. 88. Д. 18. Л. 19; Д. 41. Л. 41; 31. Оп. 7. Д. 143. Л. 73; 32. Оп. 37. Д. 123. Л. 131, 134; Оп. 38. Д. 41. Л. 134].

«В то же время ему (Н.К. – Сталину) мы тогда верили безропотно», отмечал репрессированный и освобожденный накануне войны с лагеря на Колыме генерал армии А.В. Горбатов [5, с. 164]. Г.К. Жуков, работавший с Верховным Главнокомандующим на протяжении всей войны, подчеркивал, что «в стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны» [24, с. 358]. Другие фронтовики отмечают, что «в то время отношение к Сталину было очень хорошее», «вообще был как что-то светлое», а «некоторые из нас даже к отцу так не относились, как к Сталину» [36. /990/27/1/13/Lang.ru; /1060/75/1/4/ Lang.ru; /1067/1/1/3/ Lang.ru]. «Единственный человек на которого можно положиться, – утверждала бывшая фронтовая

связистка С.С. Проворова. – ... Много было во время войны и трусливости и предательства. Все было. Но мы верили, что он в Москве и он не предаст. Моральная опора очень большая была. Вера в него была очень большая» [36. /2/6/85/ Lang.ru].

Быстрое продвижение противника, отступление, массовая эвакуация, страшная угроза порождали элементы растерянности, всевозможные догадки о развитии событий и перспективах войны. Люди стремились понять причины военных неудач, получить ответы на волнующие их вопросы. Летом 1941 г. известия с фронта, их неопределенность, нередко противоречивость и недоговоренность, как отмечали современники событий, «крайне нервировало», «волновало своей неопределенностью, недоговоренностью», вызывало недовольство. «... Скрывать хуже, чем говорить правду, – записал в дневнике один из них. – Ведь наши сводки посеют недоверие, а это хуже всего ... Слова «никаких перемен» – нож острый. «Никаких перемен» – значит произошли большие перемены и завтра появятся новые направления. Мне стыдно, что у нас такие сообщения. Мне больно, что от нас скрывают то, что мы должны знать. Как «никаких перемен», так я расстроен. Для меня теперь сводки – все. Я живу от сводки к сводке, а когда они неладные, то это очень больно, прямо мучительно это переживать». В эти же дни тот же автор пришел к выводу: «У всех полная уверенность, что мы победим... Все живут одной мыслью, одним чувством... Мы победим. В этом никакого сомнения» [10, с. 512–520].

Наивная вера в классовую солидарность трудящихся, державшаяся на идее мировой пролетарской революции и воспитанная усилиями довоенной пропаганды, облегченное изображение противника, неполное, а часто и искаженная характеристика его тела и духа солдат и населения не соответствовали реалиям, развитию военных действий и поведению захватчиков. Незнание подлинной обстановки на фронте и в тылу, противоречивые и ошибочные сообщения и высказывания не способствовали осознанию драматизма ситуации. В первые дни войны люди нередко высказывали надежду на быстрый перелом развития событий, прогнозы о том, что через неделю – две воевать будем на территории противника, а уже «до зимы все будет кончено» [15, с. 17–18].

В определенной мере преодоление самопреувеличения и недооценки противника способствовало выступлению И.В. Сталина 3 июля 1941 г., в котором признавались огромные территориальные потери нашей страны, содержался призыв понять всю глубину опасности, стремиться избавиться от беспечности и настроений мирного времени. Он призывал бороться с нытиками и трусами, паникерами

и дезертирами, быть самоотверженными и отважными, предупреждал о хитрости и коварстве врага.

Вместе с тем в выступлении на параде Красной армии 7 ноября 1941 г., стремясь ободрить народ, укрепить в нем уверенность в победе, И. Сталин успокаивал, говорил, что «враг не так силен, как кажется», «еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений», что «немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой» [29, с. 36].

В экстремальной обстановке 1941 г. неоправданный оптимизм, часто излишне бодряческий тон заявлений были призваны не только закамуфлировать ошибки и просчеты руководства, но и, как думается, в первую очередь способствовать преодолению растерянности, ослаблению морально-психологических потрясений, укреплению духа народа.

В дальнейшем с укреплений позиций Красной армии на фронтах и положения в советском тылу уровень объективности в официальных заявлениях и содержании агитационно-пропагандистской работы возрастает.

Половина опрошенных ветеранов Великой Отечественной войны отметили, что переход в их сознание от надежды и уверенности в быстрой победе «малой кровью» к осознанию необходимости личного вклада и максимальной личной ответственности за судьбу Родины произошел в первые месяцы войны, к сентябрю 1941 г. Свыше трети респондентов считает, что это процесс трансформации их сознания продолжался до осени 1942 г. В то же время подавляющее большинство (97,5 %) участников опроса считают, что важнейшей предпосылкой дальнейшего перелома хода военных действий являлось чувство личной ответственности каждого за судьбу Отечества, их патриотизм и непоколебимая вера в победу. Появление же новой техники и помощь союзников в качестве важнейших условий дальнейшего перелома хода военных действий назвали лишь по 1,25 % опрошенных респондентов.

Главные истоки духовной стойкости советских людей 41,3 % опрошенных ветеранов объясняют собственной причастностью к строительству нового общества, 28,7 % – исторически сложившейся непримиримостью россиян к иноземному господству, 17,5 % – активной пропагандой героических традиций и примеров из русской истории и 12,5 % – идейной убежденностью [3].

В период тяжелых испытаний особое значение приобрело состояние народного сознания. Исход войны во многом зависел от духовных сил сражающейся армии и тех, кто в тяжелых условиях жил

и напряженно трудился в тылу, выращивал хлеб, производил вооружение, боеприпасы и снаряжение – все необходимое для достижений победы.

Сложна и многомерна картина общественного сознания начального периода войны. Общая цель объединяла и сплачивала народ, формировала единую и общепризнанную, за небольшим исключением, всеми его слоями доминанту общественного сознания, выраженную в лозунге: «Все для фронта, все для Победы!», который во многом сблизил настроения в обществе. В то же время вследствие воздействия разнообразных, противоречивых факторов и условий при общей единой направленности массового сознания тотального единства и единомыслия духовно-психологической сферы не могло быть. Личное и групповое мировосприятие и оценка, процесс осознания нередко существенно отличались от официальных заявлений и установок. Анализ документов приводит к выводу о том, что факторы материального характера, напряженный труд на пределе физических возможностей, морально-психологическое и идейное давление противника оказывали на него меньшее воздействие по сравнению с другими.

Издержки официальной информации о положении на фронтах, ее задержки, неполнота и неконкретность, расхождение между декларируемым и реальным ходом событий оказывали более сильное влияние на мнения и настроения людей. В массовом сознании людей трудно переосмысливались устоявшиеся политические и идеологические стереотипы, опровергнутые развитием событий.

В экстремальных условиях начального периода войны наблюдался рост критических настроений снизу, преодоление единомыслия и всеобщего безгласия. Имевшие место критические, даже негативные с позиции системы, господствовавшей идеологии и руководства страны индивидуальные и групповые высказывания, мнения и настроения, не совпадавшие с официальной точкой зрения оценки, порождались различными причинами. В то же время многочисленные факты свободомыслия критического и даже негативного отношения к тем или иным сторонам и действиям властей не обесценивают и не отменяют патриотизм, массовый героизм, самоотверженность и единение народа. Наоборот, они подтверждают сознательный характер патриотических устремлений во спасение Отечества, жизни и будущего народа.

Чувство личной ответственности за судьбу Родины, патриотизм и вера в победу, проявившиеся уже в первые месяцы войны, несмотря на потрясения и трагизм этого периода, стали важнейшим условием и предпосылкой дальнейшего хода военных действий.

Эти чувства и настроения, сознание советских людей в целом характеризовались как чертами, привнесенными чрезвычайными обстоятельствами, так и теми ментальными доминантами, которые были сформированы ранее, а также специальными, целенаправленными усилиями партийно-государственной системы периода войны.

Список литературы

1. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма 1941-1945. История и психология подвига. – М., 2003.
2. Артемьев А. Народ и режим в Отечественную войну // Посев. – 1991. – № 3.
3. Архив кафедры истории ЛГУ им. А.С. Пушкина.
4. Великая Отечественная война. 1941–1945: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1985.
5. Горбатов А.В. Годы и войны. – М.: Воениздат, 1980.
6. Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. – Саратов, 2002.
7. Делаграмматик М. Военные трибуналы за работой // Новый мир. – 1997. – № 12.
8. Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда. 1941–1945. – СПб., 1998.
9. Долматовский Е. Зеленая драма. 3-е изд. – М., Политиздат, 1989.
10. Забвению не подлежит. 1941-1945. Страницы Нижегородской истории. – Кн. 3. – Н.Н., 1995.
11. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне. 1941-1945 гг. – М.: ИРи РАН, 2000.
12. Изв. ЦК КПСС. – 1990. – № 6.
13. Источник. – 1995. – № 3.
14. Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941–1945. – М., 2002.
15. Кулагин Г.Л. Дневник и память. – Л.: Лениздат, 1978.
16. Новая и новейшая история. – 1994. – № 3.
17. Пушкарёв Б.С. О войне 1941-1945 гг. // Посев. – 1995. – № 3.
18. Пыхалов И. Великая оболганная война. – М.: Яуза. Эксмо, 2005.
19. Ржевская Е.М. Геббельс: портрет на фоне дневника. – М.: Аст-пресс книга, 2004.
20. Россия и СССР в войнах XX века: стат. исслед. – М., 2001.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
22. РГАСПИ. Ф. 77.
23. Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. – М., 1955.
24. Симонов К. Глазами человека моего поколения. – М., 1988.
25. Симонов К. Письма о войне. 1943–1979. – М.: Сов. писатель, 1990.
26. Синицин А.М. Всенародный характер Великой Отечественной войны. – М.: Знание, 1985.

27. Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Н. Новгород, 2008.
28. Социологические исследования. – 2005.
29. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: Крафт, 2002.
30. Точенов С.В. Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области в 1941–1942 гг. // Вестн. Ивановс. гос. ун-та. Сер. «История. Философия. Педагогика. Психология». – 2004. – Вып. 4. – С. 16–27.
31. ЦДНИГО. Ф. 288.
32. ЦХДООСО. Ф. 4.
33. Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 2. Великий Союз. – М.: Воениздат, 1992.
34. Якушевский А.С. Арсенал Победы // Великая Отечественная война 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. – М., 1999.
35. <http://remember.ru/content/category>.
36. <http://remember.ru/content/view>.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.23-25).084.8

*С. В. Яров**

Одинокие люди в блокадном пространстве

В статье рисуется тяжелая картина блокадной повседневности. Рассматриваются проблемы одиноких блокадников и «ремесленников». Характеризуется понятие «дистрофик».

The article draws the heavy picture of blockade everyday life. Problems of lonely people of blockade and "artisans" are considered. The concept «dystrophic person» is characterized.

Ключевые слова: Великая отечественная война, блокада Ленинграда, повседневность, этические нормы, «дистрофики», ремесленники.

Key words: Great Patriotic War, the blockade of Leningrad, everyday life, ethical issues, "dystrophic person", artisans.

Слово «дистрофик» стало обиходным в Ленинграде зимой 1941–1942 гг. Собственно, «дистрофиком» мог быть признан любой горожанин, если он не имел обильных источников пропитания, обеспечиваемых «связями» и воровством. Но позднее содержание этого слова было уточнено, и оно стало использоваться для обозначения особой категории лиц – истощенных в крайней степени, находящихся на грани физического и духовного распада и вследствие этого теряющих человеческий облик. «Как за полгода изменилась не только интонационная, но и смысловая нагрузка термина "дистрофик", – писал В.С. Люблинский жене в июле 1942 г. – Первоначально (в январе-феврале) оно звучало острой жалостью, означало жертву голода, призывало к помощи и состраданию или хотя бы каким-то льготам; затем оно начало приобретать все более ирониче-ский оттенок, стали говорить о "моральных" и "умеренных" дистрофиках – и не только применительно к тем, кто ... опускался или под очень реальным предлогом бессилия уклонялся от своих обязанностей (даже к самому себе); наконец, за последние месяцы,

* **Яров Сергей Викторович**, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

когда двуногих дистрофиков осталось все меньше... слово это стало приобретать чисто ругательный смысл, в нем все более звучит презрение (так говорят... о маломощном предприятии, слишком мелком куске чего-либо)» [19, с. 180].

Свидетельства очевидцев в целом подтверждают это явление иногда и более категорично, но обычно менее пространно; это скорее импрессионистические зарисовки, в которых почти нет попыток объяснить странный феномен. «Дистрофиков – истощенных – ненавидят, – рассказывал побывавший в Ленинграде Б. Бабочкин. – В вагоне ругаются: "Эх ты, дистрофик!"» [11, с. 203].

Можно предположить, что Б. Бабочкин, находившийся в городе лишь несколько дней, неправоммерно преувеличил значение частного эпизода, но ведь об этом говорили и люди, пережившие блокаду – и весьма настойчиво. «Несколько лет тому назад, чтобы оскорбить человека, его называли колхозником, теперь появилось новое бранное слово – дистрофик», – писал в дневнике А.И. Винокуров [5, с. 282]. Эту привычку переняли и дети – с теми же интонациями и жестами, которые были присущи взрослым [8, с. 399; 26, с. 25].

Слово «дистрофия» и производные от него получили широкое распространение в городе [5, с. 282] – поэтому и не было редкостью услышать их среди оскорблений. Такие случаи заставляли испытывать неловкость и вызвали желание найти приемлемые для обычной этики оправдания – это, кстати, еще один критерий, позволяющий оценить укорененность нравственных правил у ленинградцев. И В.С. Люблинский, и другие, в частности А.И. Винокуров [5, с. 282], считали, что позднее термин «дистрофик» стал простым ругательством, приобретшим новое содержание и не связанным с породившими его блокадными реалиями. С этим трудно согласиться. Такой термин едва ли был нейтральным. Само название «дистрофик» постоянно отсылало к образу сломленного, отчаявшегося, утратившего надежду человека. И оно употреблялось именно в тех случаях, где или присутствовали истощенные люди, или происходило нечто, где выявлялись и последствия этой истощенности. Упитанного «ответственного работника» или продавца в булочной едва ли бы кто-то обозвал «дистрофиком», даже испытывая к ним острую неприязнь. Скорее можно говорить о том, что слово «дистрофик» стало очень привычным, и потому его оскорбительный смысл не сразу замечался: оно равно являлось и ругательным, и бесстрастно регистрирующим состояние горожан и даже отражающим снисходительные насмешки [2, с. 143; 21. Л. 88].

«Первый раненый истощает наше милосердие, ко всем прочим мы относимся с безразличием», – сказал некогда А.С. Пушкин. Письмо В.С. Люблинского отчетливо показывает стадии омертвления человеческих чувств и сопутствующие им приметы. След первого потрясения изглаживался, позднее видели не одного «дистрофика», а тысячи таких людей, и было теперь не до них: каждый пытался выжить сам. И приходилось делать работу за немощных «дистрофиков» и росло раздражение из-за этого, и сострадание начинало сменяться отвращением, поскольку сцены распада человека, утратившего чувство достоинства, становились более ужасными и непереносимыми.

На них было невыносимо смотреть: «Шелушащаяся кожа, синеватый цвет лица, совершенно особенный запах тлена, излучаемый еще живым» [21. Л. 88]. Многие старались отворачиваться и быстрее проходить мимо. У них, «дистрофиков», ослабевали все чувства, даже родственные [27, с. 164] – думали лишь о себе и не делились с другими. Они обычно вели разговоры только о еде, и ради нее были готовы на все. Н. Иванова вспоминала, как один из «дистрофиков» согласился помочь ей бежать из детдома за две конфеты [24, с. 59].

М. Пелевин стал свидетелем и такой сцены. В госпитале, где он лечился, лежал на койке и никогда не вставал «дистрофик». Когда один из пациентов, имевший привычку прятать хлеб в одежде, скончался, тот «вдруг... сполз... и на почти согнутых ногах чуть ли не ползком приблизился к умершему. Просунув руку под одеяло, он суетливо... начал шарить» [21. Д. 36. Л. 57]. То, что случилось дальше, пересказывать невозможно; заметим, что он делал это на виду у многих больных и ничуть не стеснялся. Отсутствие стыда и чувства брезгливости, неряшливость (в т.ч. и в употреблении пищи), нежелание следить за собой и выполнять правила гигиены являлись «характерными приметами быта «дистрофиков» [27, с. 164]. Неприятными в общении делали «дистрофиков», как отмечали врачи, и особенности их психики: «Плаксивость, докучливость, постоянное недовольство окружающими, непрерывные жалобы и просительный тон» [27, с. 164]. Они часто говорили не умолкая – «страшная, торопливая болтливость дистрофиков» сразу бросилась в глаза В. Бианки, когда он на несколько дней приехал в город.

Не все готовы были это оправдать, терпеть, прощать. Г. Кулагин заметил, что именно при встрече с голодными и больными у него проявлялась «нетерпеливая, почти враждебная раздражительность»; иначе он вел себя со здоровыми людьми. «Еще тошнее от дистрофиков ГПБ, которые вместе со мной отбывают трудовую повинность», — записывала в дневнике М.В. Машкова [23, с. 45].

Почему? Прямого ответа нет, есть лишь перечисление их поступков. Но именно те из них, которые отмечены, позволяют воссоздать механику формирования неприязни к слабым: «Они... беспомощно копошатся во дворе и ноют от голода, ...мечтают о еде, цепляются жадно за жизнь» [23, с. 45].

Раздражала сама немощность, люди не хотели спрашивать себя, почему они стали «дистрофиками». Не принимались в расчет никакие «смягчающие» обстоятельства: необходимость содержать более многочисленную семью, отсутствие дополнительных источников питания, физиологические или возрастные особенности. Все голодали, но кто-то выстоял, а кто-то сломался – почему их надо жалеть? Кто-то помогает, а кто-то заботится только о себе, кто-то молча переносит трудности, а кто-то, не переставая, говорит, просит, жалуется, плачет, объясняет, умоляет. И почему к тем, кто сжал себя в кулак, кто так же страдает от голода, нужно относиться менее милосердно, чем к «дистрофикам» – разве это справедливо? И эта жадность, животная жадность, когда «дистрофик» отталкивает всех, и стариков и детей и требует еду себе, только себе – разве другие были согласны не замечать ее?

10 декабря 1941 г. И.Д. Зеленской встретился в столовой один из «дистрофиков», все с той же, отмеченной еще В. Бианки, «бесмысленной неподвижной улыбкой». Говорил он неслышно, и «как-то странно падал на собеседника, точно старался прилипнуть к нему» [29. Оп. 11. Д. 35. Л. 40 об.]. Жалости у нее нет – но не только потому, что она видела эти сцены не раз и привыкла к ним. Есть другое чувство, которого она, пожалуй, даже стыдится: отвращение. В следующих записях оно получает такую мотивировку: «У меня крепко держится все доброе по отношению к людям, которые проявляют хоть каплю ... стойкости, в которых жив человеческий дух, но эти ходячие трупы. Тень человека и его аппетит – нет, не могу, от них и страшно и отвратно».

Здесь норма справедливости, самопожертвования, самоотречения противоречила другим, не менее важным этическим правилам, которые требовали проявлять милосердие, жалость, сострадание – и эти противоречия иногда являлись неразрешенными. Люди боялись оказаться на месте «дистрофика», инстинктивно чувствуя, что им может стать любой, перенесший голод. И потому они придирчиво наблюдали за собой, опасаясь и у себя обнаружить те же симптомы распада. «Дистрофик» стал зримым воплощением того состояния духа, с которым надо было беспощадно бороться, «выдавливаться» из себя – но как можно было тогда сохранить уважение к нему? Г. Холопов рассказывал об одной женщине, управхозе, которая часто посмеивалась над «рахитиками» [10, с. 234] и

говорила, что ей не грозит их судьба: ее отец поднимал на плечо тяжести до 16 пудов. Она гордилась тем, что не из их десятка – откуда же у нее возникнет чувство сострадания к этим «рахитикам»?

И внешний вид «дистрофиков», и их психика одинаково отталкивали всех, кто их встречал. Но что же было делать им, презираемым и гонимым? Они тоже хотели выжить, но встречали эту стену отвращения и безразличия. Их было легко оскорбить, не ожидая отпора – чем они могли ответить? (В. Базанова, считая себя «дистрофиком», не решалась даже поступать в театральную студию – опасалась, что ее обидят [2, с. 146]). И основания у нее имелись. Обучаясь в 1942 г. в ремесленном училище, она замечала, как часто обделяли ее в столовой: «Была дистрофиком, поэтому мне всегда доставалась одна вода» [2, с. 143]). Их нетрудно было обобрать, обмануть, оттолкнуть, пользуясь их слабостью. Сколько нечестных людей пытались поживиться за их счет – и «дистрофикам» надо было хоть чем-то защитить себя. Пугались их истошных криков, их несмолкаемой речи, «нытья» – а как добыть без усилий, без стонов, без истерики то, что принадлежало им по праву? Да, они были бесцеремонны – а как достать кусок хлеба, если, видя их состояние, им не выдавали «карточки», а потом утверждали, что «дистрофики» сами не знают, что говорят, что они якобы давно их получили. Где он будет искать правду – шатающийся от измождения, с нечленораздельной речью, в полуобморочном состоянии?

В Пушкинском Доме, как вспоминал Д.С. Лихачев, завхоз приписывал себе «карточки» слегших от голода сотрудников, ожидая их скорой смерти. Один из них все же нашел силы придти в институт. «Вид у него был страшный (изо рта бежала слюна, глаза вылезли, вылезли и зубы). Он явился в дверях как привидение, как полуразложившийся труп и глухо говорил только одно слово: "карточки, карточки"». Едва услышав просьбу, завхоз «рассвирепел, ругал его и толкнул» [17, с. 475–476].

Искушение оттолкнуть обессиленного человека, отнять у него продукты и «карточки» не раз наблюдались во время блокады в разных, но одинаково жестоких и циничных формах. Не останавливались в ряде случаев и перед издевательствами над слабыми и даже избивали их – наиболее выпукло эти нравы проявлялись среди подростков [24, с. 43]. Было бы заблуждением считать, что «дистрофиков» не лечили, не оберегали, не кормили, не пытались спасти. Делали это, не только следуя служебным инструкциям, хотя иногда невозможно разделить проявления милосердия и выполнение своего профессионального долга. Но отчетливо видно и другое. Первичное восприятие внешнего вида и привычек «дистрофика» нередко подавляло все прочие чувства. Осознать необходимость

мягкого и тактичного отношения к больным людям было дано не всем. Представления о том, что каждый должен отвечать за себя, а не ссылаться на обстоятельства, издавна сформировались в человеческих взаимоотношениях. Они, конечно, не могли быть полностью применимы в драматических обстоятельствах, но не всякий хотел делать поправку на военное время – и потому часто все так же оценивали поведение человека по «мирным» меркам, абстрактно, обобщенно. Это был тот случай, когда жалость не сумела преодолеть отвращение – парадокс состоял в том, что последнее во многом обуславливалось той же этикой, призванной предотвратить духовный распад человека.

В отношении к «дистрофикам» как в капле воды отразилось и отношение ко всем одиноким блокадникам, которые нуждались в поддержке. Если членов семьи старались спасти во что бы то ни стало, если друзей стремились, насколько возможно, опекать, если для соседей соглашались хотя бы что-то сделать, то одинокие оказывались самыми уязвимыми. Это отмечалось повсеместно [16, с. 33; 21. Л. 100, 103; 10, с. 379]. «Каждый стремится сохранить только собственную жизнь и жизнь своих близких родных, не обращая внимания на окружающее», – записывал в дневнике 28 февраля 1942 г. А.И. Винокуров [5, с. 251]. Одиноким чаще всего оставалось надеяться только на помощь государственных и общественных структур и созданных ими специальных подразделений: санитарных дружин, комсомольских бригад, обогревательных постов. Помощь эта нередко являлась ограниченной либо и вовсе запаздывала.

Об одиноких (как и прочих) людях не всегда заботились на предприятиях, редко интересовались, как они живут в общежитиях. «В жилых комнатах грязь, вшивость. На лестницах и дворах уборки никакой не производилось», – сообщалось в акте проверки районных общежитий, составленном Приморским РК ВЛКСМ [28. Оп. 1. Д. 78. Л. 4]. Официальные отчеты отличались сдержанностью, в частных записях очевидцев подробности блокадного «общежитского» быта выглядят еще более ошеломляющими. «...Сегодня я зашла в наше деревянное общежитие, – отмечала в дневнике 4 января 1942 г. И.Д. Зеленская. – Там тоже страшно. Много уволенных каталей, которые предоставлены самим себе. Сидят вокруг жаркой печки с углем, удачники [так в тексте. – С. Я.], жарят дуранду, одна полупокойница лежит в постели и плачет неживыми слезами. У нее украли последний хлеб. Головой на столе лежит еще одна умирающая. Зрелище страшной безнадежности. У Шарандовой непрерывно кричит ребенок. Она наменяла на последние вещи, вроде пальто, одеяла и несколько горстей овсяной половы, из которой ничего

нельзя выжать съедобного, сеет эту половину и плачет над ней» [29. Оп. 11. Д. 35. Л. 49].

И похороны одиноких людей часто в горьких подробностях повторяли их последние дни: погребение без уважения к умершим, без совершения ритуалов, подчеркивающих человеческое достоинство. (Например, в дневниковых записях Г.А. Кязева за 16 января 1942 г. читаем: «Я спросил нашего бывшего академического извозчика, ...не знает ли он, чей этот труп везли вчера на санках в таком странном виде...

— А это уборщицу увозили из Главного здания.

— Почему же она была в таком растерзанном виде, и даже волосы волочились по снегу?

— Да она одинокая была» [1, с. 41].

Эвакуированные и учащиеся ремесленных училищ – еще одна группа преимущественно одиноких людей, до которых мало кому было дела. «Раньше начали умирать беженцы», – вспоминала начальник размещенного в школе эвакупункта К.Я. Анисимова [7, с. 48]. Побывавший в другом эвакупункте Б. Капранов обнаружил в комнате размером 30 кв. м проживавших там 16 чел.: «...Все время подавленное настроение. Все раздражительные, голодные, едва передвигают ноги» [6, с. 45]. Еще одну историю поведала в дневнике М. С. Коноплева. В поликлинику доставили молодую женщину, трудившуюся на оборонных работах. Вскоре она умерла. Ее семилетняя дочь, оставшаяся сиротой, рассказала, что в городе они оказались зимой, и никаких родных у них не было. Об этом можно было и не говорить – вот описание тела погибшей: «Я увидела труп этой женщины, раздетой в травматологическом кабинете. Он поразил меня своим видом – это был узловатый скелет, обтянутый серо-желтой кожей» [20. Д. 2. Л. 82].

У женщины позднее нашли спрятанные 1600 руб. Можно с большой долей уверенности утверждать, что все эти сбережения, вызывавшие недоумение и подозрения в жадности – не след какой-то патологии, а свидетельство того ужаса, который пришлось пережить блокадникам, и того одиночества, в котором оказались. Едва ли это случайно – откуда одиноким ждать помощи, если не надеяться только на себя? Сегодня есть крошка хлеба, а завтра нет – и кому они будут нужны?

1500 руб. нашли и у умершего от истощения «ремесленника». Сообщивший об этом случае инженер Г.М. Кок удивлялся: их вроде кормили неплохо, давали горячую пищу три раза в день... [29. Оп. 11. Д. 48. Л. 20 об.]. Вероятно, он спекулянт, и, узнав о предстоящей эвакуации, которую осталось ждать недолго, стал копить деньги, продавая втридорога хлеб – в предположениях у инженера

недостатка нет [29. Оп. 11. Д. 48. Л. 21 об.]. Можно было бы согласиться с ним, если бы не противоречия в его рассказе: три раза в день кормили горячей едой, которую нельзя выносить из предприятия, и вдруг скончался от голода. Можно согласиться, если не знать, как кормили «ремесленников» в столовых и как «заботились» об их быте. А документы об этом имеются – один страшнее другого.

Положение, в котором оказались сотни «ремесленников» и «фезеушников», оставшихся в городе без семей, без поддержки близких, иначе как трагичным назвать было трудно. Условия их быта были очень плохими. В акте проверки ремесленного училища № 62, проведенной в январе 1942 г. Приморским РК ВЛКСМ, они выглядят весьма красноречиво: «Чрезмерная скученность, кровати размещены вплотную в два этажа, плохое состояние отопления, антисанитария учащихся (более полтора месяца не были в бане), все грязные, обовшивевшие». В столовой этого же училища были выявлены случаи обвеса в хлебе, приготовление пищи из недоброкачественной крупы [28. Оп. 1. Д. 78. Л. 5]. Одежда их была плохой. В. Г. Григорьев, встретив в магазине «закутанного в тряпье и очень грязного» мальчика, сразу предположил, что это «ремесленник» [9, с. 37–38]. Б. Михайлов увидел «ремесленника», поскользнувшегося на обледеневшем буфере переполненного трамвая — на его оторванной ноге «кальсон не видно, из грубого ботинка торчит газета, которой парень, очевидно, обертывал ноги для тепла» [21. Л. 82].

Некоторые из них шли на все, чтобы выжить, не опасаясь даже обвинений в шпионаже и измене родине. (Так, например, в воспоминаниях одного из блокадников упоминается «фезеушник», который подавал сигналы в затемненном городе: «Он рассказал, что какой-то "дядя" дал ему ракетницу и сказал, что если он... будет пускать ракеты, то получит консервы и ботинки»). Чаще всего, пытаясь спастись, они выхватывали продукты в булочных и магазинах [13, с. 251; 23, с. 133]. И делали это не в одиночку. Группа «ремесленников», совершив нападение на булочную, разграбила целый воз с хлебом [5, с. 244]. Тот, у кого не было сил, кто не был привычен к таким действиям и не мог выпросить подаяния, питался суррогатами, кошками и собаками, отбросами. Трагедия, разыгравшаяся в стенах общежития ремесленного училища № 39 на Моховой ул. в декабре 1941 г., едва ли являлась случайностью – в описании ее видишь неумолимую последовательность распада человека. Как следует из спецсообщения УНКВД ЛОО, в общежитии жило до 25 человек: «Все они были оставлены... как недисциплинированные и уволенные по разным причинам с работы... Были предоставлены сами себе, ... продовольственными карточками на декабрь месяц обеспечены не были. В течение декабря месяца они питались мя-

сом ... кошек и собак. 24 декабря, на почве недоедания, умер ученик Х., труп которого учениками частично употреблен в пищу. 27 декабря умер второй ученик В., труп которого также был употреблен в пищу» [18, с. 276].

«Среди эвакуированного из Ленинграда населения особо слабыми являются учащиеся ремесленных и железнодорожных училищ», – писал заместитель председателя Совнаркома РСФСР А.Н. Косыгин А.А. Жданову 10 февраля 1942 г. [15, с. 288]. Один из переживших блокаду вспоминал, что зимой 1941–1942 гг. учащиеся РУ исчезли куда-то», считая, что они одели зимние пальто и перестали выделяться среди других ленинградцев своей «формой» [5, с. 82]. Можно предположить, что причины здесь были и менее прозаичными.

И.В. Назимов записал рассказ начальника противопожарного управления об общежитии одного из ремесленных училищ: «Поделился кошмарными картинками. В двух комнатах общежития был в силу необходимости [выделено нами. – С. Я.] устроен морг. В нем большое количество трупов ремесленников, замерших в самых причудливых позах. Их было много. Они были свалены в беспорядке» [6, с. 132]. В другом училище морг был размещен в подвале. Живший рядом В. Г. Григорьев весной 1942 г. увидел «большую [подчеркнуто нами. – С. Я.] грузовую машину, на которую из подвала грузили трупы ремесленников»; машина была наполнена *доверху* [9, с. 45].

Они несли на себе печать смерти – изможденные, одинокие, обворованные теми, кто обязан был их беречь. Медсестра одной из больниц рассказывала, как привезли на лечение несколько истощенных «ремесленников». Их положили в ванну и все они почти сразу же умерли – все, один за другим.

Впечатляющая картина вымирания «ремесленников» дана в записках медсестры РУ А.А. Аскназий. В училище находились в основном подростки из Смоленской области, не имевшие в городе родных и близких. «Умирили ежедневно по несколько человек. Сначала, в начале декабря, в изоляторе на 6 человек заняты были не все койки, потом число комнат лазарета росло, ... весь второй этаж – сплошной лазарет и большой актовый зал весь уставлен койками» [21. Л. 10]. Тела умерших до морга везли на фанерных досках сами подростки за дополнительный обед. Идти было далеко и трупы нередко бросали на дороге: «Мы догадывались об этом, но, конечно, молчали» [12, с. 104; 28. Д. 78. Л. 5].

Пытаясь понять, почему одинокие люди оказывались на обочине блокадной жизни, нельзя не обратить внимание на ряд обстоятельств. Большинство этических норм обычно подтверждалось во

взаимоотношениях родных, друзей и близких. В общении с незнакомыми людьми они проявлялись не всегда. Это характерно не только для «смертного времени» – такое можно наблюдать и в привычных житейских ситуациях мирных дней, не отмеченных предельным драматизмом. Те, кто не могли рассчитывать на свои силы и кому не обязаны были помогать частные лица, ожидали поддержки лишь со стороны государства. Эти надежды во многом оказывались иллюзорными: о них мало заботились, их старались не замечать, их обманывали. Можно спорить о том, было ли это следствием безразличия и безответственности государственных служащих и фабрично-заводской администрации или являлось нормой блокадной повседневности с ее скудостью запасов продовольствия и топлива, которых не могло хватить на всех – вероятно, имело место и то, и другое. Но не все действия требовали от тех, кто должен был спасти обессиленных, большого самопожертвования или огромной затраты сил – а они не всегда были готовы выполнить и малую часть возложенных на них обязанностей.

Примечательно, однако, и другое. Вид голодных, просящих подаяние людей, в том числе и детей – «дистрофиков», беженцев, «ремесленников» – не для всех горожан стал импульсом сострадания; разумеется, речь идет о постоянной заботе, а не о одноразовой милостыне. И, заметим это, в помощи иногда отказывали и блокадники, известные нам как исключительно порядочные, добрые и благородные в отношениях с семьей и друзьями.

Обычно мало кто решается помогать неизвестным людям, не зная подробностей их жизни, их помыслов и расчетов – или приписывая их поступкам чуждые им характеристики. Во время блокады эти сомнения, казалось, должны были прекратиться, поскольку все понимали, что такое голод и как в действительности выглядят оставшиеся без поддержки и нуждающиеся в уходе. Но всегда ли делились с ними хлебом? Помогали ли им устроиться в госпиталь? Нет. Всегда ли поднимали упавших на снег и доводили до дома? Нет. Разве не понимали, в каком положении находились «ремесленники», варившие в котле собаку? Видели, удивлялись, страшились увиденного – и проходили мимо.

Граница между «своими» и «чужими» существовала всегда, но особенно ощутимой она стала во время войны. Пространство этики неизбежно сокращалось – у одиноких было меньше всего шансов выжить. Невозможно никого обвинять. Почти все оказались в бедственном положении: поделиться им было нечем. Многие не могли преодолеть эмоциональные и иные барьеры в общении с незнакомыми людьми, особенно если у тех проявлялись симптомы распада личности. Общественная инициатива, позволившая бы объединить усилия разных людей для их спасения, сковывалась жестким госу-

дарственным контролем; группы блокадников, рискнувшие самостоятельно и без всяких указаний сверху организовать помощь, неминуемо оказались бы под подозрением. Утешали себя и тем, что есть кому заботиться о «дистрофиках». Есть больницы, обогревательные пункты, комсомольские бригады, дружины РОКК: подберут, обогреют, вылечат. И привыкали к зрелищам нескончаемых бедствий, как привыкали ко многому, что считалось ранее невозможным, но оказывалось частью обычной блокадной повседневности.

Список литературы

1. Академический архив в годы войны. Ленинград. 1941-1942. Из дневника Г. А. Князева. – СПб., 2005.
2. Базанова В. Вчера было девять тревог // Нева. – 1999. – № 1.
3. Бианки В. Лихолетье. – СПб., 2005.
4. Бидлак Р. Рабочие ленинградских заводов в первый год войны // Лен. эпопея. Организация обороны и населения города. – СПб., 1995.
5. Блокадные дневники и документы. – СПб., 2004.
6. Будни подвига. Блокадная жизнь в дневниках, рисунках документах. – СПб., 2006.
7. Выстояли и победили. Воспоминания участников обороны Ленинграда, воинов и тружеников Октябрьского района. – СПб., 1993.
8. Голованова В. «Дистрофик» // Петров Анат. Тетрадь в клеенчатой обложке // Нева. – 1999. – № 1.
9. Григорьев В. Г. Ленинград. Блокада. 1941–1942. – СПб., 2003.
10. Девятьсот дней. – Л., 1962.
11. Иванов В. С. Дневник. – М., 2001.
12. Интервью с В. Г. Григорьевым // Нестор. – 2003. – № 6.
13. Интервью с А. Г. Усановой // Нестор. – 2003. – № 6.
14. Капустина Е. Из блокадных дней студентки // Нева. – 2006. – № 1.
15. Ленинград в осаде. – Л., 1995.
16. Ленинградцы в дни блокады: сб. – Л., 1947.
17. Лихачев Д. С. Воспоминания. – СПб., 1997.
18. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. – Т. 2. – М., 2002
19. Люблинский В. С. Блокадные дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. – СПб., 1995.
20. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 368.
21. ОР РНБ. Ф. 1273.
22. Откуда берется мужество. – Петрозаводск, 2005.
23. Публичная библиотека в годы войны. – СПб., 2005.
24. Разумовский Л. Дети блокады // Нева. – 1999. – № 1.
25. Соколов А. Эвакуация. – СПб., 1994.
26. Тихонов Н. Ленинград принимает бой. – Л., 1943.
27. Хвилицкая М. И. Симптоматология / Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. – Л., 1947.
28. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф. К-118.
29. ЦГАИПД. Ф. 4000.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39:314(571.54)(09)

*А. В. Имихелов**

Этнодемографические процессы в Бурятии. Исторический очерк

В статье дается анализ этнодемографических процессов в Байкальском регионе среди бурят, эвенков, сойотов. Языковая ситуация говорит о процессах утраты общественных функций родного языка. Если сойоты и эвенки практически полностью его утратили, то у бурят он сохранился в основном в сфере домашне-бытового уклада.

There are some conclusions on ethnodemographic processes in Baikal region among the buryats, evenks and soyots are presented in the article. The language situation speaks about processes of loss of public functions of a native language. Soyots and evenks almost have completely lost it, buryats has remained it basically in housekeeping life.

Ключевые слова: буряты, сойоты, эвенки, этнодемография, динамика численности, статистика, перепись населения, этнические компоненты.

Key words: buryats, soyots, evenks, ethnodemography, dynamics of number, statistics, population census, ethnic components.

В данной статье мы рассматриваем сложившуюся этнодемографическую ситуацию в Бурятии с привлечением материалов по коренным народам региона, бурятам и эвенкам, а также по сойотам, которые начали оформляться как самостоятельный этнос с начала 1990-х гг.

Буряты в настоящее время – наиболее крупный по численности народ среди коренного населения Сибири. Территория их современного расселения – обширная полоса лесостепной и горнотаежной зоны, простирающаяся от г. Нижнеудинска на западе до верховьев Амура на востоке.

Буряты как народность сформировались на основе длительного и тесного взаимодействия этнических компонентов монгольского, тюркского, тунгусского и прочего происхождения.

* **Имихелов Александр Валерьевич**, аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

В период с XIV по XVII в. в Прибайкалье происходил процесс консолидации различных родоплеменных групп, в том числе тюркского и тунгусского происхождения, в рамках нескольких крупных территориально-этнических объединений. К началу XVII в. этническая карта в регионе выглядела примерно следующим образом. В долине Ангары и ее притоках, а также Верхней Лены проживали хонгодоры, булагаты, эхириты и отдельные родовые группы западно-монгольского происхождения – икинаты, сэгэнуты, зунгары и т. д. В Забайкалье кочевали хоринцы и многочисленные группы собственно монгольского происхождения. В верховьях Оки обитала небольшая часть сойотов-тюрков, впоследствии почти полностью ассимилированных бурятами. Кроме того, на р. Витим и в районе Еравнинских озер проживали дауры. О том, что они говорили на одном из диалектов монгольского языка, свидетельствует тот факт, что согласно донесениям русских казаков их язык «с якутским и тунгусским не сходится». Однако в источниках последующего времени дауры уже не упоминаются как этническое целое.

Можно предполагать, что основная часть предбайкальских бурят, т. е. эхириты, булагаты и, по крайней мере, часть хонгодоров, к началу XVII вв. находилась на определенной стадии этнической консолидации. Это было обусловлено целым рядом факторов: единство территории, периферийное положение к остальному монгольскому этническому миру, сходство природно-географических условий, следовательно, хозяйственно-культурных типов, общность исторических судеб. В формировании народа заметную роль сыграли этнические компоненты тунгусского, тюркского и также ойратского происхождения, что во многом определило своеобразие культурного облика западных бурят [7, с. 102–103].

Присоединение территории Восточной Сибири к России придало совершенно иную направленность и характер происходящим в регионе этническим процессам, предопределив во многом их современную специфику.

Вторжение нового и весьма могущественного этноса не могло не сказаться на привычном образе жизни и расселении местного населения. Прежде всего, необходимо отметить усиление миграционного движения среди аборигенов, которые и до этого вели достаточно подвижный образ жизни. Оно было вызвано несколькими причинами: и стремлением уклониться от уплаты ясака, и лихоимством местной русской администрации, и хозяйственной деятельностью переселенцев, и т. д.

Среди западных бурят наиболее массовые перемещения связаны с известными событиями 1658 г., которые достаточно сильно сказались на характере расселения и в родоплеменной структуре отдельных групп бурят. Одно из существенных этнических последствий данного события – это фактический распад унгинско-окинской группировки булагатов на левобережье Ангары. Возвращаясь в последующие годы отдельными небольшими группами, беглецы в силу разных обстоятельств в основной массе уже не попадали в прежние места обитания. Так, согласно данным исторических хроник селенгинских бурят, когда в результате притеснений со стороны местных правителей Монголии ашебагаты вернулись в пределы России, в Иркутске им было предложено заселяться по Хилку и Чикою, т. е. по притокам Селенги. По данным 1669 г. в низовьях Оки насчитывалось лишь 26 плательщиков ясака [4, с. 212], в то время как, по некоторым оценкам, бурят здесь к приходу русских проживало более тысячи человек, не считая их кыштымов [8, с. 44].

На протяжении всего послерусского периода происходил довольно активный процесс ассимиляции бурятами отдельных групп населения тунгусского и тюркского происхождения. Тунгусы, насколько можно судить, еще относительно недавно являлись самой крупной по численности этнической общностью среди коренного населения Сибири. По некоторым оценкам, их численность к началу XVII в. составляла 36,2 тыс. чел., в то время как численность бурят – 27,3 тыс. чел. [4, с. 615–617].

Однако к концу XIX в. данное соотношение резко изменилось. По переписи 1897 г. численность тунгусов (вместе с ламутами и ороченами) составила примерно 61 тыс. чел., бурят – 288 тыс. чел., якутов – 226 тыс. чел., тюрков Саяно-Алтая – около 110 тыс. чел. [10, с. 2–8]. Налицо, таким образом, застой в приросте численности тунгусов за рассматриваемый период, что в известной мере можно рассматривать и как последствие опустошительных эпидемий. Вместе с тем обращает внимание буквально скачкообразный рост численности якутов и особенно бурят, что невозможно отнести только за счет естественного прироста населения. Очевидно, значительная часть тунгусских племен оказалась в конечном счете ассимилированной. Так, по данным С. Патканова, в конце XIX в. только 44,5 % собственно тунгусов (включая ламутов и ороченов) еще помнили родной язык, при этом на русский перешли 31,8 %, на бурятский – 15,7 %, на якутский – 7,6 % [10, с. 2–8].

Процесс этнической ассимиляции эвенков со стороны бурят и русских в основном завершился в первые десятилетия XX в. По

данным, например, Всесоюзной переписи 1926 г. на территории Бурят-Монгольской АССР эвенков зарегистрировано всего 2791 чел., из которых 2158 чел. назвали в качестве родного бурятский язык.

Процесс межэтнической интеграции становится еще более интенсивным и разнохарактерным где-то с рубежа XVIII–XIX вв., когда русскоязычный этнический компонент становится численно преобладающим в регионе. Приведем некоторые статистические данные по материалам Всероссийской переписи 1897 г., которая засвидетельствовала дальнейшее увеличение доли пришлого населения по Иркутской губернии и Забайкальской области. В 1897 г. в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области проживало 1187142 чел. Всего в списках упоминаются названия более 40 национальностей, однако основную часть населения составляли представители трех национальностей: русские 68,9 % всего населения, буряты 24,3 % и эвенки 3,0 %. Причем если основная масса бурят располагалась преимущественно в пределах указанной территории (вне ее зафиксировано только 309 душ обоего пола), то тунгусов здесь проживало 62 % от их общей численности.

Обратимся к основным видам занятий населения. Хотя подавляющее большинство бурят было занято в сфере сельскохозяйственного труда, но вместе с тем довольно отчетливо наметился процесс социально-профессиональной дифференциации среди них. Например, по таким разделам, как Наука, литература, искусство, указано четыре человека, Учебная и воспитательная деятельность – 34 чел., Врачебная и санитарная деятельность – четыре человека.

Доля грамотных среди бурят Предбайкалья составила 5,5 %, среди забайкальских – 8 %. При этом большинство иркутских бурят владело русской грамотой, а забайкальские – старомонгольской письменностью. Имеющих образование выше начального насчитывалось всего 66 чел., в том числе 10 женщин.

Явное преобладание иноэтнического компонента, а также активная русификаторская политика царской администрации, особенно православной церкви, стали причиной довольно интенсивных ассимиляционных процессов среди бурят. В 1897 г. доля перешедших на русский язык среди забайкальских бурят составила 5,2 %, среди иркутских – 12,5 %. Число крещеных среди бурят превысило 50 тыс. чел. Хотя крещение нередко носило формальный характер, многие крестились по несколько раз ради избавления от податей и получения каких-либо льгот, тем не менее это привело к возникно-

вению особого метисного слоя населения, известного под названием «ясачных» или «карымов».

Начало нового этапа в национальной жизни бурят знаменует образование в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР. Это создало благоприятные условия для национально-государственного строительства, для развития процесса национальной консолидации бурят. В пределах республики в то время проживал 91 % всех бурят страны, а доля бурят в республике составила 48,2 % всего населения.

Наметившиеся положительные тенденции в области национально-государственного строительства во многом были свернуты в результате известных событий последующих лет. Массовые политические репрессии 1930-х гг., ставшие одной из наиболее трагических страниц в истории всего советского народа, особенно болезненно отразились на судьбах относительно малых и малочисленных народов национальных окраин, у которых только начал складываться собственный административно-хозяйственный аппарат, зарождаться прослойка национальной интеллигенции.

Вполне соответствовало духу того времени обнародованное 26 сентября 1937 г. Постановление ВЦИК СССР «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области».

ЦИК СССР утвердил следующее постановление Всероссийского ЦИК:

- разделить Восточно-Сибирскую область на Иркутскую область с центром в г. Иркутске и Читинскую область с центром в г. Чите;
- присоединить к Читинской области Агинский и Улан-Ононский аймаки Бурят-Монгольской АССР, образовав Агинский Бурят-Монгольский национальный округ с центром в селении Агинском;
- присоединить к Иркутской области Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский и Ольхонский аймаки Бурят-Монгольской АССР;
- образовать в составе Иркутской области Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ с центром в селении Усть-Орда в составе Аларского, Боханского и Эхирит-Булагатского аймаков, Середкинского, Евсеевского, Казачинского сельсоветов Кировского района и Усть-Усинского сельсовета Балаганского района.

Данное постановление, как неоднократно отмечалось в последующем официальными лицами и даже некоторыми учеными, диктовалось соображениями экономико-географического характера, хотя политическая подоплека данного события вполне очевидна. Как известно, в августе – сентябре в БМАССР развернулась широкая кампания по разоблачению врагов народа, националистов, пан-

монголистов. В результате было полностью обезглавлено руководство республики [15, с. 28].

О масштабах репрессий среди бурят могут дать некоторое представление статистические материалы. Согласно переписи населения СССР 1939 г. произошло дальнейшее сокращение численности бурят – до 225 тыс. чел.

Как видно, речь идет не просто о снижении прироста населения, а об абсолютных потерях в численности в условиях мирного времени. Подобные факты за рассматриваемый период среди народов Сибири и Средней Азии отмечены только у бурят, эвенков и казахов. Очевидно, что подобный демографический феномен невозможно полностью объяснить только фактами ухода за границу части бурятского населения в годы коллективизации. Это во многом нужно рассматривать и как прямые последствия массовых репрессий 1930-х гг. Одна из причин таких больших потерь именно среди бурят заключается, видимо, в существовании у них значительной прослойки представителей духовенства, которые стали первоочередной жертвой карающего молота. Как известно, в 1920-х гг. в Бурятии функционировали 44 дацана, где насчитывалось около 20 тыс. священнослужителей.

Перепись 1939 г. зафиксировала также резкое сокращение доли бурятского населения в республике – от 44 % в 1926 г. до 21 %. Причиной тому стали не только названные выше обстоятельства, не только административное переустройство 1937 г., но и интенсивный приток нового населения в связи с широко развернувшимся в республике промышленным строительством. Достаточно сказать, что почти одновременно было начато строительство сразу нескольких промышленных объектов всесоюзного значения – стеклозавод (1930 г.), мясокомбинат (1931 г.), паровозо-вагоноремонтный завод (1932 г.). Поэтому при сокращении численности бурят в республике на 45 % численность русскоязычного населения увеличилась более чем в 1,5 раза.

Вместе с тем за послевоенные десятилетия (вплоть до начала 1990-х гг.) наблюдался неуклонный поступательный рост численности бурят. Например, с 1959 по 1989 г. их численность увеличилась на 66,5 %.

В последние десятилетия советского периода прослеживалась, возможно, и не очень заметная внешне тенденция к возрастанию доли выезжающих на постоянное жительство за пределы территории исконного проживания бурят. Так, если в 1959 г. на территории РБ, Иркутской и Читинской областей проживало 97,3 % всех бурят

страны, то в 1970 г. – 96,4 %, в 1979 г. – 95 %, в 1989 г. – 93,5 %. По данным 1989 г. бурят проживало: в Республике Саха-Якутия – 8471 чел., Магаданской обл. – 1579 чел., Красноярском крае – 1463 чел., в Москве и Московской обл. – 1496 чел., Республике Тыва – 570 чел.

За пределами РФ общая численность бурят составила около 4000 чел. (1989 г.), в том числе в Казахстане – 1172 чел., Узбекистане – 942 чел., Украине – 911 чел., Таджикистане – 378 чел., Кыргызстане – 229 чел.

Компактно проживают буряты также на территории Монгол Улс (Хэнтэйский, Восточный, Селенгинский, Центральный, Хубсугульский, Булганский аймаки) – всего, по оценочным данным, около 100 тыс. чел. Примерно 6–7 тыс. бурят обитают на территории Хулунбуирского аймака АРВМ КНР.

По переписи 2002 г. численность бурят по РФ составила 445 тыс. чел., т. е. налицо достаточно ощутимое сокращение темпов прироста. Прирост по сравнению с 1989 г. составил 6,7 %. Для сравнения: прирост бурят с 1979 по 1989 г. был равным 19,2 %. 61,3 % бурятского населения страны сосредоточено в Республике Бурятия; прирост бурят по республике несколько выше, чем по стране в целом – 9,4 %. Причем это происходило на фоне некоторого сокращения всего населения РБ – с 1038 тыс. чел. в 1989 г. до 981 тыс. Более интенсивное увеличение численности бурятского населения в республике можно отнести не столько за счет хорошего естественного прироста, сколько благодаря внешней миграции из Иркутской и Читинской областей, также вследствие возвратной миграции из других регионов РФ и стран СНГ.

За последние десятилетия наблюдалось также постепенное увеличение доли бурятского населения в РБ: в 1959 г. – 20,2 %, 1979 г. – 23 %, 1989 г. – 25 %, 2002 г. – 27,8 %. По Иркутской области данный показатель следующий – 3,6, 2,8, 2,7, 3,1 %, а по Читинской области соответственно – 3,9, 4,6, 4,9, 6,1 %.

В Усть-Ордынском бурятском автономном округе проживает 53649 бурят, что составило 39,6 % всего населения округа. По переписям 1959, 1979, 1989 г. соответственно 33,8, 34,5, 36,3 %. Прирост с 1989 по 2002 г. составил 8,7 %. В Агинском бурятском автономном округе численность бурят составила 45149 чел. (62,5 % от общей численности населения округа). По предыдущим переписям соответственно 47,7, 52, 54,9%. Прирост с 1989 по 2002 г. составил 6,4 %. А всего на территории трех бурятских субъектов РФ сосредоточено 83,4 % всех бурят (371,6 тыс. чел.).

Статистика также свидетельствует, что при увеличении доли бурятского населения по РБ в целом более быстрыми темпами росло городское население. Доля бурят-горожан выросла до 48 % по сравнению с 44 % в 1989 г. Удельный вес бурят в общей численности всего городского населения республики возрос до 22,6 %, в то время как в предыдущие сравниваемые годы он соответственно составлял – 11,5, 14,5, 17,3 %.

Причины довольно резкого усиления процесса урбанизации среди бурят вполне объяснимы. Почти повсеместный распад колхозов и совхозов, повлекший за собой массовую безработицу в сельской местности, вызвал интенсивный поток сельчан в города. Причем основная масса переселенцев оседает в г. Улан-Удэ и Иволгинском районе. По переписи 2002 г. доля бурят в г. Улан-Удэ составила 29,8 %. По последней переписи в Иволгинском районе доля бурят составила 52,3 %. Таким образом, Иволгинский попал в разряд таких районов, как Еравнинский, Закаменский, Кижингинский, Курумканский, Окинский, Тункинский, где доля бурят составляет более половины населения.

При известном факте диспропорции в соотношении численности мужчин и женщин в целом по стране и по республике этот показатель у бурят выглядит еще более заметным. В 1989 г. на 1000 мужчин-бурят приходилось 1111 женщин (например, у представителей русской национальности – 1062), а в 2002 г. это соотношение углубилось: на 1000 мужчин – 1129 женщин (у русских – 1099).

Эвенки в настоящее время расселены на огромной территории и находятся в тесном контакте со многими народами Сибири. Хотя вопрос о происхождении и вероятной прародине тунгусов остается спорным, наиболее приемлемо предположение, что становление и развитие древнетунгусской этнической общности происходило в основном в пределах горно-таежной зоны, простирающейся от верховьев Амура на Востоке до Прибайкалья на западе, т. е. преимущественно на той территории, которая занимает в настоящее время Бурятия [6, с. 98–99].

В результате тесного взаимодействия предков бурят и эвенков произошло взаимопроникновение многих элементов культуры и языка. Так, в составе бурят исследователи выделяют около 20 этнических групп тунгусского происхождения, оговариваясь при этом, что при более тщательном рассмотрении число таких родов может оказаться гораздо большим [14].

Достаточно полное представление об эвенкийско-бурятских взаимоотношениях в прошлом дают материалы по языку. Правда, пока трудно сказать что-либо определенное о количестве эвенкизов в лексике бурятского языка. Ясно лишь, что оно варьирует по разным территориально-диалектным группам. Особенно распространены эвенкизмы в говорах западных бурят. При этом важно подчеркнуть, что большинство эвенкийских заимствований составляют слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с условиями жизни в тайге [13].

Динамика численности эвенков выглядит следующим образом: 1926 г. – 32,8 тыс. чел., 1939 – 29,7 тыс., 1959 – 24,7 тыс., 1970 – 25,1 тыс., 1979 – 27,0 тыс., 1989 – 29,9 тыс. чел., 2002 – 35,5 тыс. чел. Таким образом, потребовалось почти восемь десятков лет только для восстановления исходных показателей советского периода. Если отрицательный прирост численности за 1926–1939 гг. можно отнести на счет издержки трагического периода в истории всей страны, то демографические показатели за 1939–1959 гг. (-16 %) не поддаются, на первый взгляд, элементарной логике. Вопрос требует специального разъяснения. Отметим также, что отрицательный прирост численности за 1926–1939 гг. отмечен еще у бурят – от 237 тыс. чел. до 225 тыс. чел. Поэтому есть основание считать, что именно эти два народа наиболее пострадали во время политических репрессий в 1930-х гг.

Распределение численности эвенков по данным переписи 2002 г. выглядит следующим образом: в Республике Бурятия – 2334 чел., в Иркутской области – 1431 чел., Читинской области (Забайкальский край) – 468 чел. Динамика их численности по РБ: 1979 г. – 1543 чел., 1989 – 1655 чел., 2002 – 2334 чел. Прирост составил: с 1979 по 1989 г. – 7,3 %, с 1989 по 2002 г. – 31,7 %. По сравнению с данными по РФ: с 1979 по 1989 г. – 10,6 %, с 1989 по 2002 г. – 18,1 %.

Таким образом, налицо очевидное увеличение прироста численности эвенков в целом. Однако по Республике Бурятия сыграли свою роль некоторые другие факторы. По имеющимся у нас данным, отдельные группы ранее обурятившихся или обрусевших эвенков по переписи 2002 г. зарегистрированы как этнические эвенки. Только в одном с. Мыла Закаменского района РБ из 670 чел. 428 чел. сменили свой национальный статус, т. е. отныне они числятся как эвенки (таблица).

**Динамика численности основных этносов Байкальского региона
по отдельным административным образованиям**

Годы, этносы	РБ	Иркут. обл.	Читин. обл.	АБАО	УОБАО
1959					
Все население	673326	1976453	1036387	49109	133071
Русские	502568	1661831	940180	23857	75099
Буряты	135798	70,5	39956	23374	44850
Эвенки	1335	1787	1349	42	43
1979					
Все население	899398	2558020	1232006	69035	131866
Русские	647785	2252063	1103576	29088	76444
Буряты	206860	71124	56503	35868	45,4
Эвенки	1543	1310	1341	226	35
1989					
Все население	1038252	2824920	1375340	77188	135870
Русские	726165	2499460	1216325	31473	76827
Буряты	249525	77330	66625	42362	49298
Эвенки	1655(1679)	1369	1271	166	79
2002					
Все население	981238	2581705	1155346	72218	135327
Русские	665512	2320493	1037502	25366	73646
Буряты	272910	80565	70457	45111	53649
Эвенки	2334	1431	468	163	64

В конце XIX в. численность сойотов по Тункинскому ведомству, по оценкам исследователей [1, с. 3], составляла 150 душ обоего пола. По переписи 1897 г. сойоты отдельно не выделены как самостоятельное этническое целое. Поскольку в ходе этой переписи основным этническим определителем являлся язык, то можно констатировать факт утери родного языка сойотами в целом. Аналогичная ситуация зафиксирована в итогах Всесоюзной переписи населения 1926 г., проводившейся по несколько иной программе. Из 229 чел. (161 чел. по Бурят-Монгольской АССР), отнесенных к сойотам, родным назвали язык своей национальности 14 чел., в том числе по БМАССР – 1 чел. Такова официальная статистика.

Профессор Иркутского университета Б.Э. Петри во время своей экспедиции в Восточных Саянах в 1920-х гг. нашел сойотов «разбросанными в 12 местах», которых он разделил на пять групп по

особенностям хозяйственно-бытового уклада. Всего было обследовано 90 семейств с общим населением 431 чел. Подводя итог своим исследованиям, Б.Э. Петри писал: «Итак, мы имеем народ без языка, без своей культуры и без территории. Мы могли констатировать, что и народа нет, а есть ассимилированная бурятами ветвь сойотов. Процесс ассимиляции зашел уже так далеко, что ни о каком возрождении окинских сойотов думать не приходится» [12, с. 18–20].

Однако приведенное заключение, на первый взгляд, довольно категоричное и окончательное, все же не отражает всей сложности этнической ситуации в регионе. Как, например, явствует из материалов, обнаруженных Л.Р. Павлинской в Госархиве Иркутской области, Б.Э. Петри после завершения своей экспедиции неоднократно обращался в Комитет Севера с вопросом о предоставлении сойотам статуса «малочисленного народа Севера», в результате чего последние в марте 1928 г. были внесены в реестр малочисленных народов. Однако ни правительство БМАССР того времени, ни бурятское отделение Комитета Севера не проявили особой заинтересованности в полной административной самостоятельности сойотов, и дело ограничилось созданием в 1930 г. Сойотского сомона, подчинявшегося республиканским властям на уровне хошуна и аймака.

В 1940 г. Окинский хошун получил статус аймака, провозглашавшегося республиканскими властями однонациональным, и во всех документах сойоты записывались бурятами. В 1963 г. как непродуктивная была ликвидирована традиционная отрасль хозяйственной деятельности сойотов – оленеводство.

«В конце 80-х годов, – констатирует Л.Р. Павлинская, – этническая ситуация в Окинском аймаке создавала впечатление полной этнокультурной ассимиляции сойотов, их растворение в субэтносе окинских бурят... В 1987 г. официально признавали себя сойотами не более 30-ти чел. Однако в начале 1990-х годов на фоне всеобщего подъема национального самосознания сойотский этнос внешне заявляет о своем существовании.

В 1993 г. сойоты создали свою ассоциацию, в которую записываются 812 чел. Они добивались от правительства Республики Бурятия организации в районе Сойотского национального сомона с центром в с. Сорок. Он был создан в 1994 г. на основании распоряжения президента Республики Бурятия (№ 36-РП от 01.11.94). 24 марта 2000 г. Президентом РФ был подписан Указ о включении сойотов в перечень малочисленных народов России» [9, с. 64–65].

Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Бурятия сойотов зафиксировано 2769 чел.

Список литературы

1. Африканов А.М. Урянхайская земля и ее обитатели // Изв. ВСОРГО. – 1890. – Т. 21. – № 5. – С. 34-59.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М.: ЦСУ, 1928. – Т. 6: Сибирский край. БМАССР.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1929. – Т. 17: Союз Советских социалистических республик. Отд. 1: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Офиц. изд.: в 14 т. – Т. 1: Численность и размещение населения. – М., 2004.
6. Нимаев Д.Д. О роли тунгусского компонента в этногенезе бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 98-103.
7. Нимаев Д.Д. Монгольские народы: этническая история и современные этнокультурные процессы: учеб. пособие. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007.
8. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). – Л.: ОГИЗ, 1937.
9. Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. – СПб.: Европейский дом, 2002.
10. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – Т. 1: Сводные таблицы и краткие выводы. – СПб., 1912. (Зап. / ИРГО. Отд-ние статистики. Зап. Т. 11, вып. 1).
11. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Иркутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – СПб., 1912. (Зап. / ИРГО. Отд-ние статистики. Зап. Т. 11, вып. 3).
12. Петри Б.Э. Этнографическое исследование среди малых народов Восточных Саян (предварительные данные) // Сб. тр. Иркут. гос. ун-та. – Иркутск, 1927. – Вып. 12. – С. 217–235.
13. Рассадин В.И. К сравнительному изучению анималистической лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. – Новосибирск, 1981. – С. 97–119.
14. Цыдендамбаев Ц. Б. Заметки об этнических и языковых контактах бурят и эвенков // Языки и фольклор народов Севера. – Новосибирск, 1981. – С. 70–91.
15. Чимитдоржиев Ш.Б. Бурят-монголы: история и современность. – Улан-Удэ: Республ. типогр., 2000. – 128 с.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.3

*В. М. Вихров**

Председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев и организация обороны Петрограда (1918–1919 гг.)

В статье описывается роль председателя Петросовета Г.Е. Зиновьева в обороне Петрограда в 1918–1919 гг. Объясняется значение петроградских событий указанного периода в формировании симпатий и антипатий между главными участниками внутрипартийной борьбы 1920-х гг. Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым и И.В. Сталиным, оказавших определенное влияние на ее исход.

The article describes the role of Petrosovet's Chairperson G.E. Zinoviev in the defence of Petrograd in 1918–1919. It explains the value of the events in Petrograd during the period mentioned in the formation of likes and dislikes among the main participants of the struggle within the Party as they had influenced its result in a definite way.

Ключевые слова: Зиновьев Г.Е., Юденич Н.Н, Троцкий Л.Д., Сталин И.В., оборона Петрограда, Гражданская война, внутрипартийная борьба.

Key words: Zinoviev G.E., Udenich N.N., Trotsky L.D., Stalin I.V, the defence of Petrograd, Civil War, struggle within the Party,

В годы Гражданской войны Петроград несколько раз оказывался в эпицентре военных действий: в феврале 1918 г., весной 1919 г. и осенью 1919 г. Во многом от исхода боев за «колыбель революции» зависел и исход всей Гражданской войны. Все это время главой Петрограда был Г.Е. Зиновьев.

После срыва переговоров в Брест-Литовске в феврале 1918 г. Петроград оказался под угрозой. С целью организации его защиты 21 февраля 1918 г. был образован Комитет революционной обороны Петрограда. Одним из членов его бюро стал и Г.Е. Зиновьев.

Участие председателя Петросовета в непосредственной работе Комитета революционной обороны Петрограда было незначительным. Из более чем тысячи документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГАСПб) и посвященных его деятельности, удалось найти лишь несколько, адресованных Г.Е. Зиновьеву или подписанных им [26. Л. 53, 65; 27. Л. 157,

* **Вихров Вячеслав Михайлович**, соискатель кафедры Русской истории, РГПУ имени А.И. Герцена.

182; 28. Л. 18, 28; 29. Л. 1–3; 30. Л. 1, 13; 31. Л. 2–3, 25, 34; 32. Л. 115; 33. Л. 6, 12, 13].

В феврале – начале марта 1918 г. Г.Е. Зиновьев решал общеполитические вопросы, в частности, был занят борьбой с левыми коммунистами, выступавшими против подписания унизительного для Советской России мира с Германией. Интересно проследить, как менялось отношение Г.Е. Зиновьева к демаршу Л.Д. Троцкого на переговорах в Брест-Литовске. Как только в Смольном стало известно о сенсационной декларации Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьев подготовил заявление для прессы, в котором говорилось: «Центральным державам на русском фронте не удастся наступать, ибо этого не пожелают трудовые массы». На следующий день 29 января 1918 г. на заседании Петроградского Совета он внес проект резолюции, одобрявшей российскую позицию в Брест-Литовске и призывавшей рабочих Германии, Австрии, Болгарии и Турции помешать империалистическим державам учинить насилие над народами Польши, Литвы и Курляндии [18, с. 237].

Все изменилось после того, как стало ясно – мира с Германией не будет. 18 февраля 1918 г. кайзеровские войска перешли в наступление. В считанные часы были захвачены Двинск и Минск, после чего немцы широким фронтом двинулись к Петрограду. В этой ситуации на пленарном заседании Петроградского Совета в ночь с 21 на 22 февраля 1918 г. Г.Е. Зиновьев призывал собравшихся заключить мир с Германией любой ценой [18, с. 255]. Подобное изменение в настроениях Г.Е. Зиновьева можно объяснить сменой его восприятия событий, происходивших в стране в тот период. Кроме того, он шел за В.И. Лениным.

Между делом Г.Е. Зиновьев не забывал полностью и о Комитете революционной обороны Петрограда. Занимаясь в основном решением глобальных проблем, стоявших перед государством, он уделял некоторое внимание решению частных вопросов. Так, одной из его функций было выделение денежных средств на оборонительные работы. Как правило, суммы были незначительными, и их отчисление не вызывало вопросов. Когда же на проведение окопных работ в конце февраля 1918 г. было решено выделить 150 тыс. руб. – понадобилось прямое участие Г.Е. Зиновьева, для того чтобы кассир, по-видимому, боявшийся подвоха и, как следствие, ответственности, выдал их из кассы [33. Л. 6, 12, 13].

Другим случаем, потребовавшим непосредственного вмешательства Григория Евсеевича, стал вопрос о разрешении выпускать в Петрограде меньшевистскую газету «Новый луч». 2 марта 1918 г. за его подписью в комиссариат печати при Петроградском Совете

было отправлено сообщение, в котором он от лица Комитета революционной обороны Петрограда давал разрешение на ее выпуск [28. Л. 28]. Кроме того, Г.Е. Зиновьева волновал вопрос моральной устойчивости войск. Так, в начале марта 1918 г. на его имя пришло несколько телеграмм с описанием обстановки на нарвском фронте. В одной из них речь шла о нехватке листовок на финском языке, ненадежности солдат 87-й стрелкового полка, неудовлетворительных бытовых условиях, негативно влияющих на моральный дух солдат [29. Л. 1–3]. Г.Е. Зиновьев заботился и о материальном положении военнослужащих, обеспечивавших охрану города. Так, 1 сентября 1918 г. за его подписью вышел приказ, предусматривавший повышение жалования гвардейцам охраны города и снабжение их обмундированием и обувью «по казенным расценкам» [22. Л. 48].

После подписания Брестского мира непосредственная угроза для Петрограда была ликвидирована.

В январе – начале февраля 1919 г. возникла потенциальная опасность наступления белогвардейцев на Петроград. 14 января 1919 г. Петроградский Совет под председательством Г.Е. Зиновьева принял решение об образовании Комитета рабочей обороны Северной области [17, с. 50], председателем которого стал Григорий Евсеевич. Ожидая наступления врага, комитет предпринимал попытки ускорить подготовку города к обороне [34. Л. 13]. Кроме того, при участии Г.Е. Зиновьева осуществлялась мобилизация сил в целях укрепления 7-й армии [34. Л. 9–10].

Два месяца спустя Петроград оказался под угрозой взятия. Г.Е. Зиновьев стремился воодушевить население города на его защиту [11, с. 1; 12, с. 1]. Одновременно с этим он старался привлечь внимание «центра» к проблемам города. Думается, в том числе и с этой целью, он отдал приказ об эвакуации крупнейших заводов Петрограда и сосредоточении боевых кораблей Балтийского флота в Морском канале для их затопления и заграждения морских подступов к городу [9, с. 183; 10, с. 97]. Реакция «центра» последовала незамедлительно. 17 мая 1919 г., дабы предотвратить своеволие Г.Е. Зиновьева, в Петроград был направлен в качестве уполномоченного Совета Обороны И.В. Сталин. А 22 мая 1919 г. в «Правде» было опубликовано воззвание ЦК РКП(б), адресованное ко всей стране: «Красный Петроград находится под серьезной угрозой ... Теперь вся Советская Россия должна прийти на помощь Петрограду» [16, с. 1].

В советской историографии действия Г.Е. Зиновьева на посту председателя Комитета рабочей обороны однозначно интерпретировались как «паникерские» или «предательские», а успехи, достиг-

нутые белогвардейцами, объяснялись ошибками, допущенными командованием 7-й армии и Комитетом обороны, возглавляемым Г.Е. Зиновьевым [3, с. 23–24; 4, с. 26; 9, с. 183].

Как было показано, подобная оценка роли Г.Е. Зиновьева в событиях мая 1919 г. неверна. Он еще за два месяца до наступления белогвардейцев на Петроград, предвидя эту возможность, начал предпринимать меры к его обороне. «Паникерские» же настроения председателя Петросовета в критических ситуациях отчасти объясняются тем, что многие распоряжения Совета Обороны и ЦК не исполнялись или исполнялись несвоевременно. Подобные заявления призваны были вызвать тревогу у центрального руководства. Намеренно усугубляя опасность, Г.Е. Зиновьев заставлял «центр» торопиться с оказанием помощи Петрограду. (Думается, в то время за Г.Е. Зиновьевым в «Москве» и закрепилась репутация «слабого» военного руководителя). Кроме того, даже В.И. Ленин в той ситуации не был уверен, что Петроград удастся отстоять. Он требовал от Реввоенсовета Западного фронта немедленно создать специальную комиссию, которая бы, не проводя общей эвакуации, руководила планомерным вывозом из Петрограда и Петроградского района самого необходимого имущества [9, с. 184].

Во многих публикациях проявлением «паникерства» и «растерянности» Г.Е. Зиновьева объявляется его неверие в возможность отстоять Петроград без привлечения дополнительных ресурсов и без проведения «огульных мобилизаций» [2, с. 152–153]. Действительно, Г.Е. Зиновьев был серьезно обеспокоен. Он неоднократно обращался к жителям Петрограда и прилегающих к нему губерний с призывами о помощи. Например, 29 мая 1919 г. со страниц «Петроградской правды» Г.Е. Зиновьев призывал советских и партийных работников организаций Петроградской, Новгородской, Тверской, Олонецкой, Северо-Двинской, Вологодской, Череповецкой и Витебской губерний: «Товарищи! – заявлял Г.Е.Зиновьев – торопитесь. Дорог каждый час. Отложите в сторону другие работы. Надо спасти Петроград, во что бы то ни стало» [13, с. 1].

Думается, подобные воззвания свидетельствует не о паникерстве, а об ответственности и вполне обоснованном беспокойстве Г.Е. Зиновьева создавшимся положением. В своем обращении от 29 мая он ссылаясь на воззвание ЦК РКП(б) от 22 мая 1919 г., которое в течение недели не дало реальных результатов. Совет Обороны недооценивал опасность, грозящую Петрограду. Например, в начале июня 1919 г. зам. председателя РВС Республики Э.М. Склянский задержал продвижение дополнительных полков к Петрограду, считая, что положение города стабилизировалось. В

ответ 10 июня 1919 г. В.И. Ленин писал ему: «1) Обязательно сейчас же назначить ... расследование, кто Вас ввел в заблуждение, уменьшая бедствие. Это ведь измена... Ведь действительно, Вы ... оказались виновны в проволочке!!» [7, с. 344].

После приезда И.В. Сталина в город значительная часть полномочий по его обороне перешла к нему. Г.Е. Зиновьев, если и не был фактически отстранен от руководства обороной Петрограда, то его полномочия были заметно сокращены. С конца мая 1919 г. большая часть телеграмм, направленных В.И. Лениным в Петроград, адресовалась либо непосредственно И.В. Сталину, либо Г.Е. Зиновьеву с пометкой «для Сталина». Всего с 20 мая по 30 июня 1919 г. в связи с событиями в Петрограде В.И. Лениным было послано 13 телеграмм. Из них семь были адресованы непосредственно И.В. Сталину (копия только одной из них должна была быть послана Г.Е. Зиновьеву); шесть были отправлены в Петроград с пометкой «Зиновьеву для Сталина», и лишь одно сообщение В.И. Ленина адресовалось лично Г.Е. Зиновьеву [7, с. 317, 325, 331, 334–335, 338, 339, 340, 347–348, 351, 358].

Однако говорить о том, что председатель Петросовета все это время «лежал на диване» [21, с. 158], нельзя. Прежде всего, он был в курсе всех основных событий. В период боев под Петроградом командующие частями и подразделениями Красной армии систематически докладывали председателю Петросовета о происходящем на фронтах. 24 мая 1919 г. П.А. Залуцкий докладывал Г.Е. Зиновьеву из Пскова о предательстве начдива Рита, оторванности частей 7-й армии и Эстонской Красной армии от штабов, об отсутствии руководства [5, с. 116–117]. 10 июня 1919 г. Г.Е. Зиновьеву и И.В. Сталину был направлен доклад военного комиссара штаба Бронеотдела Западного фронта Г. Зенкова о происходящих на вверенном ему участке событиях [23. Л. 1]. Другое дело, что видимо функция Зиновьева, как и весной 1918 г., сводилась в основном к пропагандистско-идеологической работе. Он неоднократно обращался к войскам, обороняющим Петроград. Например, в 7-й армии была распространена листовка, подписанная сначала Г.Е. Зиновьевым и лишь затем И.В. Сталиным [24. Л. 52]. Вероятно, И.В. Сталина, предпочитавшего сосредоточить в своих руках реальную власть, подобные мелочи не заботили.

Однако Г.Е. Зиновьев не обижался, и между ним и И.В. Сталиным уже тогда начал складываться тандем. Так, когда до «центра» стали доходили слухи о разложении войск, обороняющих Петроград, виной чему якобы был Г.Е. Зиновьев [7, с. 331], И.В. Сталин эти слухи опроверг [7, с. 334]. Единодушие проявили они и в отстаивании

вании интересов Петрограда. Например, будущие политические союзники по антитроцкистской коалиции всеми силами пытались не допустить перевода С.П. Нацаренуса, считавшегося ценным работником, из Петрограда на Украину. Однако потерпели в этом неудачу [7, с. 335, 339, 490].

В мае – июне 1919 г. Г.Е. Зиновьева и И.В. Сталина сплотила также совместная работа по обеспечению 7-й армии необходимыми для ведения военных действий ресурсами в ущерб другим армиям Западного фронта, что вызвало критику в их адрес со стороны члена РВС Западного фронта А.И. Окулова. И.В. Сталин потребовал от В.И. Ленина отозвать А.И.Окулова. Однако В.И. Ленин на первых порах встал на сторону последнего [7, с. 489, 335, 338]. Конфликт между А.И. Окуловым, с одной стороны, и Г.Е. Зиновьевым и И.В. Сталиным – с другой, разрастался, и В.И. Ленин вынужден был его отозвать [7, с. 338]. Тандем «Зиновьев – Сталин» одержал победу!

К середине июня непосредственная военная угроза Петрограду временно была снята. Однако в конце сентября – начале октября 1919 г. Петроград вновь оказался под угрозой.

28 сентября 1919 г. войска Юденича перешли в наступление на псковском, струги-бельском и лужском направлениях. Военный комиссар 10-й стрелковой дивизии И.И. Лепсе по прямому проводу докладывал Г.Е. Зиновьеву о критическом положении на фронте [25. Л. 1]. Однако председатель Петросовета не в полной мере осознавал опасность, нависшую над Петроградом. Так, за шесть дней до падения Красного села проходило очередное заседание Петросовета. Его повестка дня свидетельствует о полном непонимании военной ситуации: 1) план обсеменения полей в окрестностях Петрограда; 2) Южный фронт; 3) Революционный музей. Причем наибольшее внимание было уделено проблеме «обсеменения полей» и созданию Революционного музея. [20, с. 354–384].

Между тем в первой декаде октября в результате ожесточенных боев фронт 10-й и 19-й дивизий 7-й армии был прорван, перерезано железнодорожное сообщение между Петроградом и Псковом. Штаб 7-й армии потерял связь с левофланговыми дивизиями. Командование 7-й армии решило, что противник преследует лишь ограниченную цель – захват Пскова. Для его обороны на левый фланг стали перебрасывать войска с ямбургского направления. В этом и состоял расчет Н.Н. Юденича: вспомогательный удар отвлек силы 7-й армии с главного направления. 10 октября белогвардейцы при поддержке английских танков нанесли главный удар, прорвав фронт 7-й армии в направлении Ямбург-Гатчина-Петроград. Ямбург, Красное Село, Гатчина были захвачены белыми. На отдельных участках их пере-

довые части подошли к Петрограду на расстояние орудийного выстрела [6, с. 305–306].

В.И. Ленин, поглощенный наступлением А.А. Деникина, не придал должного значения Петроградскому фронту. 14 октября 1919 г. он отправил телеграмму Исполкому Петросовета: «Ясно, что наступление белых – маневр, чтобы отвлечь наш натиск на Юге. Отбейте врага ... Надо успеть их прогнать, чтобы вы могли опять оказывать свою помощь Югу» [8, с. 56].

Г.Е. Зиновьев, напротив, ссылаясь на многократный перевес сил противника, требовал от центра подкрепления [21, с. 154]. Параллельно, призывая население города к спокойствию, председатель Петросовета подчеркивал, что Петроград отдал все силы другим фронтам Гражданской войны и теперь сам нуждается в помощи республики [14, с. 1]. В этой ситуации, вновь не доверяя Г.Е. Зиновьеву как военному руководителю, «центр» направил в Петроград председателя РВС Республики Л.Д. Троцкого.

Одновременно с описываемыми событиями в середине октября 1919 г. был разработан план, наделавший много шума в высших эшелонах власти – впустить неприятеля в город и там уничтожить. Имел ли Л.Д. Троцкий какое-либо отношение к его разработке, действительно установить не удалось. Найденные исследователем источники не дают однозначного ответа на этот вопрос. В советской историографии его авторство приписывалось Г.Е. Зиновьеву и Л.Д. Троцкому [6, с. 323]. Однако последний в своих воспоминаниях утверждал, что мысль сдачи Петрограда с подачи Г.Е. Зиновьева принадлежала В.И. Ленину; а сам он – Л.Д. Троцкий – напротив всегда настаивал на его обороне всеми силами [21, с. 154]. Вместе с тем неоспоримым является факт – именно Г.Е. Зиновьев со страниц «Петроградской правды» выступал с идеей впустить в город неприятеля и там его истребить огнем батарей Кронштадта [15, с. 1]. Какую цель преследовал глава Петрограда, предлагая разрушить (в прямом смысле этого слова) свою «вотчину»? Попытаемся ответить на этот вопрос.

В итоге все эти планы сдачи Петрограда Юденичу были отвергнуты. На помощь городу были выделены значительные силы. Войска Юденича были разгромлены. Как видим, на все «паникерские» действия Г.Е. Зиновьева «центр» реагировал традиционно: посылал подкрепление. Можно предположить, что, как и во время первого наступления Юденича, Г.Е. Зиновьев решил своеобразно привлечь внимание центра к городу – выдвинул абсурдный план его обороны (затопление флота, сдача города). Косвенным подтверждением этому может служить следующий факт. В декабре 1919 г. у Г.Е. Зиновьева вновь сложилось впечатление, что белые готовят очередное наступление на Петроград. Не мешкая, он направил телеграмму

в Политбюро с просьбой прислать подкрепление. Однако вместо него на заседании Политбюро 20 декабря 1919 г. в странной формулировке было принято решение: вместо войск послать в Петроград Л.Д. Троцкого, чтобы он на месте выяснил, действительно ли это необходимо («дабы без нужды не занимать транспорта, остро необходимые... для продовольственных перевозок») [19. Л. 1]. Думается, вынося подобное решение, члены Политбюро давали понять Г.Е. Зиновьеву, что после событий октября 1919 г. больше не воспринимают его заявления об угрозе Петрограду всерьез, и, зная об его отношениях с Л.Д. Троцким, пытались заставить председателя Петросовета не вносить лишнюю сумятицу в работу Политбюро. На этот раз они оказались правы. Судя по всему, в Петроград Л.Д. Троцкий все же ездил. Упоминаний об этом нет ни в воспоминаниях современников, ни в воспоминаниях самого Льва Давыдовича. Не удалось найти упоминаний об этом и в научной литературе, посвященной изучению Гражданской войны.

Армия Юденича была разгромлена, Л.Д. Троцкий вернулся в Москву. Его визит в Петроград имел далеко идущие последствия. Согласно утверждению Бориса Бажанова именно после этого события, когда Л.Д. Троцкий с презрением третировал Г.Е. Зиновьева (в своих воспоминаниях Л.Д. Троцкий писал: «В Петрограде я застал жесточайшую растерянность. Все ползло. Войска откатывались, рассыпаясь на части. Командный состав глядел на коммунистов, коммунисты на Зиновьева. Центром растерянности был Зиновьев» [21, с. 158]) за неспособность руководить вверенным ему регионом, они стали врагами [1, с. 33].

Подводя итог деятельности Г.Е. Зиновьева на военном поприще в 1918–1919 г., можно отметить, что и весной 1918 г. во время обороны города от немцев, и весной 1919 г., и осенью 1919 г. непосредственно обороной города Г.Е. Зиновьев не руководил, хотя и был в курсе происходящих событий. Тем не менее он осуществлял общий политический контроль, выступал с воззваниями к населению города, систематически обращая внимание центра на проблемы, стоявшие перед ним. Думается, смысл деятельности главы Петрограда на этом направлении заключался в привлечении внимания большевистской элиты к опасности падения важного бастиона революции.

Можно предположить, что события весны – осени 1919 г. имели далеко идущие последствия. В мае 1919 г. между Г.Е. Зиновьевым и прибывшим в Петроград И.В. Сталиным начинает складываться альянс. И, напротив, отношения между главой Петрограда и Л.Д. Троцким, руководившим обороной города осенью 1919 г., не сложились. Подобный расклад оказал влияние на исход внутривнутрипартийной борьбы в 1920-е годы.

Список литературы

1. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина; Кривицкий В. Я был секретарем Сталина. – М., 1997.
2. История Гражданской войны в СССР. – Т. 4. – М., 1958.
3. Караев Г.Н. Борьба за Красный Петроград. – М., 1938.
4. Караев Г.Н. В боях за Петроград. Разгром Юденича в 1919 году. – М., 1951.
5. Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. 1919. – Л., 1929.
6. Краткая история Гражданской войны в СССР. – М., 1962.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. – Т. 50. – М., 1970.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. – Т. 51. – М., 1970.
9. Очерки истории Ленинграда. – Т. IV. – М.Л., 1964.
10. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. II. – Л., 1968.
11. Петроградская правда. – 1919. – 7 мая.
12. Петроградская правда. – 1919. – 9 мая.
13. Петроградская правда. – 1919. – 29 мая.
14. Петроградская правда. – 1919. – 19 окт.
15. Петроградская правда. – 1919. – 26 окт.
16. Правда. – 1919. – 22 мая.
17. Пухов А.С. Как вооружался Петроград (Строительство Красной армии в Петроградском военном округе в 1918–1919 годах). – М., 1933.
18. Рабинович А. Большевики у власти. – М., 2008.
19. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.49.
20. Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов созыва второй половины 1919 г. Заседания № 1–14 от 11 июля 1919 г. – 20 дек. 1919 г. – Пг., 1919.
21. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. – Т. 2. – М., 1990.
22. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПБ) Ф. 73. Оп.1. Д.68.
23. ЦГАСПБ Ф. 485. Оп.1. Д.36.
24. ЦГАСПБ Ф. 485. Оп.1. Д.48.
25. ЦГАСПБ Ф. 1000. Оп.39. Д.285.
26. ЦГАСПБ. Ф.2421. Оп.1. Д.1.
27. ЦГАСПБ. Ф.2421. Оп.1. Д.2.
28. ЦГАСПБ. Ф.2421. Оп.1. Д.4.
29. ЦГАСПБ. Ф.2421. Оп.1. Д.6.
30. ЦГАСПБ. Ф.2421. Оп.1. Д.7.
31. ЦГАСПБ. Ф.2421. Оп.1. Д.11.
32. ЦГАСПБ. Ф.2421. Оп.1. Д.13.
33. ЦГАСПБ Ф. 2421. Оп.1. Д.15.
34. ЦГАСПБ Ф. 6065. Оп.1. Д.1.

УДК 94(47).072

*В. С. Белых**

Русское масонство в период царствования Александра I

В статье рассказывается о развитии масонского движения в Российской империи в первой четверти XIX века. Дается характеристика различных масонских лож, показывается влияние масонов на различные слои русского дворянства.

Article tells about development of Masonic movement in the Russian empire in the first quarter of a 19th century. Author gives the characteristic of various Masonic lodges and shows the influence of masons on various layers of Russian nobility.

Ключевые слова: масоны, ложа, император, девиз, братство, «вольный каменщик».

Key words: masons, lodge, the emperor, the motto, a brotherhood, «the free mason».

В раннее царствование императора Александра I русское масонство преследовало одну заветную цель – вернуть былое величие своему движению, особенно после закрытия масонских лож в период правления Павла Петровича. Вопрос о принадлежности Павла I к Братству вольных каменщиков не прост, как может показаться на первый взгляд. На этот счет существует несколько версий. Одна из них – цесаревич Павел Петрович был принят в масоны сенатором И.П. Елагиним в собственном его доме, в присутствии графа Панина. По мнению Е. Шумигорского, эта версия считается наиболее вероятной потому, что если такое вступление действительно состоялось, то должно было произойти втайне и не за границей, а именно в России, среди русских людей, чем устранялось всякое толкование об иностранных влияниях [9, с. 141–142]. Помимо этой, существует версия, что император Всероссийский Павел I был возведен в ранг Великого магистра Державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского. По другому предположению, Павел I еще великим князем был посвящен в масоны во время своей заграничной поездки в 1776 г. [3, с. 49].

* **Белых Владимир Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права, Уральская государственная юридическая академия.

В 1798 г. Павел принял титул магистра католического полумасонского ордена Мальтийских рыцарей. Это отдалило императора от русских масонов [5, с. 225]. Существуют иностранные свидетельства о том, что якобы в 1797 или в 1799 г. Павел I запретил масонские ложи. Ряд исследователей связывают это с увлечением императора Мальтийским орденом. Отсюда попытки некоторых авторов считать убийство Павла I результатом масонского заговора, подчеркивая причастность ордена каменщиков к гибели императора Павла I. Но эта версия, по утверждению Е. Шумигорского, не соответствует действительности. Он пишет: «...в огромной литературе о смерти Павла I нет ни малейшего следа на участие в этом деле масонского ордена. Истина заключается разве в том, что среди недовольных правлением Павла были лица, принадлежавшие ранее к масонским ложам, но, повторяя слова Карамзина, мы спросим, кто же в России оплакивал смерть императора Павла?» [9, с. 152].

Предлагаемый читателю небольшой исторический ракурс в эпоху правлению Павла I неслучаен. Известно, что, вступив в 1801 г. на престол, Александр, в данном вопросе, продолжил линию своего отца, и подтвердил ранее существовавший запрет на проведение масонских собраний в 1802 г. Тем не менее, император не преследовал членов масонских лож и фактически не чинил каких-либо препятствий при создании и организации деятельности орденов свободных каменщиков. В результате, уже с 1803 г. число масонских лож стало расти с огромной быстротой [12, с. 16–17]. Так, в 1803 г. под председательством сенатора П.И. Голенищева-Кутузова (родной брат фельдмаршала М.И. Кутузова) в Москве открылась тайная ложа «Нептун». Состав ложи был не многочисленным, но ее члены принадлежали к родовитому московскому дворянству, подмосковным помещикам. В их числе были и профессора университетов, и молодые офицеры. Деятельность ложи отличалась железной дисциплиной ее членов, простотой обрядов и фанатизмом. Идейным направлением ложи стало розенкрейцерство.

Несколько раньше, в 1802 г. действительный камергер А.А. Жеребцов открыл в Петербурге ложу под названием «Соединенные друзья», которая работала по французской системе, что было новым явлением в русском масонстве. Членами этой ложи были: великий князь Константин Павлович, граф Станислав Костка-Потоцкий (впоследствии министр исповеданий и народного просвещения в Царстве Польском), граф Александр Остерман-Толстой, генерал-майор Николай Михайлович Бороздин, граф Иван Александрович Нарышкин, Александр Христофорович Бенкендорф (шеф жандармов при императоре Николае I), Александр Дмитриевич Балашов

(министр полиции во времена правления императора Александра I). Среди посетителей, почетных членов ложи исследователи называют известного реформатора масонства Игнатия Аврелия Фесслера; он был приглашен М.М. Сперанским в 1809 г. для преподавания еврейского языка в Санкт-Петербургскую Духовную академию [2, с. 50]. Задачами ложи было «стереть между людьми различия рас, сословий, верований, воззрений, истребить фанатизм, суеверие, уничтожить национальную ненависть, войну, объединить все человечество узами любви и знания» [7, с. 81]. Символическим знаком ложи «Соединенные друзья» был масонский треугольник с изображением внутри него рук, соединенных в рукопожатии. У ложи был и свой девиз: «Солнце, наука, разум». Французские ложи олицетворяли собой либеральное направление в русском масонстве, хотя сколько-нибудь серьезной работы не вели [5, с. 232–233].

И, наконец, третьим идейным направлением русского масонства были философские взгляды шведской системы. Первым шагом на пути возрождения шведских лож в России стало открытие 11 октября 1805 г. в Санкт-Петербурге ложи «Александра благотворительности к коронованному пеликану» [5, с. 236]. Ложу возглавил Иван Васильевич Бебер, масон «осмотрительный, благоразумный и великодушный», директор второго Кадетского корпуса. Тем самым состоялось возрождение екатерининской ложи «Пеликан», правда, под видоизмененным названием.

На страницах работ, посвященных русскому масонству, можно встретить рассказ об аудиенции масона Бебера у императора. Подробно эта встреча описана Т.О. Соколовской, одним из авторитетных авторов многочисленных публикаций о русском масонстве. Во время встречи с царем И.В. Бебер изложил цели и обычаи масонства, подчеркнув при этом, что вольные каменщики не представляют какую-либо угрозу для государства и общественного порядка. Он просил государя отменить запрещение масонских собраний и легализовать их деятельность. На что Александр I не только обещал выполнить его просьбу, но и будто бы произнес еще следующие слова: «То, что вы говорите мне о масонстве, обязывает меня не только оказать ему покровительство, но и просить принять меня в число франк-масонов. Почитаете ли вы это возможным?». Осмотрительный И.В. Бебер ответил: «Государь, я не имею права сам дать ответ Вашему Величеству, я соберу масонов Вашей столицы, объявлю им о Вашем желании и убежден, что они исполнят его». [9, с. 167; 3, с. 77–78]. Вместе с тем, В.И. Семевский считает сомнительной версию о принадлежности Александра I к шведскому масонству [13, с. 16].

В 1809 г. ложа «Александра благотворительности к коронованному пеликану» настолько разрослась, что из нее выделилась ложа «Елизавета к Добродетели» во главе с масоном екатерининского времени Александром Сергеевичем Сергеевым. Кстати, знаком ложи была утверждена пятиконечная золотая звезда с прописной буквой «Е» в центре между развернутым циркулем и наугольником. Девизом ложи стало изречение: «Размеряй действия твои циркулем разума, располагай поступки по углу совести» [9, с. 163]. В 1809 г. возобновил свои работы и «Капитул Феникса» для лож шведского обряда (И.В. Бебер, В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, С.П. Фонвизин и др.) [5, с. 237].

22 мая 1810 г. от ложи «Александра благотворительности к коронованному пеликану» откололась еще одна ложа – «Петра к Правде». Ее возглавил известный медик Егор Егорович Эллизен (так на русский манер называли Иоганна-Георга Эллизена). Появление ложи Петра опять-таки связано с продолжающимся расколом в рядах русского масонства. Адептами ложи «Петра к Правде» были преимущественно представители петербургской немецкой интеллигенции – инженеры, медики, чиновники, хотя в составе ложи были и торговцы, и ремесленники, и вообще лица разного социального происхождения.

Все три названных ложи действовали по принципам и обрядам шведской системы, под одним уставом и в одном помещении; даже денежная касса у них была общая. Для общего управления ими в 1810 г. была образована Великая Директориальная Ложа «Владимира к порядку», а ее гроссмейстером был избран И.В. Бебер.

Вместе с тем, создание этой ложи не исключило проявлений среди членов масонских лож разногласий. Попытки И.В. Бебера остановить раскольнические настроения в рядах вольных каменщиков, сплотить братство под единым знаменем не привели к реальному успеху. Любопытно отметить, что в своем стремлении остановить «масонскую ересь» И.В. Бебер (равно как и другие руководители масонских лож) нередко апеллировали к высшим должностным лицам российского государства (например, министру просвещения). Более того, И.В. Бебер был готов учредить новую Великую управляющую ложу с высшими степенями, которая стала бы работать под непосредственным контролем правительства, а другие братья шведской системы оказались бы вне ее сферы [2, с. 54].

Ответ со стороны Е.Е. Элизена не заставил долго ждать. Члены масонского братства, поддерживавшие его взгляды на построение лож и принципы их деятельности, также объединились и организо-

вали уже свою Великую управляющую ложу под названием «Астрея» (богиня законности и золотого века). Иначе говоря, раскол в масонском движении шведской системы из de facto получил легальное оформление.

Среди исследователей русского масонства нет единства взглядов о причастности императора Александра I к союзу вольных каменщиков. Некоторые из них весьма категорично утверждают, что государь вскоре после известной встречи с масоном И.В. Бебером был посвящен в вольные каменщики. По мнению других исследователей, император был принят в масонский орден в 1808 г. в Эрфурте. Кто-то из авторов указывает на возможность такого принятия в 1812 г. в Петербурге. Имеет право на существование и версия о посвящении императора в масоны в 1818 г. в Париже [3, с. 77–78].

На общем фоне мнений и рассуждений о принадлежности главы государства к масонскому ордену обращает мнение тот факт, что никто из авторов существующих на этот счет версий не привел каких-либо достоверных сведений. Действительно, многие исследователи не без оснований ссылаются в подтверждение своих доводов и предположений на косвенные обстоятельства, которые с большой долей условности могут свидетельствовать о посвящении императора Александра I в масоны. Примером таких обстоятельств служит множество речей, произносившихся масонами в торжественных случаях, в которых император осыпался всевозможными почестями и воспевался как «кроткий ангел мира». Для большей наглядности приведу речь князя М.П. Баратаева: «Ныне, когда феникс масоничества под благотворным скиптродержанием благословеннейшего из монархов получил новое бытие свое, мы видим ежедневно наш Восток озаряющимся новым блеском славы и добродетелей первейших мужей в государстве, приступивших к нашим братским работам» [9, с. 153].

Мощным стимулом в развитии масонского движения стала Отечественная война 1812 г. Особое место среди героев Отечественной войны принадлежит князю Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову. По утверждению исследователей русского масонства, первое прикосновение Кутузова к таинствам вольнокаменщического ордена произошло в 1779 г. в Регенсбурге, в ложе «К трем ключам». По словам соискателя, он пришел искать в лоне ордена «сил для борьбы со страстями и ключа от тайн бытия».

Имеются доказательства того, что путешествуя по Европе, он был принят в ложах Франкфурта и Берлина. На основании некоторых косвенных указаний было высказано предположение, что Кутузов был членом шотландской ложи «Сфинкс» [3, с. 37–38].

С течением времени князь Кутузов был принят в масонское братство Петербурга и Москвы. Причем он был допущен «в тайны высоких степеней масонства». Так, при посвящении в 7-ю степень шведского масонства, Кутузов получил орденское (конспиративное) имя «Зеленеющий лавр» и девиз «Победами себя прославить» [9, с. 195]. И орденское имя, и девиз, по словам Т.О. Соколовской, оказались пророческими.

Симптоматично отметить, что прославленный генералиссимус Александр Васильевич Суворов также принадлежал к Братству свободных каменщиков. Так, он был возведен в третью степень масонства – мастера – в Петербурге в ложе «Три звезды» [3, с. 11–14].

Генералиссимус А.В.Суворов и фельдмаршал М.И. Кутузов вне всяких сомнений открывают собой ряд знаменитых русских деятелей-масонов.

Война 1812 г. привела к заметной активизации в деятельности масонского движения России. Стали возникать так называемые «военно-походные ложи», в ряды которых вступали молодые офицеры, будущие декабристы.

История становления тайных обществ декабристов тесно связана с масонскими ложами. Известно, что часть декабристов принадлежали к масонскому братству. Из 121 человека, преданного Верховному уголовному суду, в масонских ложах состояло по крайней мере 23. Хотя исследователи масонства, говоря о том, сколько же масонов было среди декабристов, приводят значительно более крупные цифры (от 50 до 120 чел.) [5, с. 288].

Профессор В.И. Старцев дал характеристику обстоятельств появления в ложах будущих декабристов. Павел Иванович Пестель вступил в масонскую ложу «Соединенные друзья» в 1812 г., а в 1816 г. он перешел в ложу «Трех добродетелей». Декабрист, князь Сергей Петрович Трубецкой был посвящен в таинства ордена масонства (ложа «Трех добродетелей») 25 января 1816 г. и через несколько лет уже имел четвертую степень посвящения. Князь Сергей Григорьевич Волконский стал членом ложи «Соединенные друзья» еще в 1812 г. Затем он участвовал в работе лож «Сфинкс», «Александра» (где получил степень «шотландского мастера»). В 1815 г. С.Г. Волконский стал одним из учредителей ложи «Трех добродетелей». Он был также «почетным» членом ложи «Соединенных славян» [7, с. 85–86].

Александр Николаевич Муравьев, полковник Генерального штаба, впоследствии генерал-лейтенант, был членом ложи «Елизаветы к добродетели», а затем занимал высокие посты в ложе «Трех добродетелей». Известен его рассказ своим братьям о посещении

последней ложи императором Александром I в 1818 г. При встрече с царем А.Н. Муравьев обратился к нему по масонскому обычаю на «ты», что произвело на Александра неблагоприятное впечатление [3, с. 78–79]. Как отмечает В.С. Брачев, этот случай показывает, что принадлежность к ордену еще не давала повода для «братских отношений» между ним и масонами [5, с. 228].

Членами ложи «Трех добродетелей» были Сергей Иванович Муравьев-Апостол, подполковник Черниговского пехотного полка, один из активных участников декабрьского восстания, а также его брат, Матвей Иванович.

Среди членов ложи «Соединенные друзья» встречаются имена П.Я. Чаадаева, А.С. Грибоедова; в ложе «Пламенеющие звезды» – К.Ф. Рылеева; в ложе «Избранного Михаила» – братьев Кюхельбекеров, А.А. Дельвинга, Г.С. Батенькова и др. [6, с. 7–8].

В числе масонов фигурирует и имя Александра Сергеевича Пушкина. 4 мая 1821 г. он был принят в ложу «Овидий», о чем свидетельствует его запись в кишиневском дневнике. Ложа была названа в честь Публия Овидия, древнеримского поэта, который был сослан на берег Черного моря. Главой ложи был лицейский друг поэта И.И. Пущин, «мой первый друг, мой друг бесценный». Среди сочленов ложи историки называют генерал-майора Сергея Алексеевича Тучкова, Николая Степановича Алексеева, Якова Ивановича Бароцци, Михаила Георгиевича Суццо, Владимира Федосеевича Раевского и др. [3, с. 89–93]. Ложа «Овидий» просуществовала недолго после ее открытия в октябре 1821 г. Уже в декабре последовал запрет на ее деятельность.

26 декабря 1821 г. великий русский поэт написал стихотворение «К Овидию». Он считал его лучшим своим произведением в то время и предпочитал «Наполеону» [1, с. 102].

Как видно, тема, посвященная декабристам-масонам, является предметом особого исследования. В этом плане большой интерес представляют записки декабристов Н.В. Басаргина, С.Г. Волконского, П.А. Муханова, А.В. Поджио, а также другие материалы, подготовленные к печати редакционной коллегией серии «Полярная звезда» [4; 10; 11]. Пристального внимания заслуживает вопрос о тех трансформациях, которые произошли в социально-политических и философских взглядах декабристов-масонов.

Прежде всего, надо согласиться с тем мнением, что нельзя ставить знак равенства между масонскими ложами и тайными обществами декабристов, столь различными по духу и стремлениям.

Истинное масонство не стремилось к политическим действиям; его интересовали, главным образом, духовные искания (поиск истины и света). В свою очередь, члены тайных обществ были радикально настроены на осуществление политической борьбы путем реформ государственного строя России. Во-вторых, далеко не все декабристы разделяли взгляды на необходимость участия в масонских орденах и использования в деятельности тайных обществ ритуалов и обычаев вольных каменщиков. В литературе приводится высказывание декабриста И.Д. Якушкина о его нежелании приносить масонские ритуалы в тайные общества. Вот что он писал в своих записках: «Они (то есть вольные каменщики, бывшие одновременно и членами тайного общества) привыкли в ложах разыгрывать бессмыслицу, нисколько этим не смущаясь, и им желалось некоторый порядок масонских лож ввести в Союз благоденствия» [15, с. 31]. Правда, были и такие декабристы (например, А.Н. Муравьев), которые, напротив, считали возможным использовать масонские ложи для прикрытия своих политических взглядов и стремлений к государственным реформам.

В.О. Ключевский, говоря о тайных обществах, отмечает следующее: «При Александре тайные общества составлялись так же легко, как теперь акционерные компании, и даже революционного в них было не больше, как в последних. Члены тайного общества собирались на секретные заседания, но сами были всем известны и, прежде всего, полиции. Само правительство предполагало возможным не только для гражданина, но и для чиновника принадлежать к тайному обществу и не видело в этом ничего преступного» [8, с. 228]. Такое положение существовало до тех пор, пока император Александр I не запретил действие в России всех масонских лож. 1 августа 1822 г. последовал высочайший рескрипт на имя графа В.П. Кочубея, министра внутренних дел, где было сказано о том, что все тайные общества, под какими бы наименованиями они не существовали, подлежат закрытию и не могут быть впредь учреждены. Безусловно, это был мощный (нокаутирующий) удар по дальнейшему развитию русского масонства.

После поражения декабрьского восстания на Сенатской площади восшедший на престол император Николай I вновь повторил запрещение деятельности масонских лож. Однако дух Братства свободных каменщиков полностью не угас и продолжал гореть по мере возможности и в XX столетии.

Список литературы

1. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина / вступ. ст. Г.М. Фридендера. – М., 1984.
2. Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства // Магазин свободнокаменщический: журн. – Екатеринбург, 1995.
3. Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. – М., 1991.
4. Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / изд., подг. И.В. Порохом. – Иркутск, 1988
5. Брачев В.С. Масоны и власть в России. – М., 2003.
6. Волконский С.Г. Записки / изд., подг. А.З. Тихантовской, Н.Ф. Караш, Н.Б.Капелюш. – Иркутск, 1991.
7. За кулисами видимой власти / предис. В.И. Старцева. – М., 1984.
8. Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. – Т. V. Курс русской истории / под ред. В.Л. Янина. – М., 1989.
9. Масонство в его прошлом и настоящем / под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. – М., 1991.
10. Муханов П. А. Сочинения и письма / изд., подг. Г.В. Чагиным. – Иркутск, 1991.
11. Поджио А.В. Записки, письма / изд., подг. Н.П. Матхановой. – Иркутск, 1989.
12. Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. – 1908. – № 2.
13. Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. – 1908. – № 3.
14. Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). – М., 1999.
15. Якушкин И.Д. Записки. – М., 1926.

С. В. Зайцева*

Узаконение внебрачных детей в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

В статье рассказывается о введении института узаконения в Российской империи в конце XIX – начале XX в., характеризуются основные законодательные акты по данному вопросу, рассматриваются способы и процедура узаконения детей.

The article is devoted to the introduction of the legalization institute in the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries. The author characterizes the basic legislation on the subject, explains the ways and the procedure of legitimation of children, and observes their shortcomings.

Ключевые слова: узаконение, незаконнорожденные дети, законодательство, Российская империя, юридические общества, Сенат, права наследования, фамилия.

Key words: legalization, illegitimate children, the legislation, the Russian Empire, law communities, the Senate, inheritance, family name.

Во второй половине XIX в. институт узаконения в России не существовал в полном объеме. Среди юристов он понимался как введение в состав семьи данных лиц их собственных незаконнорожденных детей с предоставлением последним прав законных детей.

Немногочисленные попытки введения подобного института в России не имели успеха, и лишь в конце XVIII в. появились случаи предоставления прав законных детей рождённым вне брака с Высочайшего соизволения посредством сепаратных указов [6, с. 14]. Милость, оказанная некоторым просителям, вызвала огромное число ходатайств со стороны других лиц, находившихся в том же положении. Ко времени вступления на престол Александра I число ходатайств об узаконении и усыновлении детей оказалось столь значительным, что император в первые же месяцы своего правления обратил на данный вопрос особое внимание. Результатом этого стало высказанное Государственным Советом 13 июня 1801 г. мнение, в котором оговаривалась невозможность выработать в отношении узаконения общие правила во избежание «повода к соблазну и

* **Зайцева Светлана Валентиновна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

пагубного влияния на нравы». Предполагалось разрешать этот вопрос в зависимости от монаршей милости и только «в знак уважения к службе и отличиям просителя», людям же, не имевшим особых заслуг, в просьбе было велено отказывать [4, с. 58].

Со смертью Александра I наступила перемена во взглядах законодательства на целесообразность введения института узаконения детей, рожденных до брака. В начале 1827 г. последовало повеление Николая I приостановить разрешение всеподданнейших прошений об узаконении детей, прижитых до брака, до издания общего закона по этому вопросу [6, с. 20], а 2 января 1829 г. появилось запрещение узаконять и усыновлять незаконнорожденных, что нашло отражение в примечании к ст. 144 Свода законов Российской империи.

Вновь рассмотрение данного вопроса началось в период правления Александра II, и уже в 1858 г. были утверждены Правила о принятии и рассмотрении ходатайств об узаконении детей. Согласно этим Правилам закон 2 января 1829 г. не отменялся, но из него «по особым, достойным уважения обстоятельствам могли быть допускаемы изъятия для детей», родители которых впоследствии вступили в законный брак, при условии наличия особых заслуг просителя и удостоверения в происхождении детей от этих родителей, а не в результате прелюбодеяния [6, с. 28]. Таким образом, узаконение было возможно лишь для некоторых лиц, и их судьба целиком зависела от монаршей милости.

О предоставлении права узаконения всем желающим не могло быть и речи: в качестве главной причины, останавливавшей законодателей в этом вопросе, выделялась «нравственная распущенность и попрание семейных отношений, которые стали бы неизбежным следствием предоставления такого права» [8, с. 14]. Таким образом, отрицание узаконения считалось необходимым средством устрашения и давления на лиц, вступавших в незаконную связь и тем самым обрекавших на бесправное положение своих будущих детей от этой связи. Однако уже современники замечали, что в большинстве случаев подобное утверждение приводило к обратному результату, поскольку угроза закона часто затрагивала не самих участников безнравственного поступка, а третье лицо – ребенка, неповинного в преступлении своих родителей, о возможности рождения которого вступившие в незаконную связь часто не задумывались. Кроме того, отсутствие института узаконения и права на него приводило к раздорам в семье. Например, предоставляя часть наследства незаконнорожденному в ущерб законным детям, родители объясняли это большей возможностью законных детей обеспечить свое существо-

вание, нежели незаконных. Отнятая у родителей возможность узаконить детей, прижитых до брака, приводила и к серьезным нравственным последствиям, ухудшению отношений между родителями и детьми. Незаконные действия родителей являлись причиной разрыва связи с ребенком и примером поведения для ребенка: «...тем именно, что разъединяет семейные связи в самом начале возникающего семейства, ибо родители, скрывая от посторонних детей своих, запрещают им называть себя отцом или матерью. При вступлении в юношеский возраст им открывается тайна их рождения; они теряют уважение к родителям, и от них получают, так сказать, первый пример и урок греха» [6, с. 26].

Все эти вопросы, главным из которых было улучшение положения незаконнорожденных в целом, неоднократно поднимались российской общественностью. В 1870–1880 гг. их обсуждение активно проходило в юридических обществах, члены которых сходились в одном: необходимо кардинальным образом изменить российское законодательство о положении незаконнорожденных детей в обществе в пользу последних. Одним из наиболее значимых улучшений признавалось допущение узаконения (легитимации) незаконных детей.

Мнения по вопросу о характере установления института узаконения в России не были едины. Часть исследователей (Н.П. Ляпидевский [8, с. 11], А. Загоровский [2, с. 391], С. Филатов [5, с. 72]) высказывались за заимствование из европейских кодексов приемлемых для России положений, другие (как например, К.И. Дылевский [6, с. 4]) придерживались варианта создания собственного проекта с учетом особенностей российского государства и русского народа. Основные вопросы, затронутые в обсуждениях на собраниях юридических обществ и на страницах публицистических журналов, касались, прежде всего, способов узаконения, групп детей, на которых следовало распространить узаконение получаемых в результате узаконения прав, а также вопросов опеки и содержания незаконнорожденных детей [1, с. 516–519].

Итог рассуждениям представителей общественности по данному вопросу подвел закон 12 марта 1891 г. об узаконении и усыновлении детей, расширивший Свод законов Российской империи специальным разделом, посвященном узаконению детей.

В результате принятия этого закона в стране вводился институт узаконения посредством последующего брака родителей, но он был ограничен следующими рамками: разрешалось узаконять детей, произошедших от внебрачной, но не преступной связи, т. е. не от прелюбодеяния [10, с. 112–113] (впоследствии по закону 3 июня

1902 г. было допущено узаконение и таких детей [9, с. 492]); правила об узаконении распространялись только на христианское население; узаконение детей совершалось не само собой в результате вступления родителей в брак, а производилось судом по просьбе родителей, которая подавалась в окружной суд по месту жительства родителей [10, с. 113]. Среди документов, передававшихся вместе с просьбой, необходимыми являлись письменное заявление отца и матери о том, что «ребенок происходит от них», а также метрические свидетельства о рождении ребенка и о браке родителей. Просьба об узаконении могла быть подана в течение года со дня совершения брака, по прошествии этого срока должны были быть представлены уважительные причины, объяснявшие промедление в решении вопроса [14, с. 272–273]. Однако нередкими были случаи обращения в окружной суд с просьбой об узаконении незаконнорожденных детей, последовавшие более чем через год после заключения брака. Тем не менее подобные просьбы удовлетворялись, если в качестве оправдания промедления приводился такой аргумент, как неимение достаточных средств для ведения судебного дела [15. Ф. 225. Оп. 1. Д. 8154, 8165, 8267 и др.].

Несмотря на сделанный к началу XX в. русским законодательством значительный шаг вперед в вопросе об узаконении, все еще оставались нерешенными отдельные проблемы: возможность (или невозможность) узаконения умерших детей, т. е. их потомства, роль детей в самом процессе узаконения, некоторые подробности процедуры узаконения, вызывавшие недоумение и разрешавшиеся произвольно в окружных судах [7, с. 217].

В частности, встал вопрос о том, кем могли подаваться просьбы об узаконении. Так, юристами было отмечено, что в ст. 1460¹ Устава гражданского судопроизводства, регламентировавшего процедуру узаконения, прозвучало слово «родители», следовательно, в таком случае просителями по делам об узаконении могли быть только отец и мать вместе. Таким образом, смерть одного или обоих родителей делала узаконение детей неосуществимым. Данную ситуацию разъяснило решение Сената № 32 за 1898 г.: поскольку в законе отсутствовало соответствующее указание, то «следует признать, что просьбы об узаконении детей могут быть подаваемы как обоими родителями вместе, так и одним из них, как самим узаконяемым ребенком, так и опекунами и попечителями его, в качестве законных представителей» [11, с. 77–78], но при условии представления письменного заявления от отца или матери (либо обоих родителей) о происхождении ребенка.

Что касается прав узаконенных детей (как стали называть данную категорию в юридической литературе), то последующие за 1891 г. мнения и решения Сената несколько прояснили данный вопрос: узаконение «дает детям, введенным во все права, по роду и наследству законным детям принадлежащая, равная с этими последними наследственные права» [3, с. 150]. Кроме того, специфика положения детей данной группы состояла в том, что до заключения брака родителей такие дети считались незаконнорожденными, однако, законность и соответствующие права предоставлялись непосредственно после решения окружного суда об узаконении, хотя и провозглашались с момента заключения брака. Очевидно, встал вопрос о возможности права узаконяемого на наследство, открывшегося после брака родителей, но до решения суда. Проблема была разрешена Правительствующим Сенатом следующим образом: если узаконение последовало по истечению срока давности «со дня пропечатания публикации о вызове наследников», то узаконенные теряли права на наследство [3, с. 151–152].

Помимо прав наследования, законодатели подняли вопрос о фамилии. Дело в том, что внебрачный ребенок не имел права на фамилию отца, в итоге он получал фамилию по имени восприемника, а по закону 3 июня 1902 г. – девическую фамилию матери с согласия ее отца. Поскольку данный вопрос был связан с различного рода документацией, в частности, переписыванием метрических свидетельств, право узаконенного ребенка на фамилию матери явилось одной из обсуждаемых проблем. Однако утверждение о том, что право именоваться фамилией отца относилось к правам законных детей, более того, являлось «обязанностью детей», решило проблему отрицательно и привело к окончанию его обсуждения [16, с. 151].

Независимо от узаконения посредством брака сохранялось и узаконение по монаршей милости, даже если родители не вступили в брак [13, с. 22]. Такое решение, по мнению редакционной комиссии по составлению проекта гражданского уложения в 90-е гг. XIX в., было допустимо в исключительных случаях, если узаконение через последующий брак родителей было невозможно, например, в случае смерти или душевной болезни одного из супругов, существования временного препятствия к браку и других случаях [16, с. 221]. Хотя введение в семью было возможно и путем усыновления, здесь также могли возникнуть препятствия, например, наличие законного потомства. При этом в каждом отдельном случае существовали обстоятельства, которые могли в той или иной степени повлиять на решение дела: учитывались настоящее положение внебрачного ре-

бенка и последующее его изменение после узаконения, общественное и семейное положение родителей, моральные качества и заслуги просителя, причины, побудившие к узаконению и обращению к царской милости и др. Так, в частности, дело дворянина Михаила Саблина об узаконении детей, прижитых незаконно с крестьянской дочерью, было решено в пользу истца [12. Ф. 1412. Оп. 17. Д. 10], тогда как дело купца Григория Секачева об узаконении сына, прижитого в незаконной связи, было оставлено без действия [12. Ф. 1412. Оп. 17. Д. 336]. Характерно, что главным аргументом при принятии решения служило наличие или отсутствие всех необходимых документов с благожелательными отзывами, подтверждающими намерения истца. От монаршего соизволения зависело не только положительное решение вопроса узаконения, но и объем предоставленных прав: от наследования только после одного родителя до разрешения наследования после обоих родителей и их родственников наравне с законными детьми [16, с. 221]. Таким образом, каждое дело требовало тщательного рассмотрения, поэтому узаконение вне брака, по мнению комиссии, должно было оставаться «не правом, осуществляемым чрез посредство суда, а милостью, зависящею от Верховной власти» [16, с. 221].

Таким образом, в начале XX в. институт узаконения был официально утвержден в российском законодательстве как один из способов приема детей в семью и, соответственно, сохранения семейных отношений между родителями и детьми. Однако многие предложения и замечания, высказывавшиеся представителями общественности, не были учтены при разработке и введении новых законов 1891 и 1902 гг. В итоге содержащиеся в данных документах ограничения и пробелы в освещении ряда вопросов не отвечали требованиям времени и нуждались в дальнейшем рассмотрении и разрешении.

Список литературы

1. Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб., 2007.
2. Вестник Европы. – 1882. – № 3.
3. Вилейшис Я.М. Посемейные списки мещан и крестьян и их приписка, причисление, перечисление, исключение, переселение, порочные члены, узаконение, усыновление, внебрачные дети, избрание рода жизни, фамилия вообще и разведенных жен, старообрядцы, сектанты, евреи, перемена веры и т. д.: сб. законов и разъяснений. – Херсон, 1915.
4. Дело. – 1879. – № 8.
5. Друг женщин. – 1883. – № 9.
6. Дылевский К.И. Об узаконении детей, прижитых вне брака. Доклад в заседании Сибирского юридического общества 29 окт. 1883 г. – СПб., 1883.

7. Журнал Министерства юстиции. – 1895. – № 2.
8. Ляпидевский Н.П. О дополнении нашего действующего законодательства постановлениями об узаконении и признании детей, рожденных вне брака. – М., 1876.
9. Полное Собрание законов Российской империи (Далее ПСЗ). Собр. 3-е. Т. XXII. 1902. № 21566. – СПб., 1904.
10. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XI. 1891. № 7525. – СПб., 1894.
11. Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) с подробными предметным алфавитным и постатейным указателями составленными под ред. опытных юристов за 1897 г. (№ 81–100), 1898 г. и 1899 г. (№ 1–80). – Екатеринослав, 1905.
12. Российский Государственный исторический архив. Ф. 1412.
13. Свод Законов Российской империи. Т. X. Законы гражданские. Ч. 1. – СПб., 1900.
14. Устав гражданского судопроизводства. – СПб., 1909.
15. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 225.
16. Цыпкин П.С. Свод законоположений имперских и областных о законности и внебрачности рождения, узаконении и усыновлении и о взаимных отношениях родителей и детей. – Пг., 1916.

Формирование патриотического сознания советской молодёжи в 1930-е гг.

В статье автор рассматривает пути и средства формирования патриотического сознания у молодёжи 1930-х гг. В статье использованы воспоминания, архивные материалы и газетные публикации. Главный вывод автора заключается в том, что эта политика была эффективной и нашла подтверждение уже в ближайшем будущем.

In the article author researches the patriotic consciousness of young people in USSR in 1930 s and methods of it formation. The study is based on the memories, archives materials und soviet newspapers. The main idea is that the politic of the state was successful. New generation was proud of the country.

Ключевые слова: патриотическое сознание, СССР, идеология, новое поколение.

Key words: the patriotic consciousness, USSR, ideology, new generation.

В формирующемся в нашей стране на современном этапе гражданском обществе остро стоит вопрос о формировании активной позиции молодого поколения, его сплочении для осуществления поставленной цели. Государство пытается сформулировать идеологические установки, которые объединили бы молодёжь в сложных условиях модернизации различных сторон жизни. Однако современный человек, находящийся в мощном потоке информации, одновременно оказался лишённым как установок официальной идеологии, так и нормативно-ценностного контекста.

1930-е гг. представляли собой пример единения народа, существования идеи, объединявшей весь социум. Однако в процессе становления необходимо учитывать ошибки, перегибы государства в давлении на общество. И в этой связи ситуация 1930-х гг. даёт немало показательных уроков. Современному поколению, прежде всего молодёжи, на наш взгляд, очень важно понимать мотивы деятельности советских юношей и девушек, их стремления. Воспитание уважения к стране, формирование патриотических чувств невозможно без осмысления её прошлого.

* Цветкова Екатерина Викторовна, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Цель данной статьи – выявление средств формирования патриотического сознания молодых людей 1930-х гг. и плоды этой политики.

В рассматриваемый период наблюдается определённый информационный подъём, связанный и с политикой государства по укреплению идеологических ценностей, и со стремлением получить информацию о мире широкими слоями молодёжи, и с возросшим интересом к знаниям вообще.

Основным источником информации было печатное слово. «За газетами я слежу. Меня главным образом интересовало международное положение и партийные советские мероприятия» [19], – отмечал студент ленинградской Академии художеств.

Газетные передовицы изучали радость, уверенность в будущем, молодой задор. Об этом говорят, например, следующие строки, пронизанные патриотическим пафосом:

Я иду, и встречные всё лица –
Под лучом Кремля – весны ясней.
Если наша радость в грудь вселится,
То уже нельзя расстаться с ней [14, с. 35].

Если верить газетным сообщениям, каждый новый год для советских людей – это год улучшения их жизни и ожидание новых свершений. «Бал счастливых», «Жить стало лучше», «Никогда не встречал я с такой радостью новый год» [8, с. 1] – таковы заголовки накануне, например, нового 1936 г.

Студент Московского государственного университета в письме к родителям отмечал: «Как я счастлив, что родился и живу в Советской стране... Партия и комсомол воспитали меня таким, что я, если понадобится, прыгну с парашютом в тыл к врагу и буду сражаться до последней капли крови за завоевания Октября» [2, с. 2].

Другим важнейшим средством формирования патриотического сознания явились выступления и речи лидеров партии и государства, не только напечатанные в газетах, но и транслируемые по радио. «Вы говорите о том, что для того, чтобы построить наше социалистическое общество, мы пожертвовали личной свободой и терпели лишения, – говорил И.В. Сталин в беседе с американским журналистом в 1936 г., – Если хочешь построить новый дом, то купишь деньги, временно урезываешь свои потребности, иначе дома можешь и не построить. Это подавно справедливо, когда речь идёт о том, чтобы построить целое новое человеческое общество. Приходилось временно урезывать некоторые потребности, накапливать соответствующие средства, напрягать силы» [6, с. 2]. Позиции вождя находили отклик в сознании молодых строителей социализма.

Как отмечала в воспоминаниях Х.Ш. Якубова – студентка педагогического института в 1930-е гг.: «Мы думали, что всерьёз будем строить самое человеческое общество. У нас были несомненные идеалы, так, скажем, социализм, коммунизм, потому что это для народа, для людей...» [12, с. 96].

Молодое поколение как та часть общества, которая вполне закономерно живёт ощущением радужного будущего и светлых надежд, оправдывало тяжёлое положение временными трудностями, всячески стремилось приблизить «светлую жизнь». Об этом, например, отчасти говорила государственная программа займов. «Огромный успех 3-го займа индустриализации, подписка на которой вместо предположенных 750 млн руб. дала более 900 млн, показал, что трудящиеся массы Советского Союза вполне осознают то громадное значение, которое имеет для нашего строительства концентрация мелких распылённых сбережений в руках государства» [20. Оп. 2. Д. 113. Л. 1].

Определенная часть молодых людей критически и с неохотой отдавала часть зарплаты. «Государство – первый спекулянт и первый должник. Бесконечные займы тому красноречивые свидетельства. Нет ни одного человека в СССР, кому бы не было должно государство» [10, с. 137], – отмечал в своём дневнике студент Ленинградского университета А. Маньков.

Но есть свидетельства молодёжи, относящейся к этому совсем иначе: «Все думали, что это всё для нас будет. Все так думали. Раньше не было таких, что "не хочу я, есть у меня и не хочу больше". Все брали, все подписывались и платили» [12, с. 96], – вспоминает Екатерина Правдина, рабочая в 1930-е гг. В этом свидетельстве обращает на себя внимание слово «все». Действительно, отношение к такой политике государства было разным, что зависело от уровня образования и культуры, но подчинялись ей все.

В официальной пропаганде отмечалось, что воплощением и олицетворением грандиозных перемен в стране стала «Сталинская Конституция» 1936 г. Средства массовой информации и пропаганда восхваляли этот документ как «самый демократический в мире», указывая на то, что все предписанные в нём положения безукоризненно выполняются. «Сегодня день Сталинской Конституции – отмечалось в газете "Кировец" от 5 декабря 1937 г., – Конституции счастья и радости» [9, с. 3].

В третьей статье первой главы основного закона декларировалось: «Вся власть в Советском Союзе Социалистических республик принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» [7, с. 227]. У молодёжи формировалось представ-

ление, что управление страной находится, в том числе, и в их руках. Что именно трудящиеся города и деревни являются хозяевами страны. Этот факт подтверждает обсуждение проекта Основного закона, санкционированное властью летом и осенью 1936 г. Согласно официальным данным, в стране состоялось 623334 собрания, посвященных обсуждению проекта, на которых присутствовало 42327990 чел., и было сделано 169739 предложений, замечаний, дополнений в текст конституции [10, с. 124]. Конечно, к этим данным надо относиться критически, но даже они отражают вовлечённость большой части населения в политический процесс.

Официально в стране была закреплена определённая структура общества. Её группами были рабочие, крестьянство и прослойка интеллигенции. У трудящейся молодёжи как основной социальной базы существующего строя были привилегии. В определении понятия «рабочий» было три основных показателя: происхождение, связь с землёй, рабочий стаж [3, с. 81]. У работников нового поколения формировалось представление о них как о главной движущей силе, локомотиве, ведущем страну.

Заметное влияние оказало издание нового основного закона на сознание молодых девушек. Ведь впервые «женщине в СССР предоставлялись равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» [7, с. 241]. В середине 1930-х гг. молодых женщин стали активно продвигать на руководящие посты: «Дело чести Ленинградского актива в самое ближайшее время начиная от Обкома и кончая низовыми комсомольскими организациями продвинуть наших прекрасных, способных пролетарских девчат к нашему руководству» [20. Оп. 2. Св. 404. Д. 269. Л. 59]. Это способствовало более активной и осознанной позиции молодого женского населения, прежде всего комсомолок, студенток, участниц движения ударниц и т.п. Они получили законное место в обществе. Как отмечают исследователи Г. Карпова и Е. Ярская-Смирнова, «между государством и женщиной укрепился формировавшийся с первых дней советской власти гендерный контракт, ядро которого составлял концепт "работающая мать"» [5, с. 493]. На смену бесправной женщины старого режима пришла «...освобождённая, культурная и социально раскрепощённая женщина» [4, с. 2].

Конституция 1936 г., несомненно, была не только и не столько основным законом, по которому функционирует государство, а мощным средством воздействия на общественную психологию. Создание представления, что народу принадлежит вся власть в государстве, что все – и женщины и мужчины, представители всех

национальностей и конфессий – в стране равны, что простой человек является хозяином всех богатств, давало возможность воздействия на молодое поколение. Ведь после «года Сталинской Конституции» настал год «борьбы с врагами народа». И возможно, для многих молодых людей инициированные властью процессы воспринимались как необходимые, как вызванные потребностью общества.

Влияние издания новой Конституции на сознание молодёжи можно проследить и в формировании определённых надежд, связанных непосредственно с жизнью людей. Например, основываясь на статьях закона, посвящённых свободе совести, складывалось впечатление о том, что борьба с Церковью, закрытие приходов прекратится. Об этом говорят сводки НКВД [13, с. 142]. Схожие неоправдавшиеся ожидания существовали и относительно свободы торговли, участия в колхозах и т. п.

На общественное мнение молодёжи большое влияние оказывала художественная литература. Во многом она впитала в себя воздух эпохи, овеянной романтикой подвига, героизма и славы. Формировался образ защитника социалистического отечества, готового пожертвовать за него жизнью. Конечно, определяющее значение на формирование образов и героев произведений оказывало государство.

Тот же образ формировал и кинематограф. К 1937 г. появился большой цикл фильмов о героях революции. Таков, например, фильм «Чапаев» (1934, реж. Г.Н. и С.Д. Васильевы). Кроме этого, перед самой войной была создана целая серия фильмов о русских полководцах (об Александре Невском, А.В. Суворове, И.М. Кутузове и др.).

Особое место в системе пропаганды занимало советское обществоведение. Важным инструментом влияния на массовые представления нового поколения, формирования восприятия исторического прошлого явилось издание «Краткого Курса истории ВКП (б)». «В формировании сознания молодого человека эпохи социализма решающую роль играет наука из наук – революционная теория марксизма-ленинизма. Орудием воспитания молодёжи является история большевизма, пропаганда целей и задач коммунистической партии» [15, с. 1], – отмечала официальная линия. Во многом благодаря этому учебнику массированная пропаганда сталинской концепции строительства социализма в отдельно взятой стране увенчалась успехом.

Средством формирования героического и созидательного образа страны выступало противопоставление настоящего с про-

шлым. Практически всё, что было до 1917 г., рисовалось в чёрном свете. В сознании молодёжи, родившейся после Октября, создавался образ «темного царства», где даже выдающиеся люди, явления были лишь исключением из общего правила. Особый акцент делался на положении рабочих. Прошлое страны рисовалось кошмаром: «Сейчас, когда молодое поколение советских работниц, не знающих ужасов капиталистической фабрики, уверенно и радостно работает, учится и строит свою яркую и счастливую жизнь, кошмаром звучат воспоминания старых работниц об условиях их работы и жизни в царской России» [16, с. 55], – пыталась выразить настроение советских девушек Л. Франкфурт. Соответственно, на контрасте утверждались представления о верности современного курса страны и благополучии в обществе.

Среди представителей нового поколения бытовая неустроенность, серость и бесконечные трудности приводили к апатии, девичьему поведению. «Во всём общежитии имеется ещё много непорядков. Санитарное состояние этажей плохое, а работы по улучшению санитарного состояния никакой не ведётся. Со студентами по поводу плохого состояния комнат не беседуют. В общежитии наблюдаются пьянки и драки» [19. Оп. 1. Св. 1 Д. 5. Л. 38], – так описывали положение в Ленинградском государственном институте.

Особым отношением к советской стране было на селе. Несмотря на активное продвижение идей социализма, для многих молодых людей эти идеи были отвлечёнными от реальности. Это обуславливалось и более низким культурным и образовательным уровнем, и силой традиций, и косностью данной части общества в целом. Своё отношение они выказывали пассивностью. Доказательством тому могут служить архивные документы. Так, в отчёте за 1934 г. бригады о культпоходе по районам области отмечалось: «Как правило, нигде не работали культурные секции при сельсоветах, не говоря уже о колхозах, где их зачастую не было и формально. Изб-читален по району (Ораниенбаумскому) было 12, но их работа была неудовлетворительной» [17. Оп.8. Св. 2601. Д. 220. Л. 14]. И одной из главных причин этой особенности было «общая чрезвычайно низкая грамотность коммунистов деревни» [17. Оп. 8. Св. 2601. Д. 214. Л. 16]. Другой причиной, как следствием, был низкий уровень культуры: «...грязь в общежитиях, недостаток белья, не были организованы котлопункты, не было красных уголков, культработа заглохла» [20. Оп. 2. Д. 654. Л. 3].

Средством формирования патриотизма и впоследствии его отражения в сознании молодёжи стало ударничество, стахановское движение, которое неразрывно связано с исследуемым периодом.

В целом стахановское движение показывает трудолюбие, самоотверженность молодых людей на пути к своей цели, стремление как можно быстрее её достигнуть. Но и это явление нельзя расценивать однозначно. Наряду с героизмом существовали и примеры отчуждённого отношения к труду. Кроме того, далеко не всегда количественные показатели переходили в качественные. Но, несомненно, стахановское движение было уникальным явлением того времени, подтверждающим идейность, энтузиазм молодого поколения 1930-х гг.

Каковы же плоды воздействия на пути формирования патриотических чувств у молодёжи 1930-х гг.?

Переполнение любовью к своей Родине можно объяснить тем, что подавляющее большинство людей видело, как их трудом и при их участии преодолевалась отсталость, создавалась мощная плановая экономика, образующая материальную базу социализма, гарантировавшая военную силу страны и её способность противостоять внешнему врагу, как возникали новые отношения, не знающие безработицы, как учение переставало быть привилегией меньшинства, как культура, образование, творческий труд, общественное продвижение становилось доступным для выходцев из любых слоёв общества [1, с. 222].

Происходящие в стране изменения: грандиозные стройки, коллективизация, ликвидация безграмотности – рождали и развивали в массовом сознании молодых людей чувство участия в небывалом великом деле, создавали условия, в которых основная масса советских людей ощущала себя в качестве первопроходцев, от которых в решающей степени зависит будущее человечества и страны.

Пафос созидания формировали и песни, на дистанции восьмидесяти лет передающие настроение эпохи:

Вьётся дымка золотая придорожная...
Ой, ты, радость молодая, невозможная!
Точно небо, высока ты,
Точно море, широка ты,
Необъятная дорога молодёжная!

«Эй, грянем сильнее!» сл. В.Лебедев-Кумач
муз. И. Дунаевский [11, с. 62]

Не стоит забывать и о присущей всем поколениям и обществам любви не только к стране, но, прежде всего, к дому, земле, на которой живешь, людям. Всё это отождествляется с понятием «Родина». Но в исследуемый период эти чувства подкреплялись и давлением власти.

Надо признать, что в 1930-е гг. молодёжь, как и всё общество, выступало не субъектом, а объектом истории. Государством была

разработана и активно применялась целая система воздействия по формированию патриотического настроения в среде нового поколения и продвижения идеологических ценностей в целом. Были задействованы все средства: от официальных выступлений лидеров страны и печатного слова до организации ударничества и программы займов. Одним из доминирующих настроений было ощущение причастности к великому делу и ожидание будущего. Несмотря на стандартизацию, господство мифов относительно грядущих перемен, молодые люди стремились вперёд, оправдывая плохое бытовое положение временными трудностями. Страна дышала молодостью, надеждами. И как бы скептически ни относились к советской системе в этой связи и не критиковали её за удушение свободы слова, насаждении единомыслия, время показало и доказало её эффективность уже в 1940-е гг.

Список литературы

1. Гордон Л. А. Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е. – М., 1989.
2. Горняк на учёбе. – 1937.
3. Депретто Ж.-П. Официальные концепции рабочего класса в СССР (1920-1930-е гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2004. – М.: РОССПЭН, 2005.
4. Известия. – 1941.
5. Карпова Г.Г., Ярская-Смирнова Е.Р. Символический репертуар государственной политики: Междунар. женский день в рос.й прессе, 1920–2001 гг. // Социальная история. Ежегодник, 2003 – М.: РОССПЭН, 2003.
6. Комсомольская правда. – 1936 – 5 марта.
7. Конституция СССР 1936 г. // История России XX века: пособие для учителя / А.О. Чубарьян. – М.: Просвещение, 2003.
8. Кировец. –1936.
9. Кировец. – 1937.
10. Маньков А.В. Из дневника рядового человека (1933–1934 гг.) // Звезда. – 1995. – № 5.
11. Минералов Ю.И. Так говорила держава: XX век и русская песня. – М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1995.
12. На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х годов / под общ. ред. М. Витухновской. – СПб.: Журнал «Нева», 2000.
13. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1998.
14. Письмо красноармейца В. Ананченко депутатам VII сессии Верховного Совета СССР // Сов. повседневность и массовое сознание. 1939–1945 гг. – М., 2003.
15. Смена. – 1937.
16. Франкфурт Л. 8 марта. – Л., 1936.
17. Центральный Государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. (ЦГАИПД СПб). Ф. 24.
18. ЦГАИПД. Ф. 25.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. К – 301.
20. ЦГАИПД СПб. Ф.К-598.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(485) «1617/1649»

*А. И. Чепель**

Граница как иллюзия. Шведские власти в борьбе за население после Столбовского мира

Автор рассматривает мероприятия шведских властей, направленные на удержание населения на русских землях, полученных Швецией по Столбовскому договору. Опираясь на архивные документы, исследователь показывает противоречивость политики шведских властей, зачастую действовавших вопреки условиям договора. В результате Швеция вынуждена была признать своё поражение в борьбе за население.

The author considers the actions of the Swedish authorities directed on restraint of the population on Russian earths, received by Sweden under the Stolbov peace treaty. Basing on documents of archives the researcher shows discrepancy of a policy of the Swedish authorities frequently operating contrary to treaty articles. As a result Sweden has been compelled to recognize the defeat in struggle for the population.

Ключевые слова: Столбовский мирный договор, шведско-русское приграничье, проблема перебежчиков, миграции, православие, лютеранство.

Key words: Stolbov peace treaty, Sweden-Russian frontier territory, defectors issue, migration, Orthodoxy, Lutheranism.

Во время переговоров в шведской столице, завершившихся в 1649 г. подписанием Столговского договора, шведские дипломаты в таких словах оценили ущерб от исхода населения из Швеции в Россию: «Хотя бы в шведскую землю с царской стороны войною впали, ино б де столько шкоды и убытков не учинили» [38, с. 178]. К этому времени уже более трёх десятилетий между странами сохранялись мирные отношения, закреплённые Столбовским мирным договором 1617 г., по условиям которого между Швецией и Россией установился «вечный, нерушимый мир» [11, с. 433]. Почему же после стольких лет, казалось бы, добрососедских отношений тяготы военного времени показались шведам не так страшны, как последующие годы мира?

Цель статьи – рассмотреть действия шведских властей по пресечению ухода населения в Россию после Столбовского мира. Опе-

* **Чепель Александр Иванович**, аспирант кафедры всеобщей истории Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

ративное управление порубежными землями в этот период осуществляли коменданты шведских крепостей, в русских документах именуемые «державцами», и русские воеводы. Они обменивались письмами, «соседственно» решая возникавшие вопросы [20, с. 149]. Эти документы отложились в фонде 96 («Сношения России со Швецией») Российского государственного архива древних актов, а также фонде 109 (Порубежные акты») и коллекции 2 («Актовые книги») архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Названные архивные материалы и послужили основой для настоящего исследования.

В соответствии с условиями Столбовского мирного договора, заключенного между Швецией и Россией 27 февраля 1617 г., Шведское королевство получило северо-западные области Московского царства (Ижорскую землю (Ингерманландию) и Корельский уезд) вместе с большей частью проживавшего на этих территориях населения. Шведско-русская граница, прошедшая по русским землям, разделила издавна живших в едином культурном пространстве людей на две категории: одни остались царскими подданными, другие стали подданными шведского короля. Несмотря на принадлежность к различным этносам, большинство разлучённых рубежом жителей исповедовало православие [34, с. 132; 39, с. 58–59]. Сразу после появления новой границы особую остроту приобрела проблема перебежчиков – мигрантов, нелегально переходящих в соседнюю страну.

Следует указать на причины, по которым стала необходимой и была возможной активизация приграничных миграций после Столбовского мира. С одной стороны, между жителями нового приграничья, внезапно разделёнными рубежной чертой, сохранились родственные, дружеские, торговые связи, что служило побудительными мотивами к продолжению общения. С другой стороны, граница долгое время не была чётко обозначена: проведение линии границы растянулось до августа 1621 г. [15, с. 36], но еще до середины 1650-х гг. регулярно проводились межевые съезды для урегулирования периодически возникавших территориальных споров и для корректировки пограничной черты [20, с. 152]. Важную роль играло то обстоятельство, что охрана новой границы с обеих сторон не была достаточно надёжна, и многие исследователи говорят о незащитности шведско-русского рубежа [22, с. 216; 17, с. 185]. Действительно, зачастую для обороны границ не хватало людей [7. Л. 1]. Заставы поначалу устраивали только с возникновением угрозы эпидемий – «морового поветрия» [32, с. 94–95]; когда же опасность исчезала, многие заставы убирали. В некоторых приграничных рай-

онах застав не было вовсе [30. Л 47; 31. Л. 2]. Проводя активную завоевательную политику, шведское правительство не имело возможности постоянно держать значительное число людей на границе. Поэтому лишь столкнувшись с массовыми потоками перебежчиков, шведские власти устраивали заставы на маршрутах передвижения беглецов [27. Л. 71].

Налаженные связи приграничных жителей, близость слабо охраняемой границы – всё это заставляло как шведскую, так и российскую администрации очень осторожно «наводить порядок» в приграничных областях: местное население нередко угрожало уйти за рубеж в случае недовольства действиями властей [12, с. 13; 22, с. 262].

Миграционные потоки устремлялись в обоих направлениях. Тем не менее исследователи признают, что основная масса перебежчиков продвигалась из шведских в русские земли [25, с. 238; 40, с. 189]. Поэтому вести борьбу за население предстояло, в первую очередь, именно шведским властям. Малолюдная Швеция болезненно ощущала потерю рабочих рук, что подтверждает следующий эпизод. В 1649 г. шведские дворяне с приграничных земель «с большим шумом» жаловались королеве Христине: «Они разорены, и крестьяне их все выбежали в рускую сторону, и им жить стало немочно, и службы служить стало не с чево»; в ответ королева лишь «прослезилась и сказала: что же делать, потерпите» [38, с. 192–193]. Слезы королевы в какой-то мере могут служить символом бессилия шведских властей в разрешении проблемы перебежчиков. Шведы, не находя путей изменить ситуацию усилиями дипломатов, периодически угрожали началом военных действий: «И шоб нам пята на рускую землю поставить и нам помочников много будет» [9. Л. 4]. Следует признать, что подобные угрозы вряд ли предполагалось проводить в жизнь. После Столбовского мира Швеция и Россия, по крайней мере, до гибели в 1632 г. шведского короля Густава II Адольфа, были взаимно заинтересованы в сохранении мирных отношений с целью сотрудничества на международной арене [21, с. 178], и, несмотря на растущие противоречия, сторонам предстояло находить верную тональность в общении друг с другом.

Что касается конкретных причин переходов через границу, то уже в середине XX в. этот вопрос вызвал дискуссию. Поначалу и отечественные, и зарубежные историки искали причину переселений в религиозных расхождениях православных и лютеран. Придя к выводу о слабости этого тезиса, зарубежные исследователи стали объяснять переселение как принудительное мероприятие, организованное русским правительством. Затем отечественные историки

пришли к заключению о добровольности переходов, указав в качестве важнейшей причины политическое и экономическое угнетение. Другие исследователи говорили о гонении на культуру, язык, обычаи [18, с. 273]. Дискуссия продолжается до настоящего времени, и вскрываются противоречивые обстоятельства, влиявшие на решение жителей приграничья уйти за рубеж [23, с. 65, 83; 33, с. 33; 36, с. 144]. Сами перебежчики причиной миграций называли непосильные налоги [1, с. 331], тяготы воинской службы [10. Л. 1], потерю средств существования [29. Л. 130], религиозные притеснения [27. Л. 122].

Какие же меры предпринимали шведы, чтобы воспрепятствовать уходу населения приграничных областей в Россию? В первую очередь, следует указать на 20-ю статью Столбовского мирного договора, которая была юридическим основанием для решения проблемы перебежчиков. Статья гласила: «Изменники, убийцы, воры и другие преступники, перебежавшие с одной стороны на другую, русские или какой угодно другой национальности, должны быть безоговорочно по первому требованию той стороны, откуда они перебежали, выданы со всем украденным, награбленным и захваченным ими с собою имуществом» [11, с. 444]. Таким образом, уже в ходе переговоров подразумевалась возможность нелегальных миграций населения через новую границу. Следует указать, что шведская сторона признавала перебежчиков преступниками, даже если они не занимались шпионажем, никого не убивали, ничего не крали, а лишь покинули шведскую территорию: «Перебежчик [отрицает] Богом и природой над собой [поставленную] верховную власть, чем не только нарушает долг и покорность, которыми он ей обязан, но и также расхищает тем самым [деньги], которые он обязан своей власти предоставлять и выплачивать, совершает достаточное злодейство и мошенничество» [37, с. 176]. В полном соответствии с этими представлениями в попытке удержать население в королевской стороне шведские власти большое значение придавали присяге. Так, в послании шведского «державца» к русскому воеводе по поводу выданного шведам перебежчика прозвучали нотки гордости за тех подданных, которые верны присяге шведской короне. Шведский подданный крестьянин Фёдор Андреев вскоре после завершения русско-шведской войны 1656–1658 гг. без проезжей грамоты пришёл на русскую территорию, был задержан как перебежчик и выдан шведам. Оказалось, что крестьянин этот «хотел своих детей навесить», так как во время минувшей войны вся его семья была вывезена из шведских владений. Поскольку, несмотря на соглашение о выдаче пленников, русские до сих пор не отправили в Швецию эту

семью, «он отец помянутой Федор попомнил свою присягу его королевскому величеству и короне Свейской и в прошлом годе, как мир учинен, и он один с женою своею на свое старое житье пришел» [3. Л. 67–68]. Теперь же вынужденный для общения с детьми переходить границу он оказался в числе нарушителей.

Шведский «державец» поднимал важную проблему приграничных отношений: стремление всячески препятствовать выдаче перебежчиков, перешедших в Россию. Учитывая последствия Смутного времени, царское правительство не меньше Швеции было заинтересовано в увеличении численности населения. Поэтому царь прямо указывал приграничным воеводам вести розыск и возвращение перебежчиков «с проволочкою» [28. Л. 76], а на все запросы шведов отвечать, что «их в сыску в нашей стороне нет» [27. Л. 280]. Чтобы о проводимых русскими властями мероприятиях по утаиванию перебежчиков «в немцах ведома не было», беглецам «в порубежных местах жити не велели» [2, с. 221]. В этой ситуации «державцы» подчас всю надежду возлагали на личные качества русских воевод, на их «соседственную» порядочность. Так, в 1623 г. комендант Орешка, ставшего после Столбовского мира шведской приграничной крепостью, писал новгородскому воеводе, только что приступившему к своим обязанностям, что его предшественник «разных людей с семьями со шведской стороны в Российскую землю ушедших <...> выдать по мирному договору не хотел, но всячески их укрывал»; завершал послание шведский комендант надеждой на иное поведение нового новгородского воеводы, обещая со своей стороны взаимность в деле сыска и выдачи перебежчиков [26. Л. 16 об.]. О возможной реакции русских властей на эти чаяния повествует следующий документ. В 1622 г. шведская сторона выдвинула обвинение, что царские подданные перебежчиков «принимают к себе жити», и царское правительство тут же за укрывательство беглецов стало грозить смертной казнью [6. Л. 1–3]. И в дальнейшем царское правительство продолжало рисовать перед русскими порубежными жителями перспективу за утаивание перебежчиков «казненным быть смертью» [28. Л. 69], что говорит скорее о невозможности (или нежелании) пресечь укрывательство перебежчиков.

Периодически шведы требовали возвратить ушедших за рубеж жителей [33, с. 30], стороны договаривались о месте и времени возвращения беглецов [27. Л. 72], затем проводили в установленных приграничных пунктах размены крупными партиями перебежчиков [32, с. 96–97]. Но такие приграничные съезды не решали проблему. Переходы к пунктам размена были трудны [22, с. 217], и больные и слабые перебежчики оставались за рубежом до следующего разме-

на. Это в очередной раз приводило к разлучению родственников, и вскоре к границе «тайно <...> прокрадывались» возвращённые перебежчики, у которых «заболезные жены или дети» остались за рубежом [8. Л. 1], и нелегальные переходы возобновлялись с новой силой.

Даже если предположить, что власти стран-соседей действительно задумали бы объективно разобраться с проблемой перебежчиков и решить её «раз и навсегда», они вынуждены были бы во многом исходить в своих действиях из той информации, которую готово было предоставить в их распоряжение приграничное население. Властям предстояло столкнуться с круговой порукой, с взаимными обвинениями. Это положение можно проиллюстрировать на примере челобитной русского приграничного землевладельца, у которого в первые годы после Столбовского мира в контролируемые шведами области сбежали крестьяне: «А которые, государь, их люди и крестьяне от них к нам бегают, и мы, государь, их не принимаем, а оне, государь, наших и людей, и крестьян принимают» [5. Л. 1]. Здесь слишком явно высвечивается стремление обвинить противоположную сторону и выставить себя в роли законопослушной жертвы. По обе стороны границы были заинтересованы в дополнительных работниках, поэтому охотно укрывали беглецов [3. Л. 118; 27. Л. 244]. Своего рода символом результатов взаимодействия обеих противостоящих сторон по вопросу перебежчиков могут служить слова шведского «державца», содержащиеся в грамоте, отправленной к русскому воеводе в 1625 г.: «И яз многожды о том писал, а никакого ответа и указу о них не мог добиться от ваших, кроме того, что хотят их сыскивать»; остаётся надеется лишь на то, что «праведный Бог отомстит, и то, что ваши не по делу делают, против отдаст», и «дружественно и соседственно» ждать от противоборствующей стороны «соседственной любви» [28. Л. 49].

Здесь не последнюю роль играли религиозные различия между Швецией и Россией. Монополия лютеранского вероисповедания на всей территории государства была основополагающим принципом шведской политики в области религии, и наличие православного населения, имевшего собственные церкви, с точки зрения шведских властей означало изъян в «государственном теле» [34, с. 132], но для удержания православных подданных в пределах королевства шведы вынуждены были действовать иначе. 8-я статья Столбовского договора гласила, что в течение четырнадцати дней со дня объявления мира все монахи, дворяне и горожане, находящиеся в уступленных королю землях и городах, «с женами, детьми и домашней челядью и со всем принадлежащим им имуществом могут сво-

бодно покинуть упомянутые крепости и города и направиться в любую землю или крепость Его царского величества. <...> Однако согласно решению великих послов обеих сторон строжайше запрещается покидать место жительства русским приходским священникам и крестьянам городов и земель, уступленных Его царским величеством Его королевскому величеству. Приходские священники и крестьяне с женами, детьми и прислугой, а также те дворяне, дети боярские и горожане, которые не выедут в течение упомянутых четырнадцати дней, должны оставаться на месте и жить под властью Шведской Короны» [11, с. 438]. Запрет приходским священникам переходить в Россию сразу же принёс свои плоды. Это подтверждается, в частности, рассказом жителя Ивангорода, оказавшегося вскоре после заключения Столбовского мира в числе перебежчиков со шведской стороны. Он поведал задержавшим его русским властям о судьбе своего отца, которого шведы не отпустили в русские пределы «для того, что отец его поп, и многие русские люди были у него дети духовные, и для того остались многие русские люди» [13, с. 479].

О других мероприятиях шведских властей, направленных на удержание исповедовавших православие приграничных жителей в шведских землях, повествуют следующие события. Уже в 1618 г. некий Родион Лобанов получил от короля грамоту на владение земельными владениями в Карельском уезде (шведское название – Кексгольмский лен), отошедшем по Столбовскому миру к Швеции, и хорошо зарекомендовал себя перед шведскими властями. Лобанов остался в православной вере. Благодаря его усилиям, несмотря на кардинальную линию шведского правительства, направленную на обращение населения в лютеранство, православная церковь на вверенных ему территориях продолжала действовать даже в 1661 г., после русско-шведской войны 1656-1658 гг., повлекшей за собой уход значительной части православных в Россию [24, с. 60-62]. Преданный шведской власти чиновник оказался верным приверженцем православия, и шведская администрация не считала нужным жертвовать сохраняемой во многом усилиями Лобанова лояльностью местного православного населения.

Значительные трудности для шведских властей представляло общение королевских подданных с православным духовенством в России. Так как в Швеции не было православной митрополии, стороны пришли к соглашению: разрешить православным священникам из шведских владений приезжать для рукоположения к новгородскому митрополиту [33, с. 34]. Тем не менее постепенное распространение среди православного населения лютеранства со

временем привело к тому, что в шведских владениях стало недоставать приходских священников [22, с. 214]. Это осложняло ситуацию на границе. С одной стороны, православные из Швеции устремлялись в Россию. Так, в 1650 г. с русской пограничной заставы поступило известие, что «зарубежские с Свейские стороны крестьяне русские люди, которые живут поблиско рубежа, просятца на царскую сторону для отцов духовных» [13, с. 432]. С другой стороны, прихожане призывали священников из русских земель. Пользуясь тем, что граница охранялась не очень тщательно, священники из России совершали богослужения среди шведских подданных и возвращались обратно [22, с. 214–215]. На определённую регулярность подобных переходов указывают высказанные шведами во время переговоров 1649 г. претензии: с русской стороны приезжают в шведскую сторону православные священники, шведских подданных «крестят в рускую веру тайно» и вывозят с собой в Россию. В этой ситуации именно проблема ухода королевских подданных после принятия крещения по православному обряду прежде всего волновала шведские власти. В итоге возмущение шведской стороны достигло предела: пойманных священников грозились вешать на рубеже [38, с. 209]. Но угроза не достигла цели. В 1661 г. шведские власти в очередной раз негодовали: «Каким обычаем» русский поп и пономарь были «за рубежом у немецких людей» и проводили церковную службу на шведской территории? Священнослужители были отосланы обратно в русские земли с наказом: чтобы «таким обычаем опять не приехали». Но поп и пономарь «ныне опять внове своим церковным строем в ризах и во всей службе объявились» и у шведских подданных «дети крестили и людей венчали <...> и мертвых похоронили и обедню служили» [3. Л. 5 об.]. Крещение по православному обряду младенцев было особенно неуютно шведам. Ведь принявшие лютеранство дети со временем могли стать верными подданными шведского короля, так как не имели бы религиозных связей с православным Московским царством.

Свою роль в решении уйти за рубеж играли романтические отношения. До появления границы люди общались беспрепятственно. Поэтому и теперь, несмотря на появление новой границы, продолжали заключаться браки – теперь уже с «зарубежными» людьми. Так, в 1626 г. из русских владений на шведскую территорию перебежала царская подданная, что вдова, и вышла замуж за подданного шведского короля. Переход этот был обусловлен тем обстоятельством, вдова осталась без средств существования и, попав «в такую великую бедноту <...> пришла она к своему племени с ними повидатся и у них кое чего прошать, чем бы ей прокормится».

Оказалось, что эти родственники теперь живут в шведских владениях, так что вдова попала в разряд перебежчиков. Заграничные родственники «учали думать, чем ей какую помощь учинить» и в конце концов выдали замуж. Когда русский воевода стал требовать выдать беглянку обратно, за неё вступился шведский комендант. В оправдание он указывал воеводе: «для того, что она попала в такую великую бедноту и родилась на нашего короля стороне <...> пришла она к своему племени». Говоря о рождении новой семьи, комендант особо отмечал, что «поп русский именем Кондратий венчал их. И то те крестьяне учинили по христианскому обычаю. Да и подобает на обе стороны христианам такую любовь и законное дело чинить». Комендант, отвечая на требование воеводы вернуть перебежчицу, с иронией пишет: «Может то быть, что ты преж сего про то не слыхал и о том деле не ведаешь, что порубежные мужики», приходившие с царской стороны, «женивались у нас <...> на вдовах и на девках на поповских дочерях и на иных простых людей дочерях и отвозили с собою за рубеж по соседственной любви». «Державец» предупреждал воеводу: «И будет тебе такое законное дело недобро повидитца и соседственна приятельства не залюбишь и вперед такого не хочешь терпеть, и я с своей стороны так же тако-го любви и приятельства против того не стану учиняти. И везде закажу, чтоб никто со шведской территории не осмелился после сего дни давать дочь свою или вдову замуж <...> как преж сего бывало», на царскую сторону. «Державец» уверял воеводу, что не подобает новобрачную «назад просить и с мужем разлучить и законный брак рознати», и требует: «А если ты однолично хочешь ее с мужем разлучить и хочешь, чтоб я тебе ее прислал, и мое к тебе соседственное прошение, чтоб ты всех тех вдов и девок, которые во многие лета преж сего законным делом к вам за рубеж перешли, к нам назад <...> безо всякого отговору отдал» [29. Л. 129–133]. В этом послании шведский комендант поднимал важные проблемы, осложнявшие положение в приграничье. Шведы постоянно упрекали русских в удержании на своей стороне перебежчиков посредством крещения в православную веру [38, с. 163], за чем зачастую следовал семейный союз с царской подданной [19, с. 75]. Подобной практике помогало то обстоятельство, что среди перебежчиков большинство составляли молодые люди [14, с. 133]. Кроме того, на русской стороне активно эксплуатировали бытовавшее в то время среди православного населения представление о том, что православный – значит, подданный русского царя [33, с. 34]. При этом русские власти зорко следили, чтобы в уступленных царём землях не притесняли православную веру: свобода вероисповедания для

населения отошедших к Швеции земель была одним из условий Столбовского мира [35, с. 71]. Любые подозрения о нарушении этого условия давали дополнительный козырь в руки русской стороны. «Державец» специально указывал на свободу совершения православного обряда на территории лютеранского королевства, стремясь подчеркнуть, что православие не притесняется на шведских землях. Интересно, что при этом он считал достаточным условием для обоснования подданного одной страны на территории соседнего государства заключение семейного союза за рубежом.

Этот эпизод показывает, что шведы подчас пытались бороться за население русскими методами. Здесь уместно привести следующий эпизод, иллюстрирующий отношение русского населения к перебежчикам, женившимся в тех местах, где их приняли. В 1625 г. русские власти велели выслать в Швецию нескольких перебежчиков, «латышей» (так назывались в русских документах соседние с Россией народы, исповедовавшие лютеранство). Облечённый соответствующими полномочиями чиновник со стрельцами пытался исполнить поручение, но местные жители заявили, что «они ему их не выдадут <...>, те латыши у них крещены и поженились»; когда чиновник пытался настаивать, жители «лаяли его всякою лаею и позорили, а стрельца Тараску, который с ним был, били, и ис погоста выслали пеших» [28. Л. 63].

Случалось, что с целью пополнить ряды подданных короля шведские власти применяли насилие к оказавшимся на их территории русским. В 1620 г. в поисках средств существования царский подданный некий Иван был «подозван» дьячком Иваном Борисовым, подданным шведского короля, чтобы учить детей этого дьячка грамоте. Когда же в тех краях оказался комендант шведской крепости Орешек, дьячок, вероятно, стремясь выслужиться перед «Ореховским державцем», попытался наставника своих детей «неволею привести к крестному целованию на королевское имя», а за отказ грозил убийством. Царскому подданному удалось сбежать и вернуться на русскую сторону [4. Л. 2–3; 33, с. 33].

Шведско-русская граница, установленная согласно условиям Столбовского мирного договора, во многом была иллюзорной, что способствовало нелегальным миграциям. Помимо существовавших ещё до появления границы связей местного населения, роль играли действия властей стран-соседей. Установление границы проходило долго, для её обороны не выделялось достаточно средств. Стремление Швеции и России сохранять мирные отношения препятствовало применению слишком жёстких мер к нарушителям границы. Шведские власти, стремившиеся сдержать поток перебежчиков дипломатическими соглашениями, на практике не останавливались

перед незаконными методами в борьбе за население. Такая противоречивая политика давала Швеции мало шансов удержать бывших царских подданных на своей территории. Российские власти, также не соблюдавшие всех договорных обязательств, находились всё же в более выгодном положении, опираясь на бытовавшее представление о том, что всякий православный является царским подданным. В итоге шведское правительство признало своё поражение в борьбе за население приграничных областей, смирившись с тем, что вернуть перебежчиков никогда не удастся [16, с. 106].

Список литературы

1. Акты Московского государства. – СПб., 1890. – Т. 1.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. – СПб., 1836. – Т. 3.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее - архив СПб ИИ РАН). Колл. 2. Оп. 1. Д. 28.
4. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 58.
5. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 72.
6. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 268.
7. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 319.
8. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 634.
9. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 728.
10. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 801.
11. Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. – М., 2000.
12. Голицын Н.В. К истории русско-шведских отношений и населения приграничных с Швецией областей (1634–1648 гг.). – М., 1903.
13. Дела Тайного приказа / ред. С.Ф. Платонов. – Л., 1926. – Кн. 4. (Русская историческая библиотека. Т. 38).
14. Жуков А.Ю. Карелия в составе России (конец XV–XVII в.) // История Карелии с древнейших времён до наших дней / ред. Н. А. Кораблёв, В.Г. Макурова и др. – Петрозаводск, 2001. – С. 98–180.
15. Жуков А.Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: сб. ст. к 70-летию Ин-та языка, лит-ры и истории. – Петрозаводск, 2000. – С. 31–36.
16. Кан А.С. Стокгольмский договор 1649 года // Скандинавский сборник. – Таллин, 1956. – Вып. 1. – С. 101–117.
17. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории: сб. Рос. гос. архива древних актов. – М., 2007. – Вып. 8. – С. 157–197.
18. Курсков Ю.В. «А.С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. г.» (Рецензия) // Скандинавский сборник. – Таллин, 1957. – Вып. 2. – С. 272–278.
19. Курсков Ю.В. Русско-шведские дипломатические контакты и развитие общественной мысли России в середине XVII в. // Десятая Всес. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. – М., 1986. – Ч. 1. – С. 74–76.

20. Курсков Ю.В. Русско-шведские отношения в 40–50-х годах XVII века (межевые съезды 1642, 1652, 1654 годов) // Скандинавский сборник. – Таллин, 1958. – Вып. 3. – С. 149–163.
21. Миронова О.Н. Русско-шведские отношения в 1618–1632 гг.: дис. на соиск. канд. ист. наук. – Рязань, 2009.
22. Мюллер Р.Б. Карелия в XVII веке // История Карелии с древнейших времён до середины XVIII века / под ред. А.Я. Брюсова. – Петрозаводск, 1952. – С. 209–293.
23. Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских связей IX–XVIII вв. – М., 1993.
24. Петрова М.И., Петров И.В. Тиурула – 500 лет: Очерки истории // История и культурное наследие Северного Приладожья: Взгляд из России и Финляндии: Материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Т.А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы. – Петрозаводск, 2007. – С. 59–67.
25. Пийримяэ Х.А. Политика Швеции в заморских провинциях // История Швеции / отв. ред. А.С. Кан. – М.: Наука, 1974. – С. 237–249.
26. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1623 г. Д. 1.
27. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1.
28. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1625 г. Д. 1.
29. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1.
30. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1.
31. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1631 г. Д. 1.
32. Селин А.А. Ладога при Московских царях. – СПб., 2008.
33. Селин А.А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. – СПб.; Ст. Ладога, 2000. – Вып. 3. – С. 29–36.
34. Толстикова А.В. Православное население Ингерманландии глазами шведской администрации: Соотношение этнического и конфессионального аспектов (XVII в.) // XV конф. по изуч. истории, экономики, яз. и лит-ры Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. – М., 2004. – Ч. 1. – С. 132–134.
35. Толстикова А.В. Русское православие в шведской внешнеполитической риторике и пропаганде в первой половине XVII в. // Всемирная история: сб. молодых учёных. – М., 2002. – С. 62–83.
36. Шаскольский И.П. Крестьянство Ингерманландии (Ижорской земли) в XVII в. // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма / отв. ред. А.И. Копанев, М.Б. Свердлов. – СПб., 1994. – С. 142–146.
37. Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке / ред. И.П. Шаскольский. – М., 1981.
38. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов. – М., 1897.
39. Яловицина С.Э. Особенности народной психологии и быта приграничного населения (на примере «корельских приходов») // «Своё» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: материалы 3-й междунар. науч. конф. – Петрозаводск, 2001. – С. 58–61.
40. Upton A. Charles XI and Swedish Absolutism. – Cambridge, 1998.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

УДК 94 (470.40/43).084 «1917»

*Т. М. Шестопалова**

К вопросу о процессе формирования местных органов власти в губерниях Среднего Поволжья в марте-октябре 1917 г.

В статье рассматривается проблема формирования демократических органов власти в губерниях Среднего Поволжья после Февральской революции. Исследуется специфика организации выборов в Комитеты Народной власти весной-летом 1917 г. Определяется роль органов местного самоуправления.

The problem of formation of democratic authorities in provinces of the Average Volga region after February revolution is considered in the article. Specificity of the organization of elections in Committees of People's power is investigated in spring-summer in 1917. The role of local governments is defined.

Ключевые слова: комитет, самоуправление, уезд, волость, управа губернский (уездный) комиссар.

Key words: committee, self-management, district, volost, a justice, the provincial (district) commissioner.

За всю историю России 1917 год наиболее богат историческими событиями. В течение этого года несколько раз менялся государственный строй России: начался год при самодержавии, затем установилась власть Временного правительства и Советов, что повлекло за собой существенные изменения в системе органов государственной власти и управления: часть учреждений была упразднена, часть реорганизована, часть создана вновь.

Современная Россия переживает сложный этап социально-экономического и политического развития. В условиях перехода общества к демократии, когда происходит перестройка системы государственного и местного аппарата управления, требуется тщательное переосмысление опыта формирования органов власти в 1917 г. с целью минимизировать ошибки на этом поприще.

Следует отметить, что вопрос становления демократических органов после Февральской революции не был обделён вниманием.

* **Шестопалова Татьяна Михайловна**, аспирант кафедры новой и новейшей истории России и краеведения, Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского.

К нему в разное время обращались такие исследователи, как И.И. Минц [15, с. 913–914], А.М. Андреев [1, с. 64], П.С. Кабытов, Н.А. Курсков [13, с. 23, 47, 234] и многие другие. Тем не менее данная проблема применительно к Среднему Поволжью остаётся недостаточно изученной. Именно поэтому необходим всесторонний анализ местной специфики вышеназванных процессов. В данной статье поставлена задача исследовать процесс формирования местных органов власти в трех губерниях Среднего Поволжья в марте – октябре 1917 г., что в значительной степени позволит увидеть глубину и значение демократизации, начавшейся в провинции после Февральской революции.

В условиях падения старого строя в феврале 1917 г. наблюдалась неизбежная ломка в организации местного гражданского управления [8. Л. 1]. 2 марта 1917 г. на основе компромисса, достигнутого Временным комитетом Государственной Думы с Петроградским Советом было сформировано Временное правительство. Основу революционного правительства России составили представители российского либерализма, преимущественно кадеты, которые объявили задачу формирования нового демократического аппарата власти на местах приоритетной.

Для Поволжья в этот период было характерно проявление местных особенностей развития революционных событий в зависимости от социально-политической обстановки в той или иной губернии: её экономического положения, степени организованности общественных сил различного направления и т. п. После получения известий о свержении самодержавия в провинции начался процесс отстранения со своих постов представителей царской администрации.

Одним из первых распоряжений Временного правительства после переворота было устранение от должности губернаторов и вице-губернаторов и возложение лежавших на них обязанностей и прав на губернских комиссаров [9. Л.4]. Особенно бурно на это отреагировало население Пензенской и Самарской губерний, где ввиду отсутствия сдерживающих факторов в виде крепкой монархической идеологии начинаются погромы и аресты представителей старой власти.

В процессе формирования нового государственного аппарата, наиболее активно проявили себя комитеты представителей общественных организаций. По данным МВД, весной 1917 г. в России было сформировано 79 губернских, 651 уездных и более 9000 волостных комитетов [6, с. 63]. Они были «организационным оформлением народовластия в России» [5, с. 4] и выражали настроение и отношение к революционным событиям, господствовавшим в российском обществе.

Так, комитет народной власти в Самаре, первоначально возникший как особый временный городской комитет безопасности, в начале своего существования был чисто буржуазной организацией. Создание его являлось попыткой со стороны буржуазии захватить в свои руки власть, выпавшую из рук старой бюрократии. Комитет возник по инициативе старой купечески-домовладельческой городской думы [2, с. 6].

В Симбирской губернии были сформированы местные органы Временного правительства: городской комитет народной власти, в котором руководящие посты заняли кадеты во главе с князем С.М. Баратаевым, и губернский исполнительный комитет (губисполком) при губкомиссаре, куда вошли наиболее видные кадетско-октябристские деятели [17, с. 131]. В марте были назначены комиссары Временного правительства во все уезды губернии, и при них создавались уездные исполнительные комитеты – органы власти помещиков и буржуазии по типу губернского центра.

Переход от старой формы правления в Симбирской губернии оказался трудным и сопровождался ростом анархии. Симбирский губисполком, заменивший губернаторскую власть, объявил, что с падением самодержавия отпали все причины, вызывавшие уголовные преступления, что гражданам новой свободной демократической России совсем не нужны исправительные заведения. Число тюрем в губернии было сокращено до трёх (Симбирское арестантское отделение, Сызранская уездная тюрьма, Симбирская женская тюрьма). Почти всех амнистировали, оставив за тюремными стенами всего 100 чел. [17, с. 134].

В телеграмме Л.Н. Кугушева о положении в Пензенской губернии от 5 марта сказано, что «властью местного Исполнительного комитета устранён губернатор Евреинов, жандармское управление ликвидировано; арестованы начальник и офицеры, остальные разружены. Архив переведён в городскую Управу. Бригадный генерал Бек убит толпой солдат» [12. Л. 3].

В дальнейшем при проведении своей деятельности комитеты общественных организаций опирались на нормативные документы, принятые на общеуездных и общегубернских съездах делегатов, а также на документы, разрабатываемые и принимаемые самими комитетами.

Исполком Самарского комитета народной власти для обеспечения в губернии единообразия организационных форм и методов этого процесса уже 20 марта обсудил и принял разработанный специальной комиссией «Проект наказа местным комитетам народной власти». Данный документ был разослан во все уезды [10. Л. 54 об, 55].

В принятом I губернским крестьянским съездом «Наказе» строгая подчиненность комитетов народной власти сохранилась только до уездного уровня. Уездные комитеты, обладая большой независимостью от властных губернских структур, должны были стать центральным элементом системы органов власти, которым принадлежали широкие полномочия.

В ходе революционных преобразований была выработана следующая схема организации комитетов народной власти. Низшим уровнем их системы являлся сельский комитет, в выборах в который могли принимать участие все жители селения, достигшие 20-летнего возраста. Сельский комитет народной власти избирал из своего состава исполком. К компетенции сельских комитетов была отнесена административная власть, т. е. все обязанности, которыми ведала сельская полиция, продовольственный вопрос, беженский вопрос и др. [6, с. 63].

Волостные комитеты должны были формироваться на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов, проводящихся на общих собраниях жителей сел и деревень волости, аналогично сельским выборам. Результаты выборов считались законными, если в собрании принимало участие не менее половины избирателей. Количество избранных в волостной комитет народной власти ограничивалось нормой представительства: один делегат от 100 жителей [6, с. 65].

Следующий уровень составляли уездные комитеты народной власти. Уездный комитет, представляя собой народное управление всего уезда, ведал административными и хозяйственно-экономическими вопросами, являлся контрольным органом всех общественных и других организаций уезда. В его состав должны были входить делегаты всех волостных комитетов, а также учреждений, общественных организаций, союзов профессиональных и политических на основе пропорционального представительства. Уездный комитет народной власти формировал исполнительный комитет. В члены исполкома могли входить, по усмотрению уездного комитета народной власти, жители уезда, не являвшиеся членами уездного комитета.

Следующим уровнем становились губернские комитеты народной власти, формировавшиеся по аналогичному принципу.

В целом во всех губерниях Среднего Поволжья полностью была поддержана и развита применительно к местным условиям, идея о необходимости передачи государственной власти на местах в руки коллективных органов власти, формируемых самим населением на основе выборов.

Процесс организации комитетов народной власти и назначение комиссаров Временного правительства в уездах губерний Среднего Поволжья отличались рядом характерных особенностей, но наблюдалась и общая тенденция к усилению влияния Советов на комитеты народной власти. Наиболее ярко это проявилось в Николаевском уезде Самарской губернии. 3 марта в Николаевске был организован Совет рабочих и солдатских депутатов [16, с. 432]. 4 марта местная городская управа совместно с представителями гарнизона создали временный комитет народной власти [3, с. 22]. 15 марта в Николаевске был созван уездный съезд. В работе съезда принимало участие 320 делегатов от волостей уезда [11. Л. 6]. 16 марта на съезде избран уездный комитет народной власти в количестве 17 чел. Из них три представителя от рабочих и три от солдат [11. Л. 7].

Председателем уездного комитета народной власти стал эсер В.А. Сухоносенко [3, с. 37; 16, с. 440]. Уже к началу июня 1917 г. комитет народной власти полностью контролировался Советами. 2 июня постановлением объединенного заседания Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов было провозглашено, что Совет является высшей политической властью в уезде, стоящей на страже интересов трудящегося крестьянства и вообще всей трудовой демократии. Исполнительным органом объединённого Совета объявлялся Николаевский уездный исполнительный комитет народной власти.

Процесс демократизации и усиление влияния Советов наблюдался и в других губерниях Поволжья. В марте Советы рабочих и солдатских депутатов образовались в Сызранском, Ардатовском, Алатырском, Сенгилеевском и других уездах Симбирской губернии, а в начале мая – в Буинске и Карсуне. С мая по июль шло создание Советов крестьянских депутатов. Совет крестьянских депутатов являлся единственной «скрепой» многомиллионного крестьянства и единственным органом, через который крестьянство выражало свою волю [12. Л. 21]. Лидирующее положение во всех Советах губернии заняли члены партий социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов (меньшевиков). Признав губернского комиссара Временного правительства и губисполком единственной законной властью в губернии, они делегировали своих представителей для осуществления контроля за их деятельностью, тем самым пытались укрепить своё положение.

Функции управления губернией между исполкомом и Советом были распределены. В руках комитета народной власти сосредоточились функции различного характера: надзор за подчиненной ме-

стностью, принятие мер и исполнение законов, назначение на должности чиновников, руководство милицией, контроль за местными судами, финансами в пределах губернии [14, с. 78]. Функциями Совета были организация демонстраций и наблюдение за органами власти. Комитеты народной власти должны были существовать в качестве органов власти на местах «до издания основных законов Учредительным Собранием» [3, с. 364]. В дальнейшем получила значительное распространение идея о том, что данные органы власти должны быть сохранены и после Учредительного Собрания. Об этом говорили делегаты II Самарского губернского крестьянского съезда, проходившего в Самаре в конце мая 1917 г. [4, с. 3]. Дальнейший ход событий показал, что эти планы не имели исторической перспективы. Временное правительство при формировании структур местной власти делало ставку на реорганизацию земского и городского самоуправления при сохранении над ними сильной контролирующей власти центра посредством института комиссаров.

Со временем в губерниях Среднего Поволжья в среде местных общественно-политических сил возобладала тенденция, направленная на постепенную передачу полномочий от комитетов народной власти к органам городского и земского самоуправления, сформированным по новым законам на основе прямого, всеобщего, тайного и равного голосования.

Процесс постепенной передачи властных полномочий от комитетов народной власти уездным земствам и городским думам начался в сентябре 1917 г. и был прерван новым витком борьбы за власть, развернувшимся в губерниях Поволжья после Октябрьской революции.

Таким образом, после Февральской революции созданный Временный Исполнительный комитет фактически являлся главным органом нового правительства. Первоначально буржуазные по своему составу исполкомы стремились к проведению в жизнь и осуществлению предначертаний и распоряжений Временного правительства, организовывали население, давали указания и распоряжения, наблюдали за деятельностью правительственных и общественных учреждений. Следует подчеркнуть, что бурный всплеск демократизации старых самоуправлений относится в основном к марту – маю 1917 г., когда в большинстве земств России произошла полная или частичная замена старого состава. Все это говорит о том, что процесс демократизации в стране в целом и губерниях Среднего Поволжья в частности проходил достаточно глубоко, затрагивая все без исключения уровни местных структур.

Список литературы

1. Андреев А.М. Местные Советы и органы буржуазной власти 1917 г. – М., 1983.
2. Блюменталь И.И. Первые дни февральской революции в Самаре (По материалам Самарской губернии) // Коммуна. – 1927. – 12 марта.
3. Блюменталь И.И. Революция 1917-18 гг. в Самарской губернии (хроника событий). – Т. 1. – 1917 год (март-декабрь). – Самара, 1927.
4. Волжское слово. – 1917. – 2 июня. – № 113.
5. Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. – М., 1992.
6. Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 61–73.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 123.
8. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 1.
9. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.
10. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138.
11. ГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13.
12. ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 6.
13. Кабытов П.С. Курсков Н.А. Вторая русская революция. Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах. 1917–1918 гг. – Самара, 2002.
14. Липатова Н.В. К вопросу о специфике развития Советов рабочих и солдатских депутатов в Поволжье в 1917 г. Локальный аспект // Журн. молодёжной культуры. – 2004. – 30 сентября. – С. 71–82.
15. Минц И.И. История Великого Октября. – Т. 1. – М., 1967.
16. Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917 гг. – Куйбышев, 1969.
17. Точёный Д.С., Точёная Н.Г. Организация политических партий на выборах в думы поволжских городов в 1917 г. – М., 1989.

Сведения об авторах

Белых Владимир Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права, Уральская государственная юридическая академия (г. Екатеринбург); e-mail: prnad@usla.ru

Бочинин Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского; e-mail: dmitry.bochinin@yandex.ru

Вихров Вячеслав Михайлович – соискатель кафедры Русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: tenj@rambler.ru

Зайцева Светлана Валентиновна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: svlanaz@ya.ru

Имихелов Александр Валерьевич – аспирант Институт монголо-ведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: a_v84@mail.ru

Касьянов Григорий Александрович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: minister80@yandex.ru

Кирчанов Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, преподаватель факультета международных отношений, Воронежский государственный университет; e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Левашко Вадим Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Спиридонов Алексей Владимирович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: eurus-malus@mail.ru

Цветкова Екатерина Викторовна – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: thvetkat@yandex.ru

Чепель Александр Иванович – аспирант кафедры всеобщей истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: achipel@mail.ru

Шестопалова Татьяна Михайловна – аспирант кафедры новой и новейшей истории России и краеведения, Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского; e-mail: t-shestopalova@mail.ru

Яров Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: iarov@eu.spb.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 479-90-34

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 3
Том 4. История**

Выпускающий редактор *А. А. Титова*
Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*

Подписано в печать 22.09.2010. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,25. Тираж 500 экз. Заказ № 576

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а